23 апрѣля 1916 года. Печатать дозволяется. Ректоръ Императо
Петроградской Духовной Академіи, Епископъ *Анастасій*.

Рѣчь

при постриженіи въ инокини Евдокіи Забѣлиной [1]), послушницы Іоанновскаго на Карповкѣ, въ г. Петроградѣ, женскаго монастыря, за Божественной литургіей въ усыпальницѣ Батюшки о. Іоанна Кронштадтскаго, 22 марта 1916 г.

Возлюбленная о Христѣ сестра Серафима!

Привѣтствую тебя вседушевно съ тѣми великими милостями, которыхъ сегодня сподобилъ тебя Господь. Все это совершилось здѣсь, у гробницы всѣми высокоцѣнимаго, глубоко почитаемаго и горячо любимаго тобою изъ дѣтства, батюшки о. Іоанна, приснопамятнаго молитвенника, благодѣтеля и учителя многихъ, искренно къ нему притекавшихъ, въ томъ числѣ и твоего. Господь благоволилъ сейчасъ принять тебя въ свои отчія объятія, Господь благословилъ тебя обручиться Христу, Господу нашему, твоему небесному жениху, воспріять ангельскій образъ и облечься во вся оружія правды, дабы стать тебѣ вѣрнымъ и сильнымъ воиномъ Христовымъ.

Вотъ какія блага и милости Господь послалъ тебѣ сейчасъ, сестра Серафима! Но вмѣстѣ съ этимъ ты получила и великія послушанія.

Слушая умилительныя слова чина пострига, ты, конечно, ярко отмѣтила ихъ въ твоемъ умѣ, чуткомъ отъ юности ко

[1]) Дочь именитаго Петроградскаго и Новгородскаго коммерсанта Арсенія Андреевича Забѣлина, виднаго дѣятеля въ торговомъ мірѣ, щедраго жертвователя и крупнаго благотворителя Іоанновской обители на Карповкѣ, въ Петроградѣ.

всему святому, и въ твоемъ сердцѣ, добромъ, щедромъ, испытанномъ великими подвигами труда, поста и молитвы въ такихъ обителяхъ, какъ Саровская пустынь, Оптина, Шамардинская, и запечатлѣла всѣ назиданія, вытекающія отсюда и обязательныя для всѣхъ иноковъ, въ частности же теперь и для тебя. Ты сильно воспріяла, навѣрное, и глубоко западающее въ душу наставленіе: *стяжи смиренномудріе.*

Дивно! Почему это здѣсь говорится не просто *стяжи смиреніе*, кротость, или что-либо подобное, а ясно и опредѣленно сказано: «*стяжи смиренномудріе*»?

Должно быть это—особая христіанская добродѣтель, рѣзко отличающаяся отъ простого, внѣшняго, видимаго смиренія, смиреннаго поведенія и послушанія, и внутренней, невидимой, кротости духа,—добродѣтель, безусловно необходимая и обязательная для воина Христова, дѣятельнаго ратоборца за Правду Божію на землѣ.

Прослѣдимъ это въ жизни и посмотримъ.

Смиреніе есть отрѣшеніе отъ всего видимаго, чувственнаго, и невидимаго, мысленнаго, говорятъ святые отцы, оставленіе даже и помышленій о немъ и всецѣлое удаленіе въ міръ духовнаго житія и совершенства, пребываніе въ небесномъ, у Владыки Христа, при непремѣнномъ, конечно, исполненіи Его святой воли, выраженной, какъ ты знаешь, первѣе всего въ заповѣди о любви къ ближнему.

Смиреніе, кротость, скромное поведеніе и послушаніе въ обычной жизни людей, вѣдь, есть высокая, отличительная особенность, обязательное достояніе и качество всякаго приличнаго нравственно человѣка.

Оно глубоко почитается и въ ветхомъ завѣтѣ. Вспомнимъ хотя бы слова пророка Давида: *кротціи наслѣдятъ землю и насладятся о множествѣ мира* (Пс. 36, 11), или еще: *сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Пс. 50, 19)...

Но это смиреніе все же не смиреніе воина Христова. Оно есть трепетъ и прежде всего трепетъ предъ высокимъ, трепетъ ума и сердца въ ихъ дѣятельности, покорное замираніе, пассивное состояніе духа: *на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ Моихъ*, сказано въ книгѣ пр. Исаіи (66, 2).

Это смиреніе близко къ тому спокойному, пассивному, скажемъ, смиренію—непротивленію, которое сводитъ всю человѣческую жизнь къ страданію. Такое смиреніе есть прибли-

женіе къ равнодушію, безразличію, буддійскому обезличенію человѣка и прекращенію его жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, и поэтому равному смерти.

А Господь нашъ Іисусъ Христосъ, самъ въ себѣ проявляя всегда безконечное смиреніе, смиреніе личное, смиривъ себя даже до смерти, смерти же крестныя, во всемъ и всюду привѣтствовалъ жизнь, жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ ко благу ближняго, жизнь дѣятельную, активную, будемъ говорить, несъ добро въ міръ и ко всѣмъ, находящимся въ мірѣ, ближнимъ своимъ: онъ воскрешалъ мертвыхъ, исцѣлялъ болящихъ, утѣшалъ скорбныхъ, поддерживалъ падавшихъ духомъ, благотворилъ нищимъ, самъ воскресъ, давъ жизни жизнь, своею смертію умертвивъ смерть, и тѣмъ показалъ, что жизнь—наивысшее, Богомъ данное намъ на пользу ближняго, благо.

Вотъ Христово смиреніе. Оно есть смиреніе мудрое, смиренномудріе.

Оно, при смиренномъ отношеніи къ самому себѣ, забвеніи себя, есть такимъ образомъ дѣятельное, христіански любовное участіе къ другимъ, дѣятельная помощь въ жизни нуждающагося ближняго, направленіе ея ко всему доброму, хорошему, святому и къ отвращенію отъ всего злого, сквернаго, грѣховнаго, ненависть ко грѣху, какъ таковому, и полная, исправляющая любовь къ людямъ, подверженнымъ грѣху и совершающимъ его, служеніе ближнему на пользу духовную его даже да душу свою положити за други своя (Іоанна 15, 13).

Это ясно и въ самой жизни Господа нашего Іисуса Христа. Онъ лично воплощенное смиреніе, ревнуя о благѣ и господствѣ Правды Божіей въ людяхъ, вервіемъ, напр., изгналъ торгующихъ изъ храма, превратившихъ святое мѣсто въ вертепъ разбойниковъ. Онъ совершилъ это, конечно, не для личнаго блага, имѣя въ виду не какую-либо своекорыстную, самолюбивую цѣль, а торжество правды и побѣду справедливости надъ неправдой и насиліемъ. Они требовали такого поступка.

Не можемъ мы не прибавить сюда и еще нѣсколько примѣромъ изъ жизни святыхъ, Божіихъ угодниковъ.

Святитель Христовъ Николай, правило вѣры, образъ кротости и воздержанія учитель, ревнуя о правдѣ Божіей, не зная и не щадя личнаго самолюбія, въ порывѣ дѣятельнаго смиренія, ударомъ по лицу воздѣйствовалъ на еретика Арія, похулившаго Христа.

А твой, сестра Серафима, новый небесный покровитель,

преподобный Серафимъ (19 іюля) развѣ не былъ образцомъ смиренномудрія?! Въ своихъ личныхъ отношеніяхъ совершенно оставлялъ и забывалъ онъ себя, смиренный же совершенно самъ собой, онъ былъ вѣчной радостью для другихъ, и всѣхъ, даже великихъ, по нашему земному разумѣнію, грѣшниковъ встрѣчалъ онъ всегда съ добрыми, полными ласки, святыми словами радости и любви Христовой, любовно привѣтствуя постоянно и вхожденіе ихъ къ себѣ, въ келію молитвенную, бодрящимъ обращеніемъ: «радость ты моя»! И уже этимъ однимъ онъ влагалъ радость въ душу каждаго, нуждающагося, обремененнаго и скорбящаго, не говоря о его дивныхъ бесѣдахъ и назиданіяхъ, въ которыхъ бывало и рѣзкое обличеніе грѣха.

По молитвамъ и предстательству святаго, преподобнаго и богоноснаго отца нашего Серафима, Саровскаго чудотворца, да благословитъ Господь и тебѣ, возлюбленная сестра Серафима, *стяжать* дивное *смиренномудріе*, смиреніе дѣятельное, въ исполненіи заповѣдей Господа нашего Іисуса Христа!

Этотъ святой образъ преподобнаго угодника Божія прими, сестра, отъ меня, грѣшнаго, на молитвенную память тебѣ о сегодняшнемъ, великомъ и знаменательномъ для тебя днѣ, днѣ твоего вступленія въ ликъ инокующихъ, вступленія здѣсь, въ этой обители, явившейся трудами и молитвенными подвигами приснопамятнаго батюшки о. Іоанна, который былъ самъ великимъ почитателемъ преподобнаго о. Серафима и самъ являлъ дивное смиренномудріе въ своей собственной, богоугодной жизни. Подражай его смиренномудрію, которое и тебѣ и всѣмъ хорошо извѣстно, а особенно вамъ, возлюбленныя сестры святой обители сей, вѣдомо оно изъ дорогой жизни для ближнихъ нашихъ самого батюшки о. Іоанна, проходившей всецѣло на вашихъ глазахъ, здѣсь же въ обители, въ нашемъ богоспасаемомъ градѣ, для блага духовнаго всей Россіи.

Да благословитъ Господь, сестра Серафима, твое вхожденіе въ объятія отца!

Епископъ **Анастасій.**

Книга Іова и вавилонская пѣснь страждущаго праведника [1]).

НАЧАВШЕЕСЯ со времени дешифрированія клинописи изученіе ассировавилонской письменности привело къ открытію цѣлаго ряда документовъ, представляющихъ въ своемъ содержаніи черты сходства съ произведеніями ветхозавѣтной литературы. Какъ таковые, они дали, вмѣстѣ съ памятниками Египта, древняго Ханаана и другихъ странъ передняго Востока, обширный матеріалъ для сравнительнаго изученія почти всѣхъ сторонъ жизни библейскаго Израиля. Сопоставленію съ внѣбиблейскими данными подвергаются въ настоящее время его исторія, религія, формы быта, права и даже произведенія субъективнаго религіозно-нравственнаго творчества. Такъ, въ параллель библейскимъ псалмамъ ставятся вавилонскіе покаянные гимны, книга Іова сопоставляется съ вавилонскою пѣснью страждущаго праведника. И если нѣкоторыя внѣбиблейскія параллели оказываются неудачными, то этого нельзя сказать о послѣднемъ памятникѣ. Наблюдаемое между нимъ и книгою Іова сходство является дѣйствительнымъ, а не мнимымъ, и правильно понятое со стороны вызвавшихъ его причинъ даетъ безспорный отвѣтъ на нѣкоторые возбуждаемые данною книгою вопросы. Ихъ рѣшеніе переносится изъ области предположеній, въ каковой до сихъ поръ находилось, въ сферу точныхъ, положительныхъ данныхъ. Въ виду подобнаго значенія, вавилонская пѣснь страждущаго праведника заслуживаетъ полнаго вниманія.

---

[1]) Рѣчь на годичномъ актѣ Императорской Петроградской Духовной Академіи 17-го февраля 1916 г.

Сохранившаяся до настоящаго времени въ двухъ спискахъ,—ассирійскомъ и вавилонскомъ, пѣснь дѣлается извѣстною съ 1875 года. Въ этомъ году былъ изданъ Раулинсономъ [1]) незначительный отрывокъ ея ассирійскаго текста, найденный въ библіотекѣ Ассурбанипала (668-626 г.). Въ 1888 году Evetts опубликовалъ два новыхъ отрывка пѣсни [2]), составившихъ съ фрагментомъ Раулинсона ея вторую часть. Въ 1894 году въ архивѣ храма бога Самаса въ Сиппарѣ былъ найденъ Шейлемъ вавилонскій текстъ пѣсни [3]). Онъ нѣсколько обширнѣе ассирійскаго,—даетъ для ея второй части пять новыхъ строкъ, но, додобно ему, также не воспроизводитъ всего состава нашего памятника. Возстановленіе этого послѣдняго, хотя и не во всей полнотѣ, сдѣлалось возможнымъ, благодаря найденному въ той же библіотекѣ Ассурбанипала комментарію къ пѣсни [4]) и изданному Томпсономъ въ 1910 году ея новому фрагменту [5]). На основаніи комментарія устанавливается текстъ первой и четвертой части пѣсни, на основаніи фрагмента Томпсона—третьей. Значительные пропуски въ томъ и другомъ памятникѣ лишаютъ однако возможности возстановить содержаніе пѣсни во всемъ его объемѣ. По подсчету Ястрова, основанному на изученіи ея отдѣльныхъ редакцій, она заключала не менѣе 480 строкъ, въ настоящее время извѣстно не болѣе 200 [6]).

---

[1]) Rawlinson. Cuneiform Inscriptions of Western Asia. T. IV. pl. 67.

[2]) Ewetts. Proceeding of the Society of Biblical Archaeology. X. p. 478. Оба отрывка опубликованы Rawlinson'омъ въ IV т. „Cuneiform Inscriptions". Pl. 60. Ed. 2, 1891.

[3]) Scheil. Une saison de fouilles à Sippar. Pg. 105. Caire. 1900.

[4]) Rawlinson. Op. cit. T. V. pl. 47. 1884.

[5]) Thompson. Proceeding of the Society of Biblical Archaeology. T. XXXII. I. p. 18—24. 1910.

[6]) Journal of Biblical Literature. XXV. p. 145. Почти одновременно съ изданіемъ текстовъ вавилонской пѣсни начались ея переводы. Древнѣйшіе изъ нихъ — переводы одной второй части, принадлежалъ Halèvy — „Documents religieux de l'Assyrie et de la Babylonie". Pg. 125. Paris 1882; Sayc'y — „Hibbert. Lectures on the Religion of Babylonia and Assyria. 1887"; Zimmern'y-Schrader—„Die Keilinschriften und das Alte Testament". S. 385. Переводъ пѣсни на основаніи фрагментовъ Rawlinson'a, Шейля и Комментарія, т. е. въ объемѣ трехъ частей, данъ Jastrow'ымъ — „Die Religion Babyloniens und Assyriens". Bd. II, Lieferung 9. S. 124—132. 1906. Фрагментъ Томпсона использованъ Martin'омъ — „Le juste souffrant Babylonien". Journal Asiatique. Juillet. Août. 1910. Pg. 86—106, и Landersdorfer'омъ — „Eine Babylonische Quelle für das Buch

Содержаніе пѣсни представляется въ слѣдующемъ видѣ. Начинаясь прославленіемъ бога Бэла, она переходитъ въ изображеніе постигшихъ страдальца бѣдствій. Насколько можно судить по сохранившемуся тексту первой части, ими являются лишеніе зрѣнія, слуха и утрата прежняго положенія, положенія царя, измѣнившая отношеніе къ нему его друзей. «Я былъ, говоритъ страдалецъ, царемъ и превратился въ раба. Какъ глупца, меня стали оскорблять мои друзья, среди собранія они меня проклинали». Несчастія, ударъ за ударомъ поражаютъ страдальца: его удѣлъ—«днемъ вздохи, ночью слезы, на протяженіи мѣсяцевъ вопли, въ теченіе года скорбь». Онъ дошелъ до конца жизни и, оглядываясь кругомъ, вездѣ видитъ одно бѣдствіе. Находясь въ такомъ состояніи, страдалецъ лишенъ надежды на его измѣненіе. Его праведность никѣмъ не признается, мольбы къ богу и богинѣ о помощи остаются напрасными: богъ сокрылъ отъ него лицо свое, богиня не подняла головы своей. Провидецъ грядущаго не могъ открыть ему будущаго, вопрошающій мертвыхъ не далъ отвѣта, и жрецъ-примиритель не разрѣшилъ его узъ путемъ волхвованій. «Ужасно, замѣчаетъ страдалецъ, ничего подобнаго не видалъ я на землѣ». Никто не можетъ объяснить ему причину постигшихъ его бѣдствій; и самъ онъ не видитъ для нихъ основаній въ своей прежней жизни. «Озираюсь я назадъ—за мною бѣдствіе, какъ будто я не принесъ моему богу жертвеннаго возліянія и не подумалъ о богинѣ при жертвенной трапезѣ, не склонилъ своего лица и не доказалъ своего смиренія, былъ небреженъ къ богамъ, не внималъ ихъ изреченіямъ и легкомысленно клялся именемъ своего досточтимаго бога». Страдальца постигла участь грѣшника, а между тѣмъ его прежнія отношенія къ богу—отношенія полной покорности. «Я думалъ, замѣчаетъ онъ, только о молитвѣ и мольбѣ; молитва была моимъ правиломъ, жертва—закономъ; день чествованія бога—днемъ радости для моего сердца; я училъ свою страну чтить имя бога, прославлять имя богини наставлялъ я мой народъ. Я вѣрилъ, что все это угодно богу; но казавшееся мнѣ благомъ для него оказалось мерзостью и презрѣнное

Job?“ S. 21—8. 1911. Пѣснь переведена ими въ составѣ всѣхъ четырехъ частей. На русскомъ языкѣ, въ переводѣ проф. Б. А. Тураева имѣется только вторая часть пѣсни—„Исторія древняго Востока“. Ч. I. Стр. 150. Петроградъ. 1913. Болѣе подробныя свѣдѣнія о переводахъ пѣсни см. у Landersdorfer'a. Ibid. S. 10—14.

само по себѣ заслуживающимъ его благоволеніе». Съ страдальцемъ совершилось нѣчто необъяснимое съ человѣческой точки зрѣнія. «Кто можетъ—говоритъ онъ,—разгадать волю боговъ небожителей? Кто въ состояніи понять полный тайны совѣтъ божій? Какъ смертнымъ постичь пути божіи? Живые вечеромъ—мертвы утромъ; они быстро сходятъ во мракъ, мгновенно поражаются». Участь послѣдняго рода постигла и его. Въ него вселился демонъ болѣзни, и изъ желтоватой она сдѣлалась бѣлой. Раздроблена его шея и затылокъ; какъ ива, пригнутъ онъ къ землѣ, вырванъ, какъ дерево съ корнемъ, и поверженъ на спину. Прежде здоровый и сильный, онъ не можетъ принимать теперь пищи; она стала подобна зловонной травѣ; его мучитъ голодъ, и блѣдность покрываетъ лицо. Пораженный длительной болѣзнью, онъ привязанъ къ ложу и не можетъ двинуться съ мѣста; собственный домъ превратился въ темницу; бременемъ сдѣлалось тѣло: руки какъ цѣпи; безпомощно протянулись скованныя ноги. Болѣзненно было паденіе и тяжела рана: гонитель пропзилъ его стрѣлой, нанесъ ужасную язву. «Онъ преслѣдуетъ его цѣлый день и ночью не даетъ вздохнуть». Изувѣчены и разбиты колѣна страдальца, распадаются члены; какъ волъ, проводитъ онъ ночи на ложѣ, подобно барану, обливается нечистотами. Пораженный тяжкой болѣзнью и всѣми оставленный, страдалецъ предается мысли о неизбѣжной наступающей смерти. «Гробъ, говоритъ онъ, открытъ, уже готовится мое погребеніе. Прежде чѣмъ я умеръ, надо мной исполняютъ погребальную пѣснь; страна произноситъ: увы! и торжествующій врагъ передаетъ другимъ радостную вѣсть».« Отяжелѣла на мнѣ рука его, и я не въ состояніи болѣе терпѣть ее», такими словами заканчивается описаніе страданій во второй части пѣсни.

Терпѣніе страдальца истощено; но въ этотъ моментъ онъ исцѣляется отъ болѣзни богомъ Мардукомъ. Послѣдній наводитъ на живущаго въ Ниппурѣ Tabi-utul-Bel'a сонъ, во время котораго къ нему является духъ почившаго Ur-Bau и отъ имени Мардука приказываетъ передать страждущему Sub-si-mesri-Nergal'у вѣсть объ исцѣленіи. На разсвѣтѣ было сообщено извѣстіе, и за нимъ послѣдовало прекращеніе болѣзни, ставшее извѣстнымъ всему народу. Мои грѣхи, разсказываетъ Subsi-mesri-Nergal, унесъ онъ вѣтромъ; какъ растеніе, вырвалъ корень болѣзни, прекратилъ нездоровый болѣзненный сонъ, тревожившій мой покой; онъ отверзъ мои глаза, ко-

торые самъ покрылъ мракомъ ночи, и просвѣтилъ ихъ взоръ; открылъ мои ранѣе закрытыя уши, вернувъ имъ слухъ; исцѣлилъ впадины носа, такъ что я получилъ способность дыханія; прекратилъ дрожаніе губъ, очистилъ ротъ и уста, укрѣпилъ мои зубы и распухшему языку, которымъ я не могъ ранѣе двинуть, сообщилъ способность ясной рѣчи. Умирающему отъ голодной смерти богачу онъ принесъ пищу и снабдилъ его питьемъ. Подобно кедру, выпрямилъ мою склоненную къ землѣ шею и далъ мнѣ видъ человѣка полнаго силъ. Онъ погасилъ свой гнѣвъ на меня, прекратилъ свою ярость. На берегахъ священной рѣки, гдѣ совершается судъ надъ людьми, было стерто рабство, разбиты рабскія цѣпи.

Какъ видно изъ приведеннаго очерка содержанія вавилонской пѣсни, она совпадаетъ въ немъ съ книгою Іова. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ обоихъ произведеній является пораженный болѣзнью, оставленный людьми и богомъ, но потомъ исцѣленный имъ богачъ-праведникъ. Еще яснѣе выступаетъ сходство въ подробностяхъ содержанія, совпадающихъ почти до полнаго тождества. Такъ, если Іовъ по даннымъ книги своего имени является современникомъ патріарховъ, то на этотъ же періодъ падаетъ и жизнь страдальца вавилонской пѣсни. Его современникъ Tabi-utul-Bel включается въ списокъ вавилонскихъ царей въ число властителей Ниппура, правившихъ имъ послѣ потопа [1]). Кромѣ него, пѣснь упоминаетъ еще объ умершемъ Ur-Bau, подъ каковымъ именемъ извѣстенъ одинъ изъ патэси Ширпурлы, или Лагаша. Имена Ниппура и Ширпурлы, — двухъ религіозныхъ и политическихъ центровъ южной Вавилоніи изъ такъ называемой Суммерійской эпохи, давали бы право относить къ данному времени и описанное въ вавилонской пѣсни событіе [2]). Но подобный выводъ ослабляется фактомъ существованія данныхъ городовъ и въ позднѣйшій періодъ. Такъ, о Ниппурѣ упоминается въ въ надписи современника Авраама эламитскаго царя Эріаку [3]),

---

[1]) Rawlinson. Op. cit. T. V. pl. 44, kol. II, 17. Ср. Hommel. Grundriss der Geographie und Geschichte des alten Orients. S. 251. Anm. 3; S. 351.

[2]) Подобный взглядъ высказываетъ Landersdorfer. По его словамъ, оригиналъ нашей пѣсни былъ составленъ въ Эриду и отсюда съ возвышеніемъ Вавилона перенесенъ въ архивъ храма Мардука. Eine Babylonische Quelle für das Buch Job? S. 78—9.

[3]) Hommel. Die Altisraelitische Überlieferung in inschriftlichen Beleuchtung. S. 167—8. München. 1897.

а равно и въ одномъ документѣ изъ временъ династіи Гаммураби. Въ послѣднемъ памятникѣ Ниппуръ называется имѣющимъ своего пастыря [1]), каковое имя, судя по его употребленію въ надписи царя первой Урской династіи — Гамильнибиба, значитъ то же самое, что правитель [2]). Если указанныя данныя не требуютъ непремѣнно отнесенія описаннаго въ вавилонской пѣсни событія къ суммерійскому періоду, то факты другого рода говорятъ уже противъ такого отнесенія и заставляютъ пріурочить событіе къ эпохѣ первой вавилонской династіи. Ими является вѣрованіе страдальца въ Мардука, какъ верховнаго бога, и упоминаніе о посвященномъ ему храмѣ Эсагилѣ. По той и другой чертѣ онъ современникъ первой вавилонской династіи, такъ какъ только теперь Мардукъ становится верховнымъ божествомъ, занимаетъ мѣсто Энлиля—Бела [3]), и Замумъ третій царь изъ династіи Гаммураби, строитъ ему храмъ Эсагилу [4]). Современникъ суммерійскаго періода не могъ говорить о несуществовавшей при немъ Эсагилѣ и въ своихъ мольбахъ обратился бы не къ Мардуку, а къ Белу-Энлилю. Правда, имя Бела встрѣчается въ первой строкѣ первой части пѣсни. И это обстоятельство подтверждаетъ, повидимому, мнѣніе Ястрова, что современникъ древняго Ниппура, страдалецъ вѣровалъ въ Бела; авторы же пѣсни—вавилонскіе жрецы замѣнили его Мардукомъ [5]). Въ дѣйствительности, совмѣстное упоминаніе Мардука и Бела-Энлиля составляетъ одну изъ особенностей литературныхъ памятниковъ времени династіи Гаммураби. Оно встрѣчается, напримѣръ, въ введеніи и заключеніи къ его своду законовъ [6]), а потому и воспроизводящая данную черту вавилонская пѣснь является документомъ этой эпохи. Въ пользу того же самаго вывода говоритъ наличность въ ней нѣкоторыхъ выраженій, напримѣръ, ib-bir-ru (4 ч., стр. 12), являющихся техническими терминами въ законахъ Гаммураби [7]), а равно и древнихъ

[1]) Б. А. Тураевъ. Исторія древняго востока. I ч. Стр. 118—119.

[2]) Schrader. Keilinschriftliche Bibliothek. Sammlung von assyrischen und babylonischen Texten. Band III. H. I. S. 81. Ср. и Hommel. Op. cit. ibid.

[3]) Jastrow. Die Religion Babyloniens und Assyriens. B. I. Кар. VIII. S. 110—112. Ср. Б. А. Тураевъ. Op. cit. Ч. I. Стр. 127.

[4]) Б. А. Тураевъ. Op. cit. Ч. I. Стр. 103.

[5]) Jastrow. Op. cit. B. II. Кар. XVIII. S. 132.

[6]) Gressman. Altorientalische Texte und Bilder zum alten Testament. B. I. S. 141, 168. 1909.

[7]) Landersdorfer. Op. cit. S. 53. Martin. Op. cit. Pg. 141.

вавилонскихъ формъ,—garsun, вмѣсто garsu, встрѣчающихся въ текстахъ первой династіи [1]). Описанное въ вавилонской пѣсни событіе падаетъ на время династіи Гаммураби [2]), или что тоже—на библейскій патріархальный періодъ, къ которому пріурочивается исторія Іова.

Шестая строка первой части пѣсни называетъ страдальца княземъ. Іовъ юридически не былъ имъ, но фактически являлся главой своихъ соплеменниковъ: «онъ назначалъ пути имъ, сидѣлъ во главѣ и жилъ, какъ царь въ кругу воиновъ» (29, 25). Одинаковыми штрихами очерчено также благочестіе Іова и страдальца пѣсни. Согласно еврейскому «tam»—цѣлый, неповрежденный, праведность Іова была преданностью Богу всей его личности въ противоположность половинчатости и лицемѣрію. Нелицемѣрно, по побужденіямъ чистой любви былъ преданъ своему богу и Subsi-mesri-Nergal: день чествованія бога былъ днемъ радости его сердца; находясь подъ охраною добраго генія, онъ и вся его семья служили своему богу въ чувствѣ любви (2 часть, 83—84 стр.). Богъ былъ для Іова высшимъ благомъ. о чемъ говорятъ его слова: «полагалъ-ли я въ золотѣ опору мою, и говорилъ-ли сокровищу: ты надежда моя?» (31, 24). Ту же самую мысль и почти въ той-же самой формѣ высказываетъ и страдалецъ вавилонской пѣсни, замѣчая, что дни почитанія богини составляли его богатство и лучшее достояніе (2 часть, 26 стр.). Какъ и Іовъ, онъ хранилъ заповѣди своего бога и тѣмъ не менѣе, подобно ему, былъ пораженъ тяжкимъ недугомъ. Болѣзнью Іова по даннымъ книги его имени была проказа, элефантіазисъ, какъ называютъ ее уже Оригенъ и Іоаннъ Златоустъ. Болѣзнью кожи страдалъ также Subsi-mesri-Nergal, о чемъ достаточно ясно говорятъ слова: изъ желтоватой болѣзнь сдѣлалась бѣлой (2 часть, стр. 49). Такія-же ея проявленія, какъ гніеніе, о чемъ свидѣтельствуетъ выраженіе gar-su [3]), распаденіе членовъ и утрата способности рѣчи: «моему распухшему языку которымъ я не могъ двинуть, Мардукъ сообщилъ способность ясной рѣчи» (3 часть, 60—1 стр.), даетъ полное право считать ее проказою, ибо эта послѣдняя сопровождалась указанными явленіями. О томъ-же самомъ говоритъ и обозначеніе

[1]) Martin. Op. cit. Pg. 139—140; 84.
[2]) Памятникомъ данной эпохи признаетъ пѣснь Martin. Op. cit. Pg. 85.
[3]) Martin. Op. cit. Pg. 140.

болѣзни Subsi-mesri-Nergal'a терминомъ «gar-bu»: въ арабскомъ и сирскомъ языкахъ онъ значитъ проказа [1]). Но физическія боли составляли лишь часть страданій, пережитыхъ Іовомъ и Subsi-mesri-Nergal'омъ. Тотъ и другой мучился сознаніемъ, что съ нимъ, праведникомъ, Богъ поступилъ, какъ съ злодѣемъ. Отсюда жалобы на незаслуженность бѣдствій, обвиненіе Бога въ неправосудіи, въ попраніи правды. Іовъ высказываетъ это въ словахъ: «если я невиненъ, то онъ признаетъ меня виновнымъ» (9, 20); согласно съ нимъ говоритъ и Subsi-mesri-Nergal: «я вѣрилъ, что все это, т. е. мое прежнее благочестіе угодно богу, но казавшееся мнѣ благомъ для бога оказалось мерзостью» (2 часть, стр. 33—4). Сохраненію вѣры въ божественное правосудіе не помогла возникшая въ сознаніи обоихъ страдальцевъ мысль о неисповѣдимой премудрости божіей. Для Іова божественная премудрость не только не служитъ ручательствомъ заслуженности постигшихъ его бѣдствій, но скорѣе говоритъ обратное, такъ какъ она сказывается, по его взгляду, лишь стихійными міровыми катастрофами (12, 13—25). Равнымъ образомъ, божественною премудростью не разъясняется загадочность судьбы какъ Subsi-mesri-Nergal'a, такъ и подобныхъ ему людей, которые, по его словамъ, «сейчасъ веселы и играютъ, а черезъ мгновеніе рыдаютъ, какъ плакальщики (2 часть, 41—2 стр.). Тожественная въ своемъ началѣ и продолженіи, исторія Іова и страдальца вавилонской пѣсни завершается и одинаковымъ концомъ: оба исцѣляются Богомъ.

Тожественныя со стороны основного содержанія и его подробностей, книга Іова и вавилонская пѣснь сходны и какъ литературныя произведенія. Въ той и другой страданія праведника являются матеріаломъ и вмѣстѣ поводомъ для постановки и рѣшенія проблемы о злѣ; въ обѣихъ наблюдается одинаковый способъ характеристики благочестія праведниковъ, сводящійся къ указанію его положительныхъ и отрицательныхъ проявленій; въ обѣихъ — однородные переходы отъ жалобъ на страданія къ вопросу объ ихъ причинѣ и одинаковый пріемъ оттѣненія тяжести бѣдствій путемъ противоположенія имъ прежняго, былого счастья. Въ этомъ отношеніи слова Іова: «о если-бы я былъ, какъ въ прежніе мѣсяцы, какъ въ тѣ дни, когда Богъ хранилъ меня, и я при свѣтѣ Его ходилъ

[1]) Martin. Op. cit. Pg. 138.

среди тьмы, когда Вседержитель былъ со мною, и дѣти мои вокругъ меня» (29, 2—5), находятъ свой отзвукъ въ слѣдующей фразѣ вавилонскаго стрададьца: «и вспомнилъ я время, когда вся моя семья, находясь подъ охраною добраго генія, служила своему богу въ чувствѣ любви» (2 часть, стр. 83 —4). Литературное сходство книги Іова и вавилонской пѣсни простирается даже на внѣшнюю форму: одинаковыя мысли выражены одинаковыми оборотами рѣчи. Изъ числа подобныхъ совпаденій могутъ быть отмѣчены слѣдующія:

Вавилонская пѣснь.

«Какъ глупца, меня оскорбляли мои товарищи» (1 часть стр. 7).

«День—вздохи, ночь—слезы, мѣсяцъ—вопли, годъ—скорби» (1 часть, стр. 10—11).

«Я взывалъ къ моему богу о помощи, но онъ не явилъ мнѣ лица своего» (2 часть, стр. 4).

«Я не пренебрегалъ изреченіями боговъ».

«Живые вечеромъ мертвы утромъ, быстро сходятъ во мракъ» (2 часть стр. 39—40).

«Раздробилъ мою шею и затылокъ» (2 часть, стр. 50).

«Онъ пронзилъ меня стрѣлою» (2 часть, стр. 64).

«Цѣлый день преслѣдуетъ меня гонитель и ночью не даетъ мнѣ вздохнуть» (2 часть, стр. 67—8).

«Гробъ уже открытъ» (2 часть, стр. 78).

«Онъ покрылъ глаза мои мракомъ ночи» (3 часть, стр. 49).

«Онъ прекратилъ нездоровый сонъ, который тревожилъ мой покой» (3 часть, стр. 44—5).

Книга Іова.

«Посмѣшищемъ я сталъ для друга своего» (12, 4; 17, 6)

«Я получилъ въ удѣлъ мѣсяцы суетные, и ночи горестныя отчислены мнѣ» (7, 3); «дни скорби объяли меня» (30, 16).

«Я взываю къ Тебѣ, и Ты не внимаешь мнѣ» (30, 20). «Для чего ты скрываешь лицо свое» (13, 24)?

«Отъ заповѣди устъ Его я не отступалъ» (23, 12).

«Между утромъ и вечеромъ они распадаются; мгновенно сходятъ въ преисподнюю» (21, 13).

«Онъ схватилъ меня за шею и разбилъ меня» (16, 12).

«Стрѣлы Вседержителя во мнѣ».

«Ты гонишься за мною» (10, 16) «и не даешь мнѣ перевести духъ» (9, 18).

«Гробы предо мною». (17,1).

«И на вѣждахъ моихъ тѣнь смерти» (16, 16).

«Ты страшишь меня снами и видѣніями пугаешь меня» (7, 14).

Кн. Іова и вавилонская пѣснь сходны и въ лексическомъ отношеніи; въ ихъ языкѣ встрѣчаются арабскія, арамейскія и эфіопскія реченія [1]).

Книга Іова и вавилонская пѣснь отмѣчены чертами сходства и тождества. Послѣднее простирается на внѣшнее положеніе страдальцевъ, ихъ самосознаніе и сознаніе и заставляетъ думать, что оба произведенія описываютъ одно и то же событіе, но не два одинаковыхъ, однородныхъ факта, какъ утверждаетъ Landersdorfer. Въ подтвержденіе своего пониманія онъ ссылается на различіе именъ страдальцевъ и мѣстностей, къ которымъ пріурочивается дѣйствіе въ книгѣ Іова и вавилонской пѣсни [2]). Но замѣна Ноя Утъ-Напиштимомъ и горы Араратъ Низиромъ не препятствуетъ считать упоминающіе о нихъ ассиро-вавилонское сказаніе и библейскій разсказъ повѣствованіемъ объ одномъ и томъ же событіи, т. е. всемірномъ потопѣ. Сообразно съ этимъ нѣтъ основаній утверждать, что кн. Іова и вавилонская пѣснь говорятъ о двухъ одинаковыхъ фактахъ, но не объ одномъ событіи только потому, что въ первой страдалецъ называется Іовомъ, и мѣстомъ дѣйствія является земля Уцъ, а во второй ему усвояется имя Subsi-mesri-Nergal, и дѣйствіе переносится въ предѣлы Вавилоніи. Не исключена, конечно, возможность предположенія, что случаи пораженія праведниковъ одинаковою болѣзнью могли имѣть мѣсто въ различныхъ странахъ. Но библейскій и вавилонскій разсказы констатируютъ не только фактъ заболѣванія, но и исцѣленія отъ неизлѣчимой болѣзни. По поводу совпаденія нашихъ памятниковъ въ этой характерной подробности Lendersdorfer замѣчаетъ, что возстановленіе страждущаго праведника въ его прежнемъ благосостояніи представляется среди нормальныхъ обстоятельствъ крайне невѣроятнымъ явленіемъ [3]). Но если крайне невѣроятенъ единичный случай, то тѣмъ болѣе невѣроятно его повтореніе, и потому Landersdorfer лишаетъ себя права утверждать, что возстановленіе праведника въ его прежнемъ благосостояніи могло имѣть мѣсто въ различныхъ странахъ.

Другое основаніе для своего взгляда онъ усматриваетъ въ различіи самосознанія дѣйствующихъ лицъ и въ проистекающемъ отсюда неодинаковомъ рѣшеніи нашими памятниками вопроса о причинѣ страданій праведника. Іовъ является пра-

[1]) См. Филаретъ. Происхожденіе книги Іова. Стр. 175—7. Кіевъ. 1872. Martin. Op. cit. Pg. 123.

[2]) Op. cit. S. 104—8. [3]) Landersdorfer. Op. cit. S. 117.

ведникомъ въ полномъ смыслѣ этого слова: сознаніе невинности и правоты не покидаетъ его на протяженіи всей болѣзни. Въ зависимости отъ этого и постигшія его бѣдствія носятъ характеръ испытанія благочестія со стороны устойчивости и истинности [1]). Увѣренъ въ своей праведности и вавилонскій страдалецъ; но въ немъ, говоритъ Landersdorfer, возникаетъ мысль, не согрѣшилъ ли онъ безсознательно, не навлекъ ли на себя божественный гнѣвъ и наказаніе тѣмъ, что въ силу взгляда на себя—царя, какъ намѣстника бога на землѣ, требовалъ себѣ божескихъ почестей [2]). Сообразно съ этимъ вопросъ о страданіи рѣшается въ пѣсни въ томъ смыслѣ, что они являются наказаніемъ за ошибки, допускаемыя праведниками, хотя и не всегда ими сознаваемыя. Проблема зла получаетъ въ ней иное, чѣмъ въ кн. Іова, освѣщеніе. «Господь, утверждаетъ послѣдняя, въ силу своей неизслѣдимой премудрости, съ которою управляетъ универсомъ, можетъ имѣть для Своихъ посѣщеній совершенно иныя основанія по сравненію съ тѣми, какія въ состояніи усматривать ограниченный разумомъ человѣкъ,—особыя побужденія къ пораженію праведника тяжкими страданіями, не носящими характера наказанія за грѣхъ. Въ очахъ Божіихъ, говоритъ вавилонская цѣснь, грѣхи существуютъ и тамъ, гдѣ человѣкъ ихъ не замѣчаетъ» [3]). Іовъ и Subsi-mesri-Nergal—два различныхъ лица; книга Іова и вавилонская пѣснь—два различныхъ произведенія.

Конечно, Landersdorfer не высказалъ бы такого взгляда на рѣшеніе проблемы о злѣ въ вавилонской пѣснѣ, если бы принялъ во вниманіе свои болѣе раннія разсужденія по поводу того же самаго вопроса. «Богословіе цвѣтущей эпохи вавилонской культуры изъ времени первой вавилонской династіи искало, говоритъ онъ, и нашло рѣшеніе проблемы о злѣ въ томъ, что отдвинуло ее въ недосягаемую даль путемъ указанія на неизслѣдимыя опредѣленія Божія и на недостаточность человѣческаго познанія» [4]). Какъ видно изъ приведеннаго мѣста, проблема о злѣ рѣшается согласно съ книгою Іова. Вавилонская пѣснь и не думаетъ утверждать, что бѣдствія по-

[1]) Ibid. S. 112—113, 115.

[2]) Ibid. S. 111. Landersdorfer повторяетъ въ настоящемъ случаѣ взглядъ Jastrow'a. Op. cit. B. II. Kap. XVIII. S. 126.

[3]) Landersdorfer. Op. cit. S. 116. [4]) Ibid. S. 73.

сылаются за грѣхи. Но дѣло не столько въ самопротиворѣчіи Landersdorfer'a, сколько въ полной несостоятельности его стремленія усвоить Subsi-mesri-Nergal'y сознаніе грѣховности. Слѣды его выступаютъ будтобы въ словахъ 33 стр. 2 части пѣсни: «я вѣрилъ, что это угодно богу». Находясь, по мнѣнію Landersdorfer'a, въ связи лишь съ двумя предшествующими строчками, въ которыхъ идетъ рѣчь о почитаніи царя, они содержатъ указаніе на косвенное признаніе страдальца въ бозсознательно допущенномъ грѣхѣ,—усвоеніи себѣ какъ намѣстнику божества на землѣ, божескихъ почестей [1]). До болѣзни Subsi-mesri-Nergal вѣрилъ, что уравненіе царя съ богомъ со стороны воздаянія ему божескаго почитанія угодно богу, а во время болѣзни смутно понялъ, что это былъ съ его стороны грѣхъ. Но подобное пониманіе фразы: «я вѣрилъ, что это угодно богу», не допустимо съ точки зрѣнія контекста. По его указанію, она является заключеніемъ всѣхъ предшествующихъ разсужденій страдальца о безпричинности постигшаго его наказанія, говоритъ, что дѣйствительность не оправдала его вѣры въ богоугодность прежняго поведенія. Поэтому если бы 33 стр. отмѣчала возникновеніе въ сознаніи Subsi-mesri-Nergal'a мысли о грѣховности, то грѣховными должны были казаться ему всѣ тѣ вышеперечисленныя формы служенія богу, въ которыхъ выражалось его благочестіе. Неестественность подобнаго вывода ясна сама по себѣ и очевидна для Landersdorfer'a [2]). Надѣясь избѣжать ея, онъ и ставитъ 33 стр. въ связь лишь съ двумя предшествующими, но не замѣчаетъ, что и этотъ искусственно придуманный исходъ нисколько не устраняетъ неестественности. 33 стр. стоитъ въ связи съ 31-й: «почтеніе къ царю я считалъ равнымъ почтенію къ Богу», и 32-ой: «я училъ народъ уваженію предъ дворцомъ». Обоженіе царя могло-бы быть признано за грѣхъ, но таковымъ не можетъ считаться внушеніе подданнымъ чувства уваженія предъ дворцомъ, т. е. къ царской власти. И между тѣмъ

---

[1]) Landersdorfer. Op. cit. S. 67.

[2]) При связи со всѣмъ предшествующимъ стр. 33 имѣетъ, говоритъ Landersdorfer, такой смыслъ: „моя вина, за которую я такъ тяжко наказанъ, состоитъ въ томъ, что я добросовѣстно исполнялъ религіозныя обязанности частнаго человѣка и главы государства. Но мы не имѣемъ права влагать въ уста вавилонскаго правителя такую язвительную иронію; она не соотвѣтствовала бы и цѣли дидактическаго произведенія". Op. cit. S. 67.

такого невѣроятнаго вывода требуетъ взглядъ Landersdorfer'a. Съ другой стороны, если усвоеніе царю божескихъ почестей составляло обычное явленіе въ эпоху написанія вавилонской пѣсни,—извѣстно изъ исторіи царя Лагаша Гудеа, второго царя Урской династіи Дунги [1]) и предполагается кодексомъ Гаммураби, то нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы Subsi-mesri-Nergal возвысился надъ взглядомъ своихъ современниковъ, отвергъ его, какъ грѣховный. По крайней мѣрѣ права на подобный выводъ не даетъ его понятіе о грѣхѣ; согласно общевавилонскому воззрѣнію, имъ считаются погрѣшности и неисправности ритуальнаго характера: уклоненіе отъ жертвоприношенія, несоблюденіе обрядности (II ч. 12—22 стр.). Противъ взгляда Landersdorfer'a говоритъ, наконецъ, и тотъ фактъ, что при сознаніи Subsi-mesri-Nergal'омъ грѣховности были бы невозможны дальнѣйшія жалобы на незаслуженность страданій, а между тѣмъ онѣ начинаются съ 48 стр. 2 части пѣсни.

Попытка Landersdorfer'a указать существенную разницу въ самосознаніи Іова и страдальца вавилонской пѣсни и тѣмъ доказать, что разсматриваемые памятники имѣютъ въ виду различныхъ лицъ, оказывается неудачною.

Книга Іова и вавилонская пѣснь отмѣчены чертами взаимнаго сходства, переходящаго въ тожество. Существующая литература объясняетъ его троякимъ образомъ: косвеннымъ вліяніемъ пѣсни на кн. Іова [2]), ихъ зависимостью отъ одного общаго источника,—преданія [3]) и, наконецъ, тѣмъ, что памятники описываютъ одинаковыя, однородныя событія [4]). Первое объясненіе недопустимо потому, что косвенное вліяніе не могло сопровождаться вышеуказаннымъ сходствомъ кн. Іова и

---

[1]) Про Гудеа извѣстно, что онъ соорудилъ себѣ статую, поставилъ ее въ храмъ и слѣдилъ распоряженіе о принесеніи ей жертвъ. Въ памятникахъ второй и третьей Урской династіи встрѣчается уже имя „бога" Гудеа. Jastrow. Op. cit. B. I. Кар. Ix. S. 170. Равнымъ образомъ и Дунги, объявилъ себя при жизни богомъ, учредилъ себѣ культъ. Б. А. Тураевъ. Op. cit. Стр. 96. Во введеніи къ своему „своду законовъ" Гаммураби называетъ себя „роднымъ братомъ Zamamas'a", вавилонскимъ „богомъ солнца". Gressmann. Op. cit. S. 142; ср. S. 171.

[2]) Jastrow. A Babylonian Parallel to Hiob. Journal of Biblical Literature. 1906. XXV, p. 135 ff.

[3]) Fruhstorfer. Ein assyrisch-babylonisches Gedicht und das biblische Buch Job. Zeitschrift für katholische Theologie. 1907. IV Quartalheft. S. 762.

[4]) Landersdorfer. Op. cit. S. 111 ff.

вавилонской пѣсни въ литературномъ отношеніи. Послѣднее требуетъ прямой зависимости, а ея не могутъ допустить даже представители панвавилонизма. Отпадаютъ и два послѣднихъ объясненія, такъ какъ не подтверждаются фактами. Примѣръ описанія однородныхъ явленій изъ области внѣшней и внутренней жизни человѣка представляютъ библейскіе псалмы и вавилонскіе покаянные гимны. Какъ таковые, они носятъ черты несомнѣннаго сходства, но оно сводится лишь къ тому, что выраженія, образы извѣстнаго гимна находятъ себѣ соотвѣтствіе въ выраженіяхъ и образахъ того или другого псалма. И въ то же время среди вавилонскихъ гимновъ нѣтъ ни одного, который можно было бы уравнять съ извѣстнымъ опредѣленнымъ псалмомъ въ качествѣ сходнаго съ нимъ литературнаго произведенія. Независимыя другъ отъ друга описанія однородныхъ явленій не сопровождаются тѣми результатами, какіе мы имѣемъ въ вавилонской пѣсни и кн. Іова. Прямѣе и естественнѣе было бы видѣть причины наблюдаемаго между данными памятниками сходства въ ихъ зависимости отъ одного общаго источника,—преданія. Но сравненіе возникшаго на этой почвѣ ассиро-вавилонскаго сказанія о всемірномъ потопѣ съ соотвѣтствующимъ библейскимъ повѣствованіемъ говоритъ за то, что преданіе далеко не обезпечиваетъ сходства тѣмъ болѣе тожества. Не могло быть его и въ настоящемъ случаѣ. Прежде чѣмъ сдѣлаться извѣстнымъ автору книги Іова преданіе о страждущемъ праведникѣ должно было просуществовать отъ эпохи Гаммураби до IX—VIII ст. [1]), т. е. болѣе

---

[1]) IX—VIII ст. — самая ранняя дата написанія кн. Іова, устанавливаемая на основаніи нѣкоторыхъ особенностей ея арамейскаго языка. По справедливому замѣчанію Фюрста, арамейскія слова являются въ книгѣ Іова въ еврейской одеждѣ, т. е. имѣютъ еврейскія формы. Таковы прежде всего глаголы. Заимствованнымъ изъ арамейскаго языка считается глаголъ טוּשׁ — „съ быстротою летѣлъ“, „устремлялся“. Въ 26 ст. 9 гл. кн. Іова отъ него поставлено 3-лицо ед. числа imperfectum'а יָטוּשׁ — форма чисто еврейская, вмѣсто арамейской יִטּוּשׁ (ср. יְקוּם Дан. 6, 20; 7, 24: יְהוּב Дан. 4, 31). Также точно образовано и третье лицо жен. рода ед. числа того же времени תָּרוּץ — бѣжитъ (41, 14) отъ халдейскаго глагола רוּץ; арамейская форма была бы תִּרוּץ. Третье л. мн. числа формы піэл отъ לָקַשׁ- собирать позднюю жатву звучитъ въ 6 ст. 24 гл. יְלַקְּשׁוּ вмѣсто арамейскаго יְלַקְּשׁוּן (ср. וְיִקְבְּלוּ — Дан. 7, 18). 3-е лицо ж. рода един. числа perfectum'а отъ халдейскаго глагола עֲנַם — скорбѣлъ имѣ-

тысячелѣтія. Срокъ болѣе чѣмъ достаточный не только для искаженія, но и полнаго забвенія.

Не находя возможнымъ согласиться съ существующими объясненіями сходства кн. Іова и вавилонской пѣсни, мы думали бы видѣть причину наблюдаемаго между ними тожества въ фактѣ происхожденія пѣсни и лежащаго въ основѣ книги Іова повѣствованія изъ среды одного и того же народа,— арабовъ.

И прежде всего, что касается исторіи Іова, то она несомнѣнно имѣла мѣсто въ Аравіи, жителемъ которой онъ выдается въ книгѣ своего имени. Іовъ—«знаменитѣйшій изъ сыновъ востока» (1, 3), подъ каковыми разумѣются народы, населявшіе счастливую, каменистую и пустынную Аравію. Какъ житель данной мѣстности, Іовъ имѣетъ среди своихъ друзей двухъ арабовъ,—Валдада и Софара. Первый, по прозванію Шухитъ, является потомкомъ Шуаха, — сына Авраама отъ Хеттуры (Быт. 25, 2). Второго текстъ LXX-ти называетъ Минеяниномъ, а Минеи—одно изъ арабскихъ племенъ. Арабомъ является Іовъ и въ своихъ религіозно-нравственныхъ воззрѣніяхъ, изложенныхъ въ 31 гл. его книги. Эти послѣднія — ничто иное, какъ повтореніе десяти заповѣдей религіи Авраама, которую исповѣдывали и до сихъ поръ исповѣдуютъ арабы не-магометане [1]).

Вавилонская пѣснь, какъ видно изъ вышеуказанныхъ данныхъ, является произведеніемъ времени первой вавилонской династіи.

етъ въ 25 ст. 30 форму עִנְמָה, арамейская была съ окончаніемъ ת־. Наконецъ вмѣсто арамейскаго וְתִטְמַל въ 17 ст. 14 гл. стоитъ еврейское 2 л. мужск. рода imperfectum'a вида Qal וְתִטְפֹּל, отъ טָפַל — закрывалъ (ср. תִּרְשֹׁם Дан. 6, 9). Еврейскія окончанія имѣютъ въ кн. Іова и халдейскія имена существительныя. Такъ, слово סֵדֶר — рядъ поставлено въ мн. числѣ въ формѣ סְדָרִים, т. е. съ окончаніемъ ים вмѣсто арамейскаго ין.

Судя по приведеннымъ примѣрамъ, во время написанія книги Іова арамейскія формы не только не успѣли вытѣснить еврейскихъ, но и сами замѣнялись этими послѣдними. И такъ какъ съ подобнымъ явленіемъ мы встрѣчаемся, въ сенджирійскихъ надписяхъ IX—VIII в., — ихъ арамейская рѣчь не смогла осилить ханаанской и поддалась ея ассимилирующему вліянію, то и кн. Іова можетъ считаться памятникомъ того же самого времени.

[1]) Delitzsch. Biblischer Commentar über die poetichen Bücher des alten Testament. II B. Das Buch Job. S. 377. 1864.

Она же, по изслѣдованію Гоммеля и другихъ ученыхъ [1]), была арабскаго происхожденія, а контрактовыя таблицы той же эпохи свидѣтельствуютъ, что и ея подданные были семиты, арабы. Въ качествѣ памятника изъ времени господства въ Вавилоніи арабовъ, вавилонская пѣснь и до сихъ поръ сохраняетъ нѣкоторыя, по мнѣнію изслѣдователей, арабскія выраженія. Martin считаетъ таковыми слѣдующія реченія: nagâru=арабскому nàgara—копать, рыть; ha-as-pu=ар. chasiphun—колодезь, высѣченный въ скалѣ; zarâpu=ар. vàrapha—течь (о слезахъ); a-la-his отъ alahu=ар. alacha—дѣлаться кислымъ, окислять; nabâhu=ар. naphaha—надувать; sil-la-tum=ар. sàllaton—кожа; sa-ba-ris=ар. sàbara—вязать; in-ni-ip-ta отъ napâtu=ар. nàphata—говорить непонятно; tu-pu-us-ta-sa=ар. taphisa—сдѣлаться грязнымъ; urùdu=ар. vùrudum—шейная вена; upat-tin=phátana—возбуждать, подстрегать на бунтъ; qin-nu-u=ар. kunnatun—вершина горы; u-ma-si=ар. hàmisa—быть сильнымъ, крѣпкимъ; gar-bu=ар. jarabun—проказа; garsu(n), ga-ra-se=ар. garacha—повреждать кость.

Косвеннымъ доказательствомъ арабскаго происхожденія пѣсни и во всякомъ случаѣ прямымъ указаніемъ на ея отличіе отъ произведеній собственно вавилонскихъ является наличность въ ней необычнаго для этихъ послѣднихъ разсужденія о слабости, непостоянствѣ—бренности человѣка и превратности его судьбы, а также отсутствіе наблюдаемаго въ вавилонскихъ покаянныхъ гимнахъ раскаянія въ грѣхахъ [2]), на которомъ основывается настойчивая просьба о помилованіи.

Являясь произведеніемъ одного народа, описаніемъ событія одного и того же порядка, вавилонская пѣснь и лежащее въ основѣ книги Іова повѣствованіе не могли не быть сходными. Но изъ всего содержанія современной книги Іова вавилонская пѣснь повторяетъ только ту часть рѣчей страдальца, въ которой онъ изображаетъ свое внѣшнее тяжелое и внутреннее мучительное состояніе. Эти рѣчи Іовъ желалъ видѣть записанными (19, 23). И если наши памятники воспроизводятъ ихъ съ поразительнымъ сходствомъ даже въ литератур-

---

[1]) Hommel. Die altisraelitische Überlieferung. S. 88 ff. Б. А. Тураевъ. Op. cit. стр. 150, пр. 2. Свящ. В. И. Зыковъ. Библейскій патріархъ Авраамъ. Стр. 107. 1914.

[2]) Landersdorfer. Op. cit. S. 60—1.

номъ отношеніи, то подобное явленіе служитъ наглядным доказательствомъ исполненія желанія Іова. Запись основного содержанія его рѣчей несомнѣнно существовала и легла въ основу кн. Іова и вавилонской пѣсни. Только при допущеніи этого положенія становится понятнымъ ихъ сходство. Въ частности, существованіе арабской записи рѣчей страдальца дѣлаетъ излишнимъ необоснованное предположеніе, что авторъ книги Іова нарочно изукрасилъ его рѣчь арабскими реченіями.

Со времени Ѳеодора Мопсуестійскаго повѣствованіе объ Іовѣ, а равно и все содержаніе его книги неоднократно выдавалось въ библейской литературѣ за поэтическій вымыселъ. По взгляду одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей книги—Royer'a, ея авторъ, современникъ іудейскаго царя Іосіи, переноситъ дѣйствіе въ глубокую древность и чуждую нееврейскую обстановку для того, чтобы своими разсужденіями о божественномъ неправосудіи не поколебать вѣру народа въ теорію земныхъ міровоззрѣній [2]). Вавилонская пѣснь полагаетъ конецъ разсужденіямъ этого рода. Она подтверждаетъ историческую достовѣрность библейскаго повѣствованія, выдающаго Іова за семита-араба и относящаго его жизнь къ патріархальному времени, а равно не оставляетъ сомнѣнія и въ фактѣ существованія записи рѣчей страдальца.

Э. о. проф. прот. **А. Петровскій.**

---

[2]) Royer. Die Eschatologie des Buches Iob unter Berücksichtigung der vorexilischen Prophetie. Biblische Studien. 1901. VI B. S. 66.

Воспоминанія стараго профессора

(съ 1847 по 1913 г.г.) *).

Прот. Іосифъ Васильевичъ Васильевъ. Встрѣчи и знакомства. Огромную роль въ моей жизни сыгралъ прот. І. В. Васильевъ—прежде всего своею личностью, а потомъ тою обстановкою, въ какую онъ поставилъ меня. Въ его домѣ мнѣ приходилось встрѣчать многихъ замѣчательныхъ людей того времени изъ тогдашней аристократіи—родовитой или ученой и служебной.

Но изъ замѣчательныхъ людей онъ самъ былъ всего замѣчательнѣе. Необыкновенно богато одаренный отъ природы, съ глубокимъ, основательнымъ умомъ, замѣчательною памятью, съ большимъ запасомъ свѣдѣній по разнымъ предметамъ не богословскаго только знанія, блестящимъ даромъ слова, большимъ остроуміемъ и неистощимою веселостью онъ представлялъ для меня чистый дорогой кладъ, въ соединеніи съ прекрасною библіотекою (по преимуществу по патрологіи, церковной исторіи и богословію; у него была, между прочимъ, греческая серія извѣстной патрологіи Миня), собранною имъ въ Парижѣ. Весьма частыя бесѣды съ нимъ были для меня крайне полезны. А онъ любилъ поговорить, да и меня онъ видимо очень жаловалъ не только какъ старшаго своего зятя, но и какъ человѣка, съ которымъ у него было болѣе общихъ интересовъ, чѣмъ съ другими его зятьями [1]). Эти

*) Продолженіе. См. мартъ.

[1]) Кромѣ меня (№ 1) у него было еще пять зятьевъ (пишу по старшинству браковъ): 2) прот. Ницской, потомъ Флорентійской церкви-В. И. Левицкій (магистръ XXVII к. петр. акад., нынѣ заслуж. митроф. протоіерей), 3) П. А. Аннинъ (маг. XXIII к. кіев. акад.), въ то время

бесѣды обогащали меня множествомъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній изъ прошлаго заграничной его службы въ Парижѣ (21 годъ, съ 1846 по 1867 г.), какъ священника, а потомъ настоятеля и протоіерея тамошней посольской церкви,—изъ жизни его обильной событіями большой важности. Достаточно упомянуть крымскую войну 1855 г., которую онъ провелъ въ кругу плѣнныхъ нашихъ воиновъ, не выѣзжая изъ Парижа. изданіе (вмѣстѣ съ обращеннымъ имъ въ православіе абб. Гэттэ) православнаго журнала L'Union Chrétienne, построеніе нашего русскаго храма въ столицѣ Франціи, религіозныя движенія въ римско-католическомъ мірѣ того времени, политическія революціонныя событія во Франціи съ 1846 по 1853 г. и мног. др. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти бесѣды знакомили меня съ состояніемъ и направленіемъ и нашихъ отечественныхъ церковныхъ дѣлъ, въ особенности съ того времени, 1867 г., когда о. І. В. Васильевъ всталъ въ близкія отношенія къ Св. Синоду, какъ предсѣдатель Учебнаго при немъ Комитета и какъ главный заправитель всего нашего духовно-учебнаго дѣла.

Слѣдуетъ очень пожалѣть, что необыкновенныя его дарованія, богатство знаній и блестящій даръ изложенія не выразились въ соотвѣтствующей имъ богатой учено-литературной производительности. Послѣ него осталось сравнительно немного печатныхъ трудовъ. Можно упомянуть только знаменитыя «Письма къ нантскому епископу Жакмэ», «Письма къ кард. Бональду и историку Гизо» (всѣ на франц. языкѣ, есть и русск. пер.), «Аббатство св. Женевьевы» («Жур. Мин. Нар. Просв». 1854 г.), нѣсколько статей въ «Дух.-Бесѣдѣ» (1874 г.

начальникъ отд. канц. Оберъ-прок. Св. Синода, (потомъ дѣлопр. департ. Мин. Нар. Просв., членъ совѣта при Мин. Нар. Просв., тайн. сов.). 4) А. А. Автономовъ, прив. доц. нашей акад., потомъ чиновникъ, свящ. и протоіерей, (см. о немъ выше—о составѣ препод. Академіи); 5) И. П. Лебедевъ, врачъ по душевнымъ болѣзнямъ (нынѣ въ отставкѣ, дѣйств. ст. сов.) и наконецъ 6) младшій зять, Николай Миліевичъ Аничковъ, университетскаго образованія, въ то время директоръ новгор. гимназіи и затѣмъ окружн. инсп. петрогр. учебнаго округа (впослѣдствіи—директоръ департ. Мин. Нар. Просв., товарищъ министра Нар. Просв., при гр. И. Д. Деляновѣ, сенаторъ, вице-предсѣд. Палестинскаго общ., членъ Госуд. Совѣта, дѣйств. тайный сов.). Семейство І. В. было многочисленное (12 чел.), въ описываемое время состояло изъ 6 дочерей и 3 сыновей, въ то время еще учившихся (а нынѣ служащихъ: старшій Влад. І. по минист. внутр. дѣлъ, младшіе—Сергѣй и Борисъ Іосиф. по мин. юстиціи—нынѣ члены петрогр. окружн. суда).

«О соборѣ старокат. въ Констанцѣ»), въ «Христ. Чтен.» (1874 г. «Чтенія о нуждахъ единовѣрія»). въ «Церк. Вѣстн.» (1881 г. «рѣчь по случаю открытія общ. распр. религ. нравств. просвѣщ.). Правда, очень немало принадлежитъ ему статей въ L'Union Chrétienne, но къ сожалѣнію или безъ подписи, или съ псевдонимами (абб. Юсуфъ, Наумовъ, Королевъ и др.), мало, или даже совсѣмъ неизвѣстныхъ русской читающей публикѣ [1]).

Нельзя поэтому, горячо не поблагодарить г. Бродскаго, недавно изданнаго собраніе «Парижскихъ писемъ прот. І. В. Васильева къ оберъ-прокурорамъ Св. Синода и другимъ лицамъ съ 1846—1867 г.» (Петрогр. 1915 г.) Эти письма до нѣкоторой степени восполняютъ недостатокъ печатныхъ трудовъ І. В. В—ва. Въ этихъ замѣчательныхъ письмахъ, представляющихъ глубокій историческій интересъ [2]), изложенныхъ пре-

---

[1]) Между прочимъ, о. І. В. В—въ говорилъ мнѣ, что нѣсколько статей въ этомъ журналѣ онъ посвятилъ армянской церкви, ея исторіи и нынѣшнему ея состоянію, доказывая, что неправославіе ея въ настоящее время уже, можно сказать, выдохлось и нѣтъ болѣе препятствій къ ея возсоединенію съ православною церковью, т. е. проводилъ мысль противоположную основному тезису докторской диссертаціи проф. И. Е. Троицкаго объ армянской церкви. На докторскомъ диспутѣ И. Е. Тр—го, присутствовавшій, въ числѣ другихъ посѣтителей, о. І. В. В—въ горячо возражалъ диспутанту и оспаривалъ его. Кстати, тутъ же присутствовалъ и министръ Народ. Просв., И. Д. Деляновъ, армянинъ по происхожденію и вѣроисповѣданію, не принимавшій участія въ преніяхъ, но въ высшей степени заинтересованный ихъ результатомъ. Интересенъ фактъ: И. Д. Деляновъ счелъ нужнымъ сдѣлать даже визитъ докторанту, И. Е. Тр—му, на его квартирѣ,—предъ диспутомъ. И. Д. Деляновъ, нужно замѣтить, былъ однимъ изъ самыхъ частыхъ и усердныхъ посѣтителей нашихъ торжественныхъ собраній и диспутовъ. Онъ былъ очень друженъ съ митр. Исидоромъ. Оба они имѣли большое сходство между собою, — по дальновидности ума и спокойствію характера.

[2]) Въ рецензіи („Церк. Вѣд." 1915 г. № 9) на изд. Л. К. Бродскаго „Париж. письма" и пр. находимъ восторженный и совершенно справедливый отзывъ рецензента о содержаніи „Писемъ", какъ „имѣющихъ интересъ далеко необычный", представляющихъ „богатство, глубину и тонкость личныхъ думъ и религіозныхъ и соціально общественныхъ переживаній автора". Особенно цѣнными признаетъ рецензентъ наблюденія автора надъ движеніями богословской и общественной жизни римско-католическаго міра того времени, временъ папы Пія IX, съ дѣйствіями котораго прекрасно знакомитъ авторъ, обнаруживая „незаурядную освѣдомленность", рисуя вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ рим.-католическое движеніе отражалось въ жизни французскаго клира и народа. Въ письмахъ (11, 12, 13), „рисуется положеніе страны во время революціи и вліяніе

восходнымъ языкомъ, во весь ростъ возстаетъ крупнѣйшая фигура о. протоіерея. Изъ нихъ видно, насколько энергична, широка и многообъемлюща была его дѣятельность въ Парижѣ. Онъ всюду успѣвалъ и не опускалъ изъ вниманія ничего, что случалось въ то время замѣчательнаго въ движеніяхъ римскаго католицизма, завязывалъ сношенія и знакомства со всѣми, выдающимися въ Парижѣ личностями [1]), богословами, церковно-общественными дѣятелями, церковными проповѣдниками, учеными, посѣщалъ тѣхъ и другихъ, слушалъ лекціи въ Сорбоннѣ и другихъ мѣстахъ, присутствовалъ на разныхъ, такъ называемыхъ, конференціяхъ, не говоря уже о зоркомъ наблюденіи надъ своею разнообразною, заѣзжею паствою, за дѣйствіями іезуитовъ, направленными къ совращенію нашихъ падкихъ на все иностранное аристократовъ и аристократокъ. И все-таки крайне жаль, что отъ этого замѣчательнаго человѣка не осталось, кромѣ указанныхъ выше трудовъ и этихъ недавно обнародованныхъ писемъ, чего либо болѣе крупнаго и цѣльнаго. Подумывалъ онъ писать записки или воспоминанія изъ своей заграничной жизни, а также объ Англиканской церкви, которой очень интересовался, въ виду попытокъ англичанъ къ церковному съ нами общенію, началъ было собирать для этого труда и матеріалы, но такъ и не успѣлъ выполнить свои замыслы, о которыхъ говорилъ нерѣдко въ нашихъ съ нимъ бесѣдахъ.

Причиною сравнительно малой литературной его производительности было то, что о. прот. І. В. В—въ и въ Парижѣ, и въ Петроградѣ очутился въ водоворотѣ важныхъ событій и движеній, которыя отвлекали его отъ кабинетной работы и затягивали въ область практической жизни. Въ Парижѣ онъ игралъ роль, можно безъ преувеличенія сказать, не меньшую,

---

послѣдней на церковныя дѣла". „Заслуживаютъ вниманія и сужденія автора по вопросу о соединеніи англиканской церкви съ православною" (пис. 54); „въ обсужденіи этого вопроса авторъ принималъ въ Англіи непосредственное участіе" (во время поѣздки въ Лондонъ). На дняхъ появился отзывъ о „Парижск. Письмахъ", и также весьма сочувственный, въ апр. кн. „Истор. Вѣстника" за текущій 1916 г.

[1]) До французскаго двора включительно. Онъ былъ на аудіенціи имп. Наполеона III, по поводу нашихъ русскихъ плѣнныхъ въ Крымскую войну, удививъ императора бойкостью и непринужденностью рѣчи. Принималъ въ построенной имъ великолѣпной церкви и императрицу Евгенію. См. „Парижск. письма", стр. 252–253.

чѣмъ офиціальные представители нашихъ русскихъ интересовъ, наши тамошніе послы и посланники, особенно въ послѣднее десятилѣтіе службы. Еще въ сравнительно молодые годы онъ пользовался большимъ уваженіемъ и вѣсомъ у посла гр. Киселева, который при офиціальныхъ пріемахъ русской колоніи обыкновенно давалъ о. В—ву первое послѣ себя мѣсто, а разъ даже выразился, что у о. В—ва «государственный умъ» и что ему слѣдовало бы служить на другомъ, болѣе видномъ поприщѣ. То же было и при другихъ послахъ: гр. Орловѣ и бар. Будбергѣ. І. В. долженъ былъ тратить много времени и силъ для дѣлъ политической важности (въ особенности въ крымскую войну и при построеніи парижскаго храма) или практической жизни. Къ о. В—ву русскіе обращались съ своими разнообразными нуждами, гораздо чаще и охотнѣе, чѣмъ въ посольство. По своей необыкновенной отзывчивости и готовности всѣмъ помочь, онъ неутомимо хлопоталъ за своихъ соотечественниковъ, попадали ли они въ критическое матеріальное затрудненіе или какое либо другого рода непріятное положеніе [1]), старался извлечь своихъ сородичей изъ лапъ іезуитской пропаганды, главнымъ дѣятелемъ которой былъ въ то время іезуитъ кн. Гагаринъ [2]). Весьма много отнимали у него времени и горячіе его почитатели, русскіе аристократы и богачи своими визитами и приглашеніями на обѣды или для улаженія семейныхъ дѣлъ. По переселеніи въ Петроградъ, онъ былъ очень занятъ организаціею новаго учрежденія—Учебнаго при Св. Синодѣ Комитета, котораго онъ былъ первымъ и са-

---

[1]) Напримѣръ, памятенъ его разсказъ объ одномъ русскомъ молодомъ человѣкѣ, который попалъ въ одну изъ свалокъ, при уличной демонстраціи въ Парижѣ, во времена Наполеона III, когда толпа кричала „долой Наполеона"! Оказывается, увлеченный криками толпы, этотъ молодой соотечественникъ, тоже кричалъ, вторя крикунамъ, за что избитый кастетами полицейскихъ посаженъ былъ въ заключеніе (въ настоящій клоповникъ). Изъ кутузки онъ писалъ о. І. В., прося извлечь его оттуда. І. В., конечно, не замедлилъ исполнить его просьбу, явился къ нему и постарался его освободить, при чемъ получилъ обѣщаніе не впутываться болѣе въ уличныя демонстраціи французовъ. Характерно признаніе этого молодого человѣка, что наши русскіе полицейскіе, сравнительно съ французскими, „ангелы Божіи".

[2]) Съ нимъ мнѣ пришлось встрѣтиться во время одного изъ визитовъ, въ Парижѣ. Огромнаго роста, одѣтый въ лат. сутану, онъ все-таки имѣлъ видъ русскаго барина, балагура. Ничего типично іезуитскаго въ немъ не было замѣтно.

мымъ замѣчательнымъ предсѣдателемъ, высокоавторитетнымъ, необыкновенно тактичнымъ, умѣвшимъ сплотить всѣхъ членовъ въ одно цѣлое и высоко поднять значеніе новаго учрежденія. Но даже и тогда онъ продолжалъ испытывать большія неудобства отъ своихъ многочисленныхъ горячихъ поклонниковъ изъ высшаго аристократическаго круга. Безъ дѣла и за дѣломъ его, можно сказать, разрывали на части. Въ добавокъ, благодаря его доброму сердцу, всегда преслѣдовала его какъ бы свита изъ людей, жаждавшихъ его протекціи и заступничества у людей власть имѣющихъ; и нужно замѣтить, что его хлопоты этого рода почти всегда увѣнчивались рѣдкимъ успѣхомъ.

І. В. Васильевъ скончался далеко еще не въ преклонныхъ лѣтахъ, на 62 году жизни, 1881 г., 27 декабря, въ Гатчинѣ. За два года передъ тѣмъ онъ перенесъ тяжкую болѣзнь—менингитъ (воспаленіе мозговыхъ оболочекъ). Возобновленіе этой болѣзни было причиною и его кончины. Послѣ его смерти всѣ сошлись въ признаніи крупнаго его значенія въ нашей духовной средѣ, не только его почитатели, но и люди мало къ нему расположенные при его жизни. Митр. Исидоръ, когда узналъ объ его кончинѣ, сказалъ: «какого человѣка мы лишились»!—характерное восклицаніе, свидѣтельствующее, замѣчу кстати, о направленіи и отношеніи самого митрополита къ тогдашнимъ реформамъ, крупнѣйшимъ представителемъ которыхъ былъ прот. І. В. В—въ. Даже К. П. Побѣдоносцевъ, не сочувствовавшій ему, призналъ (въ разговорѣ съ моимъ своякомъ, прот. А. А. Автономовымъ), что прот. І. В. В—въ былъ «крупная величина». А одинъ крайній реакціонеръ, (въ какой-то брошюрѣ, названіе которой забылъ) писалъ, что прот. Васильевъ былъ для своего времени тѣмъ же, чѣмъ Ѳеофанъ Прокоповичъ для времени Петра I, и такой же вредъ принесъ церкви. Какъ бы ни смотрѣть на такую выходку, во всякомъ случаѣ въ ней слышится признаніе большого вліянія почившаго о. протоіерея на наши тогдашнія церковныя дѣла, въ сообенности въ области духовно-учебной. Интересно, какъ смотрѣлъ на пройденное имъ поприще на новомъ мѣстѣ служенія въ Петроградѣ самъ І. В. Памятенъ нашъ разговоръ съ нимъ въ послѣднее лѣто предъ его кончиною. Это было въ Гатчинѣ, въ 1881 г., въ собственномъ его скромномъ домикѣ, въ саду. Подумывая уже объ отставкѣ, І. В. говоритъ мнѣ: «нужно выходить въ отставку. Я старый изъѣзженный конь, пора въ конюшню, на покой. Все, о

чемъ я мечталъ, сбылось, исполнилось; теперь — съ вступленіемъ К. П. Побѣдоносцева на должность Оберъ-Прокурора Св. Синода — начинается что-то новое. Можетъ быть, это новое и будетъ лучше прежняго, но уже не могу себя передѣлать и потому больше не слуга»... У него уже начались пререканія съ новымъ Оберъ-Прокуроромъ К. П. Поб—мъ. Съ прежнимъ, гр. Д. А. Толстымъ, не смотря на нерѣдкія также разногласія, все-таки онъ ладилъ и имѣлъ у него большой вѣсъ и значеніе, нерѣдко останавливая и отклоняя его отъ слишкомъ рѣшительныхъ и поспѣшныхъ дѣйствій, свойственныхъ желчному и деспотическому характеру этого Оберъ-Прокурора.

Въ квартирѣ І. В. мнѣ приходилось встрѣчать немало видныхъ представителей высшаго тогда общества, начиная съ тогдашняго Оберъ-Прокурора Д. А. Толстого, его товарища по оберъ-прокурорству Ю. В. Толсгого и К. П. Побѣдоносцева. Особенно близкими къ І. В. были оба графа Адлерберги (старый, В. Ѳ., и молодой, А. В., тогдашній министръ Двора) и братья графы Шуваловы, Петръ и Павелъ Андреевичи. Первый (Петръ Андр.), всесильный тогда шефъ жандармовъ и начальникъ III отдѣленія, и его супруга Елена Ив. (урожденная Черткова) очень часто прибѣгали къ совѣтамъ о. Васильева отчасти по семейнымъ дѣламъ, отчасти вслѣдствіе склонности супруги Шуваловой къ увлеченію «пашковщиной», тогдашней модной, великосвѣтской сектой. Много пришлось І. В. вести съ нею бесѣдъ на религіозныя темы; въ концѣ концовъ она все-таки окончательно перешла въ пашковщину, послѣ однако кончины І. В. Оба брата Шуваловы были весьма видные, очень красивой наружности генералы. Младшій братъ, Павелъ Андр., тогда командовавшій, кажется, гвардейской дивизіей или даже корпусомъ, а впослѣдствіи весьма уважаемый германскимъ дворомъ нашъ русскій посолъ въ Берлинѣ, былъ симпатичнѣе брата. Живо помню, какъ Пав. А. разъ неожиданно и довольно рано утромъ пріѣзжаетъ къ І. В. на квартиру и прямо входитъ въ столовую, гдѣ находился и я. І. В. встрѣчаетъ его словами: «опять»? Затѣмъ они ушли въ кабинетъ поговорить о дѣлахъ, очевидно интимнаго свойства, не подлежащихъ оглашенію. Объ этомъ маленькомъ эпизодѣ упоминаю съ цѣлію показать, въ какихъ близкихъ отношеніяхъ къ нашимъ аристократамъ стоялъ І. В. Изъ другихъ близкихъ къ покойному лицъ припоминаются: княгиня Кочубей, молодой

князь Мингрельскій, гр. Бобринскій, состоявшій въ родствѣ съ Шуваловыми, ген. Чертковъ, также ихъ родственникъ, генералъ и старушка его супруга Озеровы, приближенные ко Двору, усердные посѣтители и почитатели о. І. В., баронъ Бюлеръ, тогдашній начальникъ московскаго иностранныхъ дѣлъ архива, горячій руссофилъ, несмотря на нѣмецкую свою фамилію, также частый гость, очень скучнаго характера и неинтересный въ бесѣдѣ. и мн. др.

Само собою разумѣется, что приходилось встрѣчаться со всѣми тогдашними членами Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, а равно и со многими изъ высшихъ чиновъ центральныхъ учрежденій духовнаго вѣдомства (синодальной канцеляріи, канцеляріи об.-прокур., хозяйств. управленія, контроля и пр.).

Благодаря І. В. завязались у меня знакомства и съ свѣтскимъ ученымъ міромъ. Содѣйствовало тому слѣдующее совершенно случайное обстоятельство. Въ первое послѣ переселенія (въ 1867 г.) въ Петроградъ лѣтомъ (1868 г.) семейство І. В. жило на дачѣ, по Петергофской дорогѣ, близъ Сергіева, въ большомъ двухъ-этажномъ каменномъ домѣ (Матисена); верхній этажъ этого дома занималъ І. В. В., а нижній его своякъ, ректоръ нашей Академіи прот. І. Л. Янышевъ, здѣсь въ семействѣ тестя поселились и мы съ женою. А рядомъ съ этимъ домомъ, въ сосѣдней дачѣ жило многочисленное семейство извѣстнаго слависта, проф. Петроградскаго Университета, ордин. академика Академіи Наукъ Изм. Ив. Срезневскаго. Благодаря сосѣдству возобновилось давнее съ нимъ знакомство моего тестя и о. І. Л. Янышева, который былъ нѣкогда къ тому же сослуживцемъ проф. Срезневскаго по университету. Естественно познакомили съ уважаемымъ, авторитетнымъ профессоромъ и меня молодого доцента (баккалавра) духовной Академіи. Какъ разъ въ это время я началъ печатать «Очеркъ исторіи литургіи нашей православной восточной церкви». Это сдѣлалось извѣстнымъ И. И. Срезневскому и онъ заинтересовался моимъ трудомъ. По возвращеніи съ дачи и послѣ напечатанія отдѣльнаго оттиска моихъ статей я счелъ долгомъ представить экземпляръ своего труда достопочтенному моему дачному знакомому. Небольшая моя книжка очень понравилась И. И. Срезневскому и онъ даже предложилъ избрать меня въ число дѣйствительныхъ членовъ «Филологическаго общества, учрежд. при Импер. Петроградскомъ Университетѣ», котораго онъ былъ

предсѣдателемъ. Избраніе состоялось, и мнѣ вручень былъ дипломъ на это званіе, съ слѣд. подписями: предсѣдатель И. Срезневскій, тов. предсѣд. Ор. Миллеръ, за тов. предсѣд. бар. Дорнъ, за тов. предсѣд. Д. Чубинскій, дѣлопроизв. Ѳ. Соколовъ. Въ составъ этого общества входили всѣ профессоры и доценты историко-филологическаго и восточнаго факультета. Сюда же допускались, въ качествѣ сотрудниковъ, и нѣкоторые изъ студентовъ университета, обратившіе на себя вниманіе даровитостью и усердными занятіями; къ числу такихъ принадлежалъ одинъ знакомый со мною студентъ А. С. Будиловичъ, впослѣдствіи извѣстный ученый, бывшій моимъ сослуживцемъ по Петроградской дух. Академіи.

Заинтересованный новою ученою средою я усердно посѣщалъ собранія общества (обыкновенно въ квартирѣ предсѣдателя, иногда же, впрочемъ рѣдко, въ залѣ совѣта университета). Здѣсь встрѣчалъ много извѣстныхъ ученыхъ: академиковъ Грота, Куника, профессоровъ—извѣстнаго латиниста Н. М. Благовѣщенскаго, Ореста Миллера, Ѳ. Ѳ. Соколова, знатока индійскаго языка Пали—Минаева, В. И. Ламанскаго,—тогда еще сравнительно молодого,—И. В. Помяловскаго—совсѣмъ молодого доцента, извѣстнаго поэта Апол. Н. Майкова, его брата Леон. Н. Майкова, тогда также молодого ученаго (впослѣдствіи вице-президента Академіи Наукъ), Гаркави, молодого доцента восточнаго факультета, Гильфердинга, извѣстнаго общественнаго дѣятеля и слависта, поражавшаго своимъ крайне высокаго тембра визгливымъ голосомъ, П. И. Савваитова, члена археографической коммиссіи и мн. др.

Доминирующую роль въ этомъ обществѣ игралъ его предсѣдатель, академикъ И. И. Срезневскій, при всѣми признаваемомъ большомъ ученомъ его авторитетѣ, отличавшійся, къ сожалѣнію, большою рѣзкостью, неровностью и деспотичностью характера. Вотъ образчикъ такой рѣзкости. Какъ-то зашла рѣчь о переводахъ святоотеческихъ твореній съ греческаго языка. И. И. Ср—ій, вообще очень свысока относившійся къ духовно-академической наукѣ и съ большимъ уваженіемъ отзывавшійся о трудахъ едва ли не одного прот. А. В. Горскаго, позволилъ себѣ замѣтить, что духовно-академическіе переводы святоотеческихъ твореній (кажется, рѣчь шла собственно о переводахъ, издаваемыхъ при Петроградской Академіи) ничего не стоятъ, такъ какъ они дѣлаются съ фран-

цузскихъ переводовъ. Впрочемъ, къ молодымъ начинающимъ ученымъ, въ томъ числѣ и ко мнѣ, онъ относился сравнительно любезно, покровительственно, ободряюще. Много интересныхъ, хотя подчасъ чрезвычайно спеціальныхъ рефератовъ, пришлось выслушать въ засѣданіяхъ общества, но все какъ-то забылось, а осталось въ памяти только нѣсколько отрывочныхъ эпизодовъ. Помнятся, напр., чтенія объ арабскихъ сказаніяхъ о славянахъ, объ индійской литературѣ (на древнемъ языкѣ Пали), да еще пренія И. И. Ср—го съ академикомъ Я. К. Гротомъ, авторомъ извѣстнаго руководства по русскому правописанію, защищавшимъ слитное писанье нѣкоторыхъ словъ (также, напримѣръ, притомъ и др.), тогда какъ Ср—ій отстаивалъ—раздѣльное; помнится также нѣсколько насмѣшливое, впрочемъ не лишенное добродушія, отношеніе И. И. Ср—го къ П. И. Савваитову [1]), къ которому онъ неизмѣнно обращался съ словами: «ваше превосходительство», можетъ быть потому, что Сав—въ тогда только что получилъ чинъ дѣйств. ст. сов. (самъ Ср—ій былъ тайн. сов.). Вообще этотъ почтенный академикъ былъ очень своеобразенъ и неровенъ въ обращеніи, пользовался однако большимъ уваженіемъ.

Чтобы чѣмъ нибудь выразить дѣятельное свое участіе въ трудахъ этого общества, я выступилъ съ чтеніемъ о Нерукотворенномъ образѣ Спасителя. Это чтеніе подъ заглавіемъ: «Сказанія о нерукотворенномъ образѣ Спасителя восточныя и западныя» напечатано въ «Христ. Чтен.» 1874 г. Этотъ трудъ былъ отзвукомъ моихъ московскихъ занятій церковною археологіею и литургикою. Такимъ же отзвукомъ явился, кстати замѣнить, въ томъ же 1874 г. и другой мой трудъ—«Введеніе въ собраніе древнихъ литургій восточныхъ и западныхъ въ переводѣ на русскій языкъ», съ подробнымъ изложеніемъ плана этого изданія. Вызванъ былъ къ тому просьбою моихъ сослуживцевъ по Петроградской Академіи, задумавшихъ означенное изданіе, въ которомъ, впрочемъ, дальнѣйшаго участія не принималъ, занятый составленіемъ докторской диссертаціи.

Церковный Вѣстникъ и редактированіе его. Въ 1881 г., черезъ 3 года послѣ защищенія докторской диссертаціи, мнѣ

---

[1]) Павелъ Ивановичъ Савваитовъ, волог., 18-й маг. XII к. (1837 г.) спб. акад., преп. (1837—1842 г.) вологодской сем. 1842—1868 г.—спб. сем., съ 1868 г. членъ археографической коммиссіи. Скончъ. 1895 г.

пришлось взять на себя редактированіе журнала «Церк. Вѣстн.». Случилось это вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Кстати, коснусь и предшествующей исторіи «Церк. Вѣстника», нынѣ, съ 1916 г., къ великому сожалѣнію, уже окончившаго свое существованіе, по крайней мѣрѣ въ качествѣ академическаго изданія (онъ хотя еще существуетъ, но совершенно въ другомъ видѣ и въ другихъ рукахъ).

«Церковный Вѣстникъ» началъ издаваться при Петроградской дух. Академіи въ 1875 г. Появленію его предшествовала слѣдующая довольно длинная исторія. Починъ въ этомъ литературномъ предпріятіи принадлежалъ ректору І. Л. Янышеву, но устроилось это дѣло не совсѣмъ такъ, какъ онъ предполагалъ. Задумавъ оживить редактируемое имъ «Христ. Чтеніе» извѣстіями изъ текущей церковной жизни и въ этомъ направленіи введя въ него отдѣлы: «обозрѣніе внутренней жизни», «лѣтопись заграничной жизни», «вѣсти съ Востока», онъ предположилъ еще въ 1871 г. основать особое изданіе «Церковный Вѣстникъ» [1]), въ качествѣ еженедѣльнаго приложенія къ «Христ. Чтен.», какъ органъ между прочимъ офиціальныхъ свѣдѣній изъ церковнаго управленія и жизни. Преднамѣтилъ и редактора для этого новаго изданія въ лицѣ лектора французскаго языка въ академіи А. И. Поповицкаго. Въ квартирѣ ректора состоялось собраніе всѣхъ академическихъ наставниковъ, и хотя замѣтно было несочувствіе академической корпораціи къ дѣлу новаго изданія, а отчасти и къ преднамѣченному редактору, но въ концѣ концовъ дѣло это съ грѣхомъ пополамъ уладилось. Получено было согласіе Св. Синода на это изданіе, объявлена даже на него подписка и тѣмъ не менѣе все это дѣло прекратилось изъ-за несочувствія корпораціи академическихъ преподавателей къ этой, по ихъ мнѣнію, не сродной имъ затѣѣ. «Какіе мы публицисты, говорили старые и молодые профессоры и доценты; мы кабинетные люди, далекіе отъ жизни».

То же говорили они потомъ въ 1874 г., когда за ту же

[1]) Или „Церковную Лѣтопись". Такъ называется первоначально задуманное изданіе у А. П. Лопухина (въ юбилейныхъ статьяхъ по случаю 25-лѣтія „Церк. Вѣстн.", см. № 52 „Церк. Вѣстн." за 1899 г.), между тѣмъ въ изложеніи исторіи возникновенія журнала (у И. А. Чистовича „СПБ. дух. Академія за послѣднія 30 лѣтъ". СПБ. 1889) оно вездѣ именуется „Церк. Вѣстн.". Какъ было на самомъ дѣлѣ, вышло изъ памяти. Едва ли, однако, не вѣрнѣе—у И. А. Чистовича.

мысль объ изданіи академической газеты—«Церк. Вѣстника» ухватился проф. А. И. Предтеченскій, опытный публицистъ, много предъ тѣмъ работавшій въ «Бирж. Вѣдом.», изд. Трубникова. А. И. Пр-ій, въ это время редактировалъ «Христ. Чтен.» [1]). Собрались на сей разъ въ квартирѣ проф. А. И. Пр-скаго для обсужденія новыхъ предположеній относительно стараго дѣла. Но и на этотъ разъ дѣло это висѣло, можно сказать, на волоскѣ. Кромѣ вышеприведенныхъ рѣчей сильно раздавались голоса, выражавшіе сомнѣніе относительно матеріальнаго успѣха изданія, предрекающіе неминуемый его крахъ. Складывалось отрицательное рѣшеніе по возбужденному вопросу. И былъ моментъ, когда казалось, что дѣло новаго изданія окончательно провалилось. Но въ этотъ моментъ А. И. Пр-ій вдругъ заявляетъ, что весь рискъ изданія и всѣ матеріальные убытки, если они будутъ, онъ беретъ всецѣло на себя, а успѣхъ и выгоды пусть будутъ общіе—всего собранія наставниковъ, соиздателей. Такое заявленіе поколебало рѣшимость собранія и постановлено было, принявъ весь рискъ изданія на себя, приступить къ изданію новаго академическаго органа, подъ названіемъ «Церк. Вѣстникъ», при чемъ «Христ. Чтеніе» превращалось въ ежемѣсячное приложеніе къ этой еженедѣльной газетѣ.

4 янв. 1875 г. вышелъ 1 № «Церк Вѣстн.», какъ органа Петрогр. дух. Академіи, а съ 1 янв. 1876 г., какъ оффиціальнаго органа, въ *оффиціальной своей части*, и Св. Синода; неоффиціальная осталась попрежнему исключительно академическимъ органомъ. Нужно замѣтить, что «Церк. Вѣстн.» ни въ это время, ни въ послѣдующіе годы, вплоть до 1888 г. (т. е. до основанія «Церков. Вѣдомостей», настоящаго оффиціальнаго органа Св. Синода) не былъ обязательнымъ для церквей и причтовъ въ смыслѣ обязательной для нихъ подписки.

Успѣхъ «Церк. Вѣстн.», въ первый же годъ изданія, превзошелъ всѣ ожиданія: у него явилось до 3—4,000 подписчиковъ. Приписать это нужно тому, что онъ удовлетворялъ, очевидно, назрѣвшей потребности въ такомъ именно органѣ, а также—талантливости перваго его редактора, проф. А. И. Предтечен-

[1]) А передъ нимъ, съ 1871 — 1874 г. редакторомъ его былъ проф. И. В. Чельцовъ. Ректоръ І. Л. Ян., который, какъ всѣ ректоры, его предшественники, былъ до того времени (1871 г.) редакторомъ „Христ. Чтен.“, отказался отъ редакторства изъ-за многочисленности своихъ занятій и вчастности въ виду полученнаго имъ въ то время годичнаго отпуска.

скаго. Главнѣйшими событіями и вопросами того времени были: турецкая война 1876—1877 г., культурная борьба въ Германіи, старокатолическій вопросъ, а изъ нашихъ внутреннихъ вопросовъ — вопросъ объ основахъ отечественнаго просвѣщенія (классицизмъ или реализмъ?) и широкое распространеніе у насъ нигилизма. На этихъ предметахъ преимущественно сосредоточивалось вниманіе новаго академическаго изданія и имъ посвящено было немало прекрасныхъ статей и обозрѣній. Но внутренней нашей церковной жизни и ея движеній «Церк. Вѣстн.» касался тогда мало и случайно, такъ что не давалъ полной ихъ картины. Онъ походилъ на случайный сборникъ талантливыхъ статей, иногда переводныхъ изъ богатой западной (преимущественно англійской) литературы, проповѣдей и рѣчей выдающихся нашихъ архипастырей и пастырей и т. п. Во всякомъ случаѣ академическая газета не была зеркаломъ, отражавшимъ движеніе отечественной церковной жизни. Къ 1880 году этотъ дефектъ началъ довольно сильно ощущаться въ нашей академической средѣ. Къ этому присоединилось ея недовольство слишкомъ ярко выраженнымъ преклоненіемъ редакціи предъ классицизмомъ гр. Д. А. Толстого и М. Н. Каткова. Все это повело къ попыткѣ дать другое направленіе, другой обликъ журналу. Къ тому же, въ 1881 г. истекалъ пятилѣтній срокъ, на который А. И. Пр-ій былъ избранъ редакторомъ «Церк. Вѣстн.». Рѣшено было избрать другого для него редактора. Выборъ палъ на меня, какъ отчасти уже заявившаго способность къ публицистикѣ и какъ человѣка близкаго къ центральнымъ духовнымъ сферамъ, благодаря родственнымъ связямъ съ предсѣдателемъ Дух. Учебн. Комитета при Св. Синодѣ (прот. І. В. В-мъ). Это послѣднее обстоятельство выставлялось какъ одинъ изъ мотивовъ для моего избранія. «Христ. Чтен.» было отдѣлено, въ редактированіи, отъ «Церк. Вѣстн.» (А. И. Предтеченскій редактировалъ то и другое изданіе); редакторомъ Христ. Чтен.» былъ избранъ проф. И. Е. Троицкій, я—редакторомъ «Церк. Вѣстн.».

Очень неохотно и даже со страхомъ приступалъ я, съ 1 янв. 1881 г., къ редактированію академическаго журнала, вполнѣ сознавая, что быть его заправителемъ далеко не тоже, что случайно помѣщать въ журналахъ и газетахъ статьи и замѣтки. Къ тому же «Церк. Вѣстн.» преслѣдовалъ двѣ цѣли, трудно совмѣстимыя: оффиціальность съ служеніемъ академическимъ интересамъ. Чувствовалась опасность не удовлетворить

которой нибудь изъ нихъ, или даже обѣимъ вмѣстѣ, тѣмъ не менѣе, благодаря ободренію со стороны ректора, І. Л. Ян-ва и прот. І. В. Васильева, послѣ не малыхъ колебаній не отвѣтилъ отказомъ на избраніе. Въ особенности подѣйствовали на меня уговоры моего тестя, который вѣрилъ въ мои публистическія способности, а съ другой стороны желалъ для своего зятя расширенія круга дѣятельности, да кстати и увеличенія матеріальныхъ средствъ жизни. Так. обр. и тутъ сказалось вліяніе на меня этого замѣчательнаго человѣка.

Сразу же задался я цѣлью поставить газету такъ, чтобы она съ одной стороны отражала въ себѣ движенія нашей церковной и общественной жизни и съ другой давала серьезные отвѣты на злободневные вопросы и запросы. Первой цѣли долженъ былъ содѣйствовать отдѣлъ «Мнѣній печати по церковнымъ вопросамъ», второй—передовыя статьи при каждомъ № «Церк. Вѣстн.». Все это началось съ первыхъ же №№ «Церк. Вѣстн.». Въ слѣдующемъ 1882 г. введенъ былъ (съ № 10) еще новый отдѣлъ—«Церковная лѣтопись».

Эти отдѣлы давали редактору много заботъ, хлопотъ, а отчасти и огорченій, въ особенности «Мнѣнія печати». Противъ замысла относительно передовыхъ, руководящихъ, при каждомъ № статей возражалъ бывшій редакторъ А. И. Пр-кій. «Вы думаете предварять каждый № передовыми статьями, говорилъ онъ мнѣ, да откуда же вы будете ихъ брать, вѣдь придется вамъ высасывать ихъ изъ пальца». Но мой оппонентъ не принялъ въ разсчетъ сильнаго въ то время движенія общественной и религіозной нашей жизни. Въ значительной, даже большой степени наводилъ на темы для передовыхъ статей отдѣлъ «Мнѣній печати по церковнымъ вопросамъ». Тутъ, какъ въ фокусѣ, собиралось все, что волновало духовный и свѣтскій нашъ міръ въ тогдашнее время и давало обильный матеріалъ для обсужденія.

А волновали главнымъ образомъ вопросы: о народномъ образованіи и участіи въ немъ духовенства, о церковно-приходскихъ школахъ, объ устройствѣ прихода, объ отношеніи между государствомъ и церковью, о внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ, о монашествующемъ и бѣломъ духовенствѣ (по поводу книги г. Елагина «Бѣлое духовенство и его интересы»), объ устройствѣ церковнаго суда (по поводу изданія того же Елагина), о внутренней миссіи, о церковномъ хозяйствѣ, свѣчныхъ заводахъ, о напастяхъ [illegible]

на наше духовенство, о противоцерковномъ, даже антихристіанскомъ настроеніи значительной части нашей интеллигенціи, объ образовательныхъ потребностяхъ нашей церкви и мн. др.

Огромное большинство передовыхъ статей приходилось писать самому редактору [1]), такъ какъ въ его рукахъ сосредоточивалась вся масса данныхъ относительно существовавшихъ въ то время настроеній, церковно-общественныхъ потребностей, поднимавшихся вопросовъ, толковъ и т. п. Значительное, впрочемъ, облегченіе въ трудѣ составленія передовыхъ статей доставляли редактору нѣкоторые изъ членовъ академической корпораціи, именно: проф. М. О. Кояловичъ своими статьями преимущественно о западно-русскихъ церковныхъ дѣлахъ, проф. И. Е. Троицкій обозрѣніями церковныхъ дѣлъ на православномъ Востокѣ и латинскомъ и протестантскомъ Западѣ (которыя помѣщались преимущественно въ началѣ года), доцентъ Н. А. Скабалановичъ, безпрерывно, почти съ самаго начала введенія церковной лѣтописи слѣдившій за движеніемъ епархіальной жизни, а потому бывшій въ курсѣ возникавшихъ мѣстныхъ и общецерковныхъ нуждъ и вопросовъ, преимущественно церковно-хозяйственнаго характера. Безъ этого подспорья мнѣ было бы совершенно невозможно выдержать труда составленія передовицъ къ каждому № журнала.

Отъ своего предшественника я наслѣдовалъ отдѣлъ: «Прошлая недѣля въ Россіи и заграницей». Здѣсь сообщались свѣдѣнія попреимуществу изъ общественной и государственной жизни нашей и заграничной, изъ области же нашей церковной отечественной жизни — только о нѣкоторыхъ фактахъ и событіяхъ официальнаго характера, преимущественно о перемѣнахъ, новыхъ назначеніяхъ въ нашей высшей іерархіи, Высочайшихъ наградахъ и т. п. Я рѣшился открыть особый отдѣлъ «Церковной лѣтописи», сохранивъ прежній — «Прошлая недѣля» и пр. Замѣчательно, какъ отнесся мой предшественникъ и къ этой моей новой затѣѣ. «Не совѣтую вамъ, говорилъ онъ, вводить въ журналъ эту лѣтопись. Смотрите, наживете вы себѣ массу непріятностей изъ-за этого отдѣла.

---

[1]) Онѣ, равно какъ и другія наиболѣе значительныя статьи, мнѣ [illegible]

Тутъ можно затронуть самолюбія, возбудить страсти, словомъ, тутъ не оберешься разныхъ щекотливостей». Но и это пророчество не сбылось; огорченій этотъ отдѣлъ мнѣ почти не принесъ. Были только два случая выговоровъ за него, изъ которыхъ въ первомъ я былъ дѣйствительно виноватъ по недосмотру [1]), а во второмъ вышло недоразумѣніе и совершенно напрасное обвиненіе [2]).

Если какой изъ отдѣловъ доставлялъ мнѣ наиболѣе хлопотъ и непріятностей, то это отдѣлъ — «Мнѣнія печати по церковнымъ вопросамъ». Огромному большинству читателей видимо нравилось сосредоточеніе въ немъ всего, о чемъ говорили тогда по части нашихъ церковныхъ дѣлъ, и вкривь и вкось разсуждали въ печати, преимущественно въ свѣтскихъ журналахъ и газетахъ. Но у меня былъ одинъ строгій, неумолимый и весьма вліятельный критикъ въ лицѣ тогдашняго Оберъ-Прокурора Св. Синода, К. П. Побѣдоносцева. Высокопочтенный мой критикъ совершенно расходился со мною во взглядѣ на задачи церковной газеты. Его идеалъ: газета должна заниматься основными вопросами вѣры, прошлыми важнѣйшими событіями въ исторіи нашей церкви и не касаться треволненій текущаго времени. Къ чему собирать вею эту дрянь, га-

[1]) „Скажите проф. Катанскому, разъ поручилъ митр. Исидоръ ректору І. Л. Я., что ему, профессору догм. богословія, стыдно печатать такія извѣстія, что десять хиротонія во епископа (не помню, какого именно лица) *совершена* такими-то епископами *вмѣстѣ* съ такими-то архимандритами и протоіереями; вѣдь онъ хорошо знаетъ, что въ еписк. хиротоніи лица пресвитерскаго сана не участвуютъ". Это былъ единственный случай выговора со стороны благодушнаго владыки, вполнѣ мною заслуженный. Составитель лѣтописи сдѣлалъ вырѣзку изъ свѣтской газеты, а я не досмотрѣлъ и не исключилъ архимандритовъ и протоіереевъ, которые, находясь въ сослуженіи съ епископами, хиротоніи однако не совершаютъ.

[2]) Какъ-то всѣ свѣтскія газеты облетѣло извѣстіе (газетная утка) о значительномъ, на нѣсколько %, сокращеніи нашихъ монастырей; попало оно и въ „Церк. Общ. Вѣстникъ" А. И. Поповицкаго. Въ „Церк. Вѣстн." такого извѣстія, завѣдомо ложнаго и совершенно невѣроятнаго, конечно, не было сообщено. Но К. П. Побѣдоносцевъ, тогдашній Об. Прок., начитавшійся разныхъ газетъ и смѣшавъ „Церк. В." съ „Церк. Общ. Вѣстн.", выразилъ ректору въ сильныхъ выраженіяхъ неудовольствіе на „Церк. Вѣстн." и его редактора. Это было на академическомъ обѣдѣ (въ день акта 17 февр.). Я старался разувѣрить и ректора и тутъ же находившагося К. П. П-ва, но едва ли мнѣ удалось это; даже ректоръ говорилъ: „да посмотрите хорошенько, не попало ли какъ въ Ц. В. это извѣстіе", а К. П. П. стоялъ на своемъ, что онъ читалъ и т. д.

дость и накипь изъ газетъ и журналовъ. Мало ли есть превосходнаго, весьма цѣннаго матеріала въ Синодальныхъ архивахъ и даже въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ относительно прошлаго нашей церкви и выдающихся ея дѣятелей. «*Испортилъ* Катанскій Церк. Вѣстникъ», нѣсколько разъ заявлялъ К. П. въ засѣданіяхъ Св. Синода. «Былъ этотъ журналъ хорошъ при прежнемъ редакторѣ (А. И. Пр.); теперь онъ никуда не годится, наполненъ какою-то дрянью». О такихъ рѣчахъ К. П. не разъ сообщалъ мнѣ прот. І. В. Васильевъ. Наконецъ, однажды говоритъ мнѣ: «Об. Прок. опять нападалъ на васъ въ засѣданіи Св. Синода; это очень тревожный признакъ». Что же, отвѣчаю, если нужно, я готовъ оставить редакторство и даже радъ сложить съ себя эту большую тяжесть. Но интересно, спрашиваю, какъ же Члены Св. Синода отвѣчаютъ на горячія реплики К. П.? «Полнымъ молчаніемъ. А митр. Исидоръ, молча выслушавъ рѣчь К. П. П., обыкновенно говорилъ (и это не разъ): «ну, такъ какія сегодня дѣла по Синоду будутъ намъ докладываться»? Мудрый старецъ, очевидно, принялъ тактику пассивнаго сопротивленія въ отношеніи къ заявленіямъ Об. Пр., не хотѣлъ съ нимъ спорить, такъ какъ споръ не привелъ бы ни къ чему, кромѣ взаимнаго раздраженія, безъ надежды разубѣдить К. П., упорнаго въ своихъ мнѣніяхъ и извѣстнаго къ тому же діалектика. Повидимому, митр. Исидору (да вѣроятно и другимъ Членамъ Св. Синода) нравились складъ и направленіе журнала и онъ цѣнилъ именно освѣдомленность его относительно общественныхъ настроеній и газетныхъ толковъ о церковныхъ дѣлахъ. Чтеніе «Церк. Вѣстн.» помогало ему быть въ ихъ курсѣ. Замѣчательно, что К. П. Поб-въ самъ былъ неутомимымъ чтецомъ свѣтскихъ газетъ и журналовъ, этихъ произведеній «прелюбодѣевъ слова» и «разбойниковъ пера и печати», какъ онъ называлъ газетчиковъ и журналистовъ. Понятно, что онъ пресыщенъ былъ этимъ чтеніемъ, и весьма естественно не могъ чувствовать къ нимъ ничего кромѣ отвращенія, а тутъ еще получалъ «Церк. Вѣстн.» и въ немъ встрѣчалъ выдержки изъ тѣхъ же противныхъ статей. Въ совершенно другомъ положеніи и настроеніи находились Члены Св. Синода и первенствующій—приснопамятный митр. Исидоръ. Они не имѣли времени и возможности, да и охоты зачитываться, подобно К. П., текущею свѣтскою журналистикою, и для нихъ потому много новаго и интереснаго представлялъ «Церк. Вѣстн.» именно въ той его сторонѣ,

которая подвергалась безпощадному осужденію Оберъ-Прокурора.

Что Члены Св. Синода были довольны новою постановкою «Церк. Вѣстн.», доказательствомъ служитъ слѣдующій случай. Вскорѣ послѣ 1 марта 1881 г., послѣ величайшаго злодѣянія, покрывшаго всю Россію несмываемымъ позоромъ, о. прот. І. В. Васильевъ встрѣчаетъ Члена Св. Синода, прот. І. В. Рождественскаго. О. І. В. Р-ій, заведя рѣчь о «Церк. Вѣст.», говоритъ, что онъ прочиталъ мою передовую статью по поводу 1 марта (№ 11—«Главный источникъ всѣхъ нашихъ золъ»), а также и обширный отдѣлъ «Мнѣній печати», особенно на этотъ разъ содержательный, — между прочимъ (замѣчу отъ себя) съ отвѣтомъ на возраженія К. П. П-ва, безъ указанія, конечно, его имени—и въ заключеніе прибавляетъ: «мнѣ нравится нынѣшній «Церк. Вѣстникъ», хороша передовая статья по поводу 1 марта, да и вообще теперь есть что въ немъ почитать, не то, что въ прежнее время». Зная близкія отношенія прот. І. В. Васильева ко мнѣ и имѣя, вѣроятно, въ виду нападки К. П. П. на «Церк. Вѣст.», достопочтенный о. І. В. Рождественскій видимо хотѣлъ подбодрить меня въ нелегкомъ редакторскомъ трудѣ. Впрочемъ, немало подобныхъ сочувственныхъ заявленій новому направленію «Церк. Вѣстн.» приходилось слышать и съ другихъ сторонъ, въ теченіе четырехлѣтняго моего редакторства.

Кстати, по поводу 1 марта. Тяжкое это было время, въ особенности для редактора церковной газеты. Переживая, вмѣстѣ со всѣми русскими людьми, потрясающія событія того времени и полныя трагизма обстоятельства, онъ въ чтеніи газетъ либеральнаго направленія вбиралъ въ себя весь ядъ двухсмысленныхъ ихъ разсужденій и лицемѣрныхъ сожалѣній, плохо прикрытыхъ разсчетовъ на добрые, по ихъ мнѣнію, плоды величайшаго злодѣянія для блага и прогресса (?!) Россіи, по пословицѣ—нѣтъ худа безъ добра. Никогда не забудутся нѣкоторыя изъ такого рода статей, въ особенности передовая, по поводу 1 марта, газеты «Порядокъ» (изд. Стасюлевича), представлявшая верхъ плохо прикрытаго цинизма. Бывало, начитавшись подобныхъ статей, чувствуешь себя положительно отравленнымъ, а не читать было нельзя, нужно было—чтобы имѣть понятіе о всѣхъ настроеніяхъ общества. Не говорю уже о массѣ труда для передачи читателямъ, въ связномъ изложеніи подробностей тогдашнихъ потрясающихъ событій. Мнѣ самому

приходилось много работать въ этомъ отношеніи, хотя и были, перемѣнные впрочемъ тогда, сотрудники для лѣтописи общественной жизни, по отдѣлу, наслѣдованному отъ моего предшественника — «Прошлая недѣля въ Россіи и заграницей». Этотъ отдѣлъ, вскорѣ послѣ 1 марта, началъ вести и все время моего редакторства, да и послѣ много лѣтъ, продолжалъ составлять, съ большимъ тактомъ и свойственною ему осторожностью, тогда доцентъ, а впослѣдствіи проф. А. И. Садовъ.

Еще нѣсколько словъ о главномъ моемъ критикѣ и оппонентѣ, К. П. Побѣдоносцевѣ. Къ концу перваго года моего редакторства (1881 г.) въ отношеніи ко мнѣ онъ видимо смягчился и если не совсѣмъ примирился, то началъ смотрѣть на меня какъ на зло не такъ уже большой руки. А однажды прочитавъ одну очень понравившуюся ему статью (помнится— объ отношеніи государства къ церкви), даже удостоилъ меня весьма благосклонной аудіенціи, призвалъ къ себѣ, очень много бесѣдовалъ и между прочимъ предлагалъ сдѣлать «Церк. Вѣстн.» вполнѣ оффиціальнымъ органомъ Св. Синода, при обязательной подпискѣ, но назначалъ такую цифру ежегодной платы—2 р., что немыслимо было принять его предложеніе. Правда, при 40,000 подписчиковъ (по количеству церквей въ Россіи) получалась бы громадная повидимому сумма—80,000 р., но издержки по бумагѣ, печати, брошюровкѣ, разсылкѣ, не говоря уже о вознагражденіи редактора и сотрудниковъ, да еще по печатанію «Христ. Чтен.», которое неразрывно связано съ «Церк. В.» и питалось главнымъ образомъ средствами, получаемыми отъ газеты,—все это стало бы несравненно дороже суммы, получаемой отъ обязательной подписки. Все это я и высказалъ своему достопочтенному собесѣднику. Не сказалъ только одного,—по понятнымъ причинамъ,—что корпорація академическихъ преподавателей, издателей «Ц. В.», никогда не согласится превратить его въ чисто оффиціальное изданіе, какъ бы ни велики были даже матеріальныя отъ того выгоды. Немало говорилъ К. П. о церковныхъ дѣлахъ; онъ вѣдь любилъ поговорить, любилъ и себя послушать; но, помнится, упрековъ мнѣ не дѣлалъ. Кажется, только совѣтовалъ обратить вниманіе на архивные синодскіе матеріалы, да на епархіальныя вѣдомости. Изъ этой бесѣды, происходившей вечеромъ, въ назначенный часъ, и продолжавшейся не менѣе 1½ часовъ, вынесено такое общее впечатлѣніе: бесѣдуешь съ

очень умнымъ человѣкомъ, правда своеобразныхъ взглядовъ, но сохранившимъ профессорскую привычку обсуждать вопросъ со всѣхъ сторонъ, выслушивать и возраженія, хотя предпочитавшимъ больше говорить, чѣмъ слушать [1]).

Отд. «Мнѣній печати», сильно возмущавшій К. П. П—ва (въ началѣ по крайней мѣрѣ, потомъ онъ болѣе или менѣе съ нимъ примирился), къ концу моего редакторства, въ 1884 г., привелъ меня еще въ характерное столкновеніе съ двумя нашими тогдашними іерархами. Нѣкто М. Сабининъ, родомъ грузинъ, изъ воспитанниковъ нашей академіи (XXX к. 1873 г., канд. 1878 г.), немало писавшій по исторіи грузинской церкви и о текущихъ церковныхъ дѣлахъ въ грузинскомъ экзархатѣ, помѣстилъ въ одной изъ газетъ («Совр. Изв.» Н. П. Гилярова) замѣтку о томъ, что наше церковное правительство несправедливо будто-бы относится къ грузинамъ, что напрасно оно стѣсняетъ ихъ въ употребленіи родного ихъ языка въ школахъ и богослуженіи, разрѣшая въ то же время армянамъ безпрепятственно пользоваться армянскимъ языкомъ школьнымъ и богослужебнымъ. Прочитавъ въ «Церк. В.» такого рода газетную выдержку, тогдашній экзархъ Грузіи Павелъ (Лебедевъ, бывшій въ мое студенчество инспекторомъ академіи, † архіеп. казанскій), страшно разсердился и прислалъ очень гнѣвное письмо ректору академіи, въ то время уже пр. Арсенію (Брянцеву), преемнику І. Л. Ян., съ угрозою пожаловаться на проф. Катанскаго Оберъ-Прокурору Св. Синода.

[1]) „Начальническаго" въ его тонѣ и обращеніи со мною было мало замѣтно, да и я держалъ себя, при всей почтительности къ его особѣ, какъ человѣкъ ему не подчиненный, что̀ между прочимъ далъ понять въ самомъ моемъ костюмѣ: былъ одѣтъ не въ форменномъ, должностномъ вицъ-мундирѣ, а въ простомъ фракѣ, хотя съ орденомъ и въ бѣломъ галстухѣ на шеѣ—въ знакъ почтенія къ его высокому положенію. Мелочь,—но характерная; посовѣтовалъ ее мой тесть (тогда пр. І. В. В. былъ еще живъ; это было незадолго до его кончины,—въ томъ же 1881 г.). Впрочемъ, К. П. П—ву я былъ уже довольно извѣстенъ и между прочимъ именно со стороны нѣкоторой независимости характера, по памятной ему исторіи (1874—5 г). моего отказа отъ приглашенія вел. князя К. Н. въ совѣтъ общ. люб. дух. просв. А затѣмъ, за годъ предъ описываемой аудіенціей, мы встрѣтились (въ 1880 г.) въ Академіи на магистерскомъ экзаменѣ. Кстати, не впечатлѣніемъ ли отъ упомянутаго отказа отчасти объясняется болѣе, чѣмъ внимательное отношеніе К. П. ко мнѣ тогда на экзаменѣ? Очень можетъ быть, что этотъ отказъ немало повысилъ меня въ его мнѣніи. То же скаазалось, сдается мнѣ, и въ продолжительной нашей бесѣдѣ у него на оберъ прокурорской квартирѣ.

Объ этомъ письмѣ сообщено было мнѣ ректоромъ также въ довольно рѣзкой запискѣ. При личномъ свиданіи и объясненіи съ пр. Арсеніемъ, не отрицая нѣкоторой моей оплошности (именно, что не сопроводилъ газетную выдержку какимъ либо замѣчаніемъ отъ редакціи), оставаясь однако совершенно спокойнымъ и нимало не испуганнымъ угрозою пр. экзарха, я позволилъ себѣ сильно взволнованнаго пр. ректора успокоить слѣдующими словами: «что вы, ваше пр—во, такъ волнуетесь; въ газетной дѣятельности неизбѣжны недосмотры и промахи, приходится съ этимъ мириться и быть готовымъ иногда потерпѣть и непріятности, въ данномъ случаѣ не только редактору академическаго изданія, но и ректору академіи, какъ представителю и защитнику академическихъ интересовъ». Къ немалому моему удивленію на эту реплику получился отвѣтъ: «да, вамъ хорошо такъ говорить, а мнѣ вѣдь нужно поддерживать хорошія отношенія съ экзархомъ». Въ этихъ словахъ, представлявшихъ очень мало героическаго, достойнаго главы академіи и порядочно таки меня возмутившихъ, вполнѣ обрисовался обликъ нашего новаго ректора, преемника І. Л. Ян. Весь этотъ инцидентъ закончился замѣткою въ № 18 «Церк. Вѣст.», что по собраннымъ свѣдѣніямъ сужденія газеты «Совр. Изв.», сообщенныя въ № 15 «Ц. В. (1884 г.) «оказываются совершенно невѣрными и вдобавокъ тенденціозными» [1]). Въ заключеніе прибавлено, что, къ сожалѣнію, распространителями этой лжи являются лица, получившія образованіе въ нашихъ высшихъ духовныхъ школахъ». Послѣднія слова направлены противъ г. Сабинина (предполагаемаго автора статьи «Совр. Изв.», — статья сколько помнится, была анонимная), который, благодаря своей ловкости и отчасти очень видной наружности, сумѣлъ войти во многіе аристократическіе дома и потому казался пр. экзарху довольно опаснымъ оппонентомъ. Послѣ этой замѣтки оба преосвященные успокоились.

Въ концѣ также моего редакторства, по моей иниціативѣ, введены еще два новые отдѣла. Для удовлетворенія желанія К. П. Побѣдоносцева использовать епархіальныя вѣдомости и въ сознаніи дѣйствительной цѣнности нѣкоторыхъ даваемыхъ

---

[1]) Въ замѣткѣ приведены и факты, доказывающіе совершенно противное тому, что утверждалось въ статьѣ „Совр. Изв.“. Эти факты, сколько помнится, заимствованы изъ упомянутаго гнѣвнаго письма пр. экзарха къ пр. Арсенію.

ими матеріаловъ введено было (съ 37 № 1884 г.) «Обозрѣніе епархіальныхъ вѣдомостей», и—въ параллель съ «Обозрѣніемъ духовныхъ журналовъ» (старымъ отдѣломъ, наслѣдованнымъ отъ моего предшественника)—«Обозрѣніе свѣтскихъ журналовъ по церковнымъ вопросамъ» (съ 42 № 1884 г.).

Всѣ новые отдѣлы: «Мнѣнія печати по церковнымъ вопросамъ», «Церковную лѣтопись», «Обозрѣніе епархіальныхъ вѣдомостей» и «Обозрѣніе свѣтскихъ журналовъ» приходилось, для первыхъ №№, составлять самому редактору. Нужно было организовать новое дѣло, выработать норму, дать желательный образецъ для подобныхъ обозрѣній. Потомъ, когда дѣло уже наладилось и были привлечены постоянные сотрудники для новыхъ отдѣловъ, преимущественно изъ числа молодыхъ преподавателей академіи, частію же изъ наставниковъ Петроградской семинаріи [1]), стало легче, но и тогда редактору приходилось не мало работать, въ особенности по отдѣлу «Мнѣнія печати», самому щекотливому, дополнять, измѣнять и т. п., а главное прочитывать, огмѣчать и направлять къ сотрудникамъ массу печатнаго газетнаго и журнальнаго матеріала.

Большинство моихъ академическихъ коллегъ принимало мало участія въ сотрудничествѣ, предпочитая кабинетную ученую работу журнальной, такъ что мнѣ приходилось вывозить послѣднюю почти исключительно на собственныхъ плечахъ. При такихъ обстоятельствахъ и при моей склонности къ увлеченію и всецѣлой отданности всякому дѣлу, за которое брался, обнаружилось, что къ концу четырехлѣтняго періода редакторства почувствовалась сильная усталость. Въ добавокъ «Церк. Вѣстн.» былъ тогда безцензурнымъ изданіемъ: я былъ и редакторъ и цензоръ всѣхъ статей и чужихъ и моихъ собственныхъ, что хотя и представляло свои удобства, но вмѣстѣ съ тѣмъ, ложилось лишнею тяжестью на редактора академической и въ

---

[1]) Изъ доцентовъ академіи: И. С. Якимовъ (для „Мнѣній печати“), Н. А. Скабалановичъ („Церк. лѣтоп.“), А. А. Приселковъ („Обозр. епар. вѣдом.“), И. Г. Троицкій („Обозр. журн.“) Изъ преподавателей петр. сем. А. П. Мальцевъ и В. И. Жмакинъ (оба для „обозр. журн.“). А. П. Мальцевъ, яросл. канд. XXXV к. петр. акад. 1878 г., потомъ 1879 г. магистръ, впослѣдствіи весьма уважаемый настоятель нашей посольской церкви въ Берлинѣ. В. И. Жмакинъ, самар., канд. XXXVI к. 1879 г. петр. акад., съ 1886 г. магистръ, потомъ петрогр. протоіерей и членъ Учебн. Ком. при Св. Синодѣ.

тоже время полуоффиціальной газеты: приходилось много волноваться и заботиться. А потому неудивительно мое сильное утомленіе къ концу редакторства. Не помогъ и лѣтній отдыхъ въ 1884 г., поѣздка въ Нижній на родину и путешествіе по Волгѣ до Саратова, при чемъ редактированіе «Церк. Вѣстн.» было поручено временно моему коллегѣ, проф. И. Е. Троицкому, редактору «Христ. Чтен.». По возвращеніи въ Петроградъ рѣшился отказаться отъ редакторства, до истеченія пятилѣтняго срока, на который былъ избранъ. Вслѣдствіе заявленія объ этомъ моемъ рѣшеніи собралась въ моей квартирѣ вся корпорація наставниковъ академіи, соиздателей «Церк. В.», во главѣ съ пр. Арсеніемъ (Брянцевымъ), тогдашнимъ нашимъ ректоромъ. Здѣсь обнаружилось, что мои коллеги съ одной стороны не были увѣрены въ непреклонной рѣшительности моего отказа, съ другой желали во что бы то ни стало удержать меня на мѣстѣ редактора. Въ этихъ видахъ всячески убѣждали взять обратно мой отказъ, хотя бы еще на одинъ годъ, до истеченія 5—лѣтняго срока моего избранія. Чтобы поколебать мое рѣшеніе они прибѣгли къ слѣдующему средству: во главѣ съ ректоромъ (который, вѣроятно, забылъ не очень давнюю мою съ нимъ стычку, см. выше), всѣ встали и стоя просили меня остаться редакторомъ [1]). Не смотря, однако, на такое сильно тронувшее меня и весьма лестное отношеніе моихъ сослуживцевъ и сотрудниковъ къ моей журнальной дѣятельности, рѣшимость моя нисколько не поколебалась. Горячо поблагодаривъ за ихъ доброе о мнѣ, какъ редакторѣ, мнѣніе, я сказалъ буквально (хорошо это помню) слѣдующее: «Вы, гг., кажется, не вполнѣ вѣрите искренности моего заявленія. То, что вы сейчасъ услышите, должно разубѣдить васъ въ этомъ. Кромѣ утомленія есть еще другая, болѣе важная причина моего отказа. Долженъ признаться, что я слишкомъ сильно увлеченъ журнальной дѣятельностью. Чувствую, что перестаю быть профессоромъ и превращаюсь въ журналиста, что если еще нѣсколько лѣтъ останусь редакторомъ, то окончательно превращусь въ борзописца, чего не

[1]) Тутъ же присутствовалъ и мой предшественникъ по редакторству проф. А. И. Предтеченскій, нѣкогда меня критиковавшій, а теперь присоединившійся къ общему хору и, что мнѣ особенно было пріятно, заявившій, что я вполнѣ вошелъ въ свою роль, овладѣлъ дѣломъ (что-то въ такомъ родѣ). Сознаюсь, что торжество мое, какъ новатора журнала, было полное.

желаю, а хочу возвратиться къ серьезнымъ научнымъ трудамъ, которые я порядочно таки запустилъ. Не отказываюсь и впредь принимать возможно дѣятельное участіе въ сотрудничествѣ по «Церк. В.», но всетаки усердно прошу снять съ меня тяжесть редакторства». Послѣ такой рѣчи мои коллеги не могли, конечно, больше настаивать на своей просьбѣ и обратились ко мнѣ съ вопросомъ, кого же я рекомендовалъ бы себѣ въ преемники. Я указалъ на одного изъ своихъ постоянныхъ сотрудниковъ, заявившаго себя недюжинными способностями къ публицистикѣ, который тутъ же единогласно и избранъ былъ вмѣсто меня редакторомъ Ц. В. на 5 лѣтъ. Такъ кончилась эта исторія, къ великому неудовольствію моей супруги, которая, находясь въ сосѣдней комнатѣ, слышала все и была полна негодованія на меня за мой рѣшительный отказъ остаться редакторомъ хотя бы еще на одинъ годъ, согласно настойчивой просьбѣ моихъ сослуживцевъ. «Я все слышала, говорила она. Тебя такъ упрашивали. Почему ты не согласился остаться, хоть еще на одинъ годъ, а предпочелъ выбросить за форточку 3,000 р. въ годъ»? Такими словами она встрѣтила меня по уходѣ моихъ коллегъ. 3000 р., около этой суммы [1]) ежегодно я получалъ, въ предшествующіе годы какъ за редактированіе «Церк. Вѣстн.», такъ и за многочисленныя мои статьи, въ немъ помѣщавшіяся.

Кстати о матеріальныхъ средствахъ академическихъ изданій. Въ то время они были настолько хороши (въ мое время было около 7,000 платныхъ подписчиковъ, до меня нѣсколько меньше), что мой предшественникъ (А. И. Пр—ій) предложилъ даже не пускать въ раздѣлъ между сотрудниками всю сумму, по-

[1]) Изъ этой суммы около 2000 р. (точную цифру не помню) приходилось какъ вознагражденіе за редакторскій трудъ, остальное какъ плата за мои статьи. Изъ этого видно, какъ много приходилось мнѣ писать самому, причемъ въ число оплачиваемаго я включалъ далеко не все, что выходило изъ подъ моего пера; разумѣю многія мелкія замѣтки, извѣстія и т. п. Были №№, которые чуть не на половину состояли изъ разнаго рода моихъ статей. Понятно, насколько я переутомился, продолжая въ то же время исполнять обязанности профессора, члена правленія, и помощника ректора по богосл. отдѣленію. За-то, благодаря этому заработку, образовался небольшой денежный запасъ, который и далъ намъ съ женою возможность впослѣдствіи, послѣ отставки, устроить себѣ на старость собственный пріютъ, въ видѣ скромнаго домика въ г. Гатчинѣ. На остатки отъ профессорскаго жалованья ничего подобнаго сдѣлать, конечно, было невозможно.

лучаемую въ видѣ дивиденда отъ издержекъ по изданію, а назначить опредѣленную сумму платы за строчку въ «Церк. Вѣстн.» (maximum — 14 к., нѣкоторымъ постояннымъ сотрудникамъ отдѣловъ положено было опредѣленное помѣсячное жалованье), а въ «Христ. Чтеніи» за печатный листъ (кажется, 50 р.)—внутреннимъ сотрудникамъ и нѣсколько меньшую внѣшнимъ; остальныя же, оставшіяся отъ раздѣла суммы, вносить на образованіе «вспомогательно-пенсіонной кассы» наставниковъ Петроград. дух. Академіи, для лицъ, желающихъ въ ней участвовать. Условія участія въ ней: единовременный взносъ извѣстнаго процента за предшествовавшіе годы службы и отчисленіе такого же процента изъ ежемѣсячнаго текущаго жалованья. Помнится, еще до моего редакторства образовался уже порядочный капиталъ (если не ошибаюсь, около 20 тысячъ рублей), да за мои 4 года прибавлялось изъ взносовъ редакціи ежегодно по 5 тыс. рублей, т. е. за 4 года также 20 т. р. Такъ образовалась наша академическая пенсіонная касса, которая продолжаетъ дѣйствовать, благодаря Бога, доселѣ, хотя и были со стороны центральныхъ управленій Св. Синода попытки, къ счастію безуспѣшныя, взять у насъ нашъ пенсіонный капиталъ въ свое распоряженіе. Не знаю, что было бы тогда, а теперь мы, отставные, получаемъ изъ нашей кассы нѣкоторый добавокъ къ казенной пенсіи, въ зависимости отъ лѣтъ службы и ранга пенсіонера (орд. проф., экстра-орд., доцентъ). За 30 напр. лѣтъ орд. профессоръ, какъ пишущій эти строки, получаетъ 660 р. въ годъ. Большое спасибо незабвенному А. И. Пр—му за это по истинѣ доброе дѣло, благодѣтельность котораго особенно живо почувствовалась въ послѣдніе годы, при усиливавшейся съ каждымъ годомъ дороговизнѣ жизни, а въ нынѣшніе годы міровой войны перешедшей уже всякія границы.

Исторія нашей пенсіонной кассы не обошлась безъ небольшаго краха. Печальной памяти секретарь совѣта и правленія, В. М. Смѣлковъ (новг., кандид. XXX к. 1873 г. нашей академіи), распоряженію котораго, къ несчастію, были ввѣрены пенсіонныя суммы (подъ контролемъ одного изъ членовъ правленія, Е. И. Ловягина), увлекшись спекуляціей (завелъ онъ аукціонный залъ), присвоилъ около 14000 р. пенсіонныхъ денегъ, обратилъ процентныя бумаги на эту сумму въ залогъ по своимъ предпріятіямъ. Его исключили изъ службы по 3 пункту, не предавъ суду,—отчасти по человѣколюбію,

отчасти въ разсчетѣ вѣрнѣе воротить такимъ образомъ деньги. Разсчеты наши оказались, однако, невѣрными. Немало было хлопотъ и непріятностей, выпавшихъ главнымъ образомъ на мою долю (добровольно вызвался хлопотать по этому дѣлу) [1]) и вся эта весьма непріятная исторія окончилась тѣмъ, что кое-какъ спасено было около половины потерянной пенсіонною кассою суммы.

Возвращаюсь къ другимъ, болѣе важнымъ интересамъ и сторонамъ академической жизни за періодъ 1869—1884 г. Заключу этотъ періодъ нѣкоторыми штрихами, характеризующими внутренній бытъ, настроеніе студенчества «Янышевскаго» времени.

А. Катанскій.

---

[1]) Тутъ мнѣ пришлось близко познакомиться съ мало симпатичнымъ міромъ адвокатовъ. Отъ одного изъ нихъ мнѣ даже угрожало преданіе коммерческому суду. Дѣло въ томъ, что избранный нами для веденія дѣла присяжн. повѣр. оказался измѣнникомъ въ отношеніи нашихъ интересовъ и потому выданный ему въ обезпеченіе долга Смѣлковымъ вексель я передалъ другому прис. повѣренному, вмѣстѣ съ порученіемъ вести все дѣло по взысканію. Эта передача и послужила къ обвиненію меня въ незаконномъ „векселедержательствѣ“; получена была мною даже повѣстка явиться въ коммерческій судъ къ отвѣту, но второй адвокатъ письмами перваго ко мнѣ доказалъ несостоятельность его обвиненія и так. обр. являться въ комм. судъ мнѣ не пришлось.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Императоръ Константинъ Великій и миланскій эдиктъ 313 года *).

VII.

По времени своего обращенія въ христіанство подъ вліяніемъ событій, связанныхъ съ походомъ на Максентія, и до конца жизни, Константинъ въ своей религіозной политикѣ неизмѣнно выступаетъ и дѣйствуетъ какъ покровитель христіанской церкви, предназначая и своихъ дѣтей, чрезъ ихъ христіанское воспитаніе, быть продолжателями этой же политики. И если миланскій актъ 313 г., при всемъ своемъ значеніи, не ставилъ еще христіанство de jure въ какое-либо особо привилегированное положеніе, то фактически, въ лицѣ перваго христіанскаго государя, государство уже тогда вступило въ союзъ съ церковію. Со стороны Константина самое изданіе этого акта имѣло основаніе для себя именно въ томъ близкомъ, покровительственномъ отношеніи, въ какое императоръ сталъ къ христіанству. Первоначально непосредственнымъ покровительствомъ его, пока востокомъ владѣлъ Ликиній, могла пользоваться лишь церковь, находившаяся въ западной половинѣ имперіи. Съ переходомъ

*) Окончаніе. См. февраль 1916 г. На стр. 158, строка 12 сверху, вмѣсто „§ 7“ должно быть „§ 8“. Нужно, между прочимъ, замѣтить, что *O. Seeck*, Die Zeitfolge der Gesetze Konstantins, въ Zeitschrift der Savigny-Stiftung. X, romanist. Abteilung, 225, считаетъ Cod. Theod. IX, 16, 1 и 2 (ср. выше 163_2). частями одного закона, относящагося не къ 319, но къ 320 г., къ этому же году, вмѣсто 321, относится имъ и XVI, 10, 1; законъ объ іудеяхъ, XVI, 8, 1 (ср. выше 164_2), онъ относитъ (240) къ 329 г. вмѣсто 315. Ср. *L. Seuffert*, Konstantins Gesetze und das Christentum. Würzburg 1891, 12_1, 10_3.

подъ власть Константина и востока, оно распространилось на всю. бывшую въ предѣлахъ имперіи, церковь.

Можно сомнѣваться, будутъ-ли когда-либо представлены со всею полнотою и оцѣнены точно всѣ тѣ слѣдствія, какія имѣлъ заключенный при Константинѣ союзъ двухъ величайшихъ на землѣ организацій, каѳолической церкви и универсальной римской имперіи, въ дальнѣйшей ихъ исторіи. Оцѣнка этого факта, во всякомъ случаѣ, дѣлается весьма различная, въ зависимости и отъ различія точекъ зрѣнія, съ какихъ она производится, и отъ многосторонности самыхъ слѣдствій. Это, въ свою очередь, отражается въ общемъ въ весьма сильной степени и на сужденіяхъ о самомъ Константинѣ; то или иное отношеніе къ его дѣлу и разнымъ его слѣдствіямъ обычно опредѣляетъ болѣе или менѣе взглядъ и на самую его личность и побуждаетъ въ неодинаковомъ освѣщеніи представлять одни и тѣ же фактическія данныя.

Возвращеніемъ къ языческой точкѣ зрѣнія является въ сущности отношеніе къ дѣлу англійскаго историка XVIII в., послѣдователя отрицательныхъ идей «просвѣщенія» своего времени, Гиббона, и раздѣляющихъ болѣе или менѣе его взгляды историковъ. За его тенденціей отыскивать всюду темныя стороны въ историческомъ христіанствѣ и набрасывать, гдѣ можно, тѣнь на него, скрывается въ глубинѣ отрицательное отношеніе къ христіанской религіи вообще. Скептикъ по своимъ убѣжденіямъ, онъ хочетъ цѣнить язычество, какъ историческое явленіе, въ цѣломъ выше христіанства. Историческое доказательство этого онъ хочетъ видѣть въ томъ, что союзъ съ христіанствомъ оказался будто бы гибельнымъ для государства. Такимъ образомъ, первый христіанскій императоръ, личность котораго у Гиббона выступаетъ въ общемъ далеко не въ благопріятномъ освѣщеніи, оказалъ, по нему, вовсе нежелательную услугу государству своею религіозною реформою. Причины паденія римской имперіи заключаются, по нему, не въ чемъ иномъ, какъ именно въ распространеніи евангелія и торжествѣ церкви [1]).

[1]) Ср. слова самого Гиббона изъ его мемуаровъ въ примѣчаніи Белля къ очерку Гизо о Гиббонѣ. *Э. Гиббонъ*, Исторія упадка и разрушенія римской имперіи. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскій. I. М. 1883, XXVIII. О Константинѣ у Гиббона ср. I, 495—543, II, 256—278. Въ юности Гиббонъ († 1794), увлекшись католичествомъ, формально присоединился къ нему, но вскорѣ

Общій отрицательный взглядъ Гиббона на христіанство здѣсь достаточно, разумѣется, лишь констатировать, чтобы знать руководящій мотивъ его талантливаго, но тенденціознаго изложенія. Что касается того утвержденія, будто христіанство было причиной упадка государственной жизни и конца римской имперіи, то уже древнимъ христіанскимъ писателямъ приходилось отвѣчать на обвиненія этого рода со стороны язычниковъ, особенно послѣ постигшихъ въ V вѣкѣ западную половину имперіи бѣдствій. Изъ ученыхъ новаго времени особую главу посвящаетъ этому вопросу въ своей книгѣ о паденіи язычества Буассье, имѣя въ виду, въ частности, именно взглядъ Гиббона [1]). Если поводомъ для подобныхъ обвиненій по отношенію къ первоначальному христіанству могли быть заявлявшіяся иногда въ то время со стороны христіанъ ригористическія требованія, дѣлавшія, повидимому, несовмѣстимымъ съ исповѣданіемъ христіанства точное выполненіе всѣхъ обязанностей, предъявляемыхъ государствомъ къ гражданамъ (вопросы о дозволительности для христіанъ гражданской и военной службы, о бракѣ, объ отношеніи къ богатству), то этотъ ригоризмъ вообще не имѣлъ уже мѣста къ временамъ Константина [2]). Съ другой стороны, тѣ симптомы, въ которыхъ выражался постепенный упадокъ имперіи, стали обнаруживаться еще задолго до побѣды христіанства (плохое состояніе финансовъ, уклоненіе гражданъ отъ обществен-

---

же, благодаря принятымъ его родственниками мѣрамъ, обратился опять въ протестантство. Эта двукратная быстрая смѣна убѣжденій и имѣла въ дальнѣйшемъ слѣдствіемъ религіозный скептицизмъ. Потомъ онъ былъ почитателемъ Вольтера. — Между прочимъ, подъ вліяніемъ Гиббона, Вольтера и особенно энциклопедистовъ стоялъ, съ своимъ антицерковнымъ и даже антихристіанскимъ направленіемъ, и историкъ культуры Буркгардтъ († 1897), авторъ блестяще написанной, но крайне односторонней книги о Константинѣ (*J. Burckhardt*, Die Zeit Constantin's des Grossen. Lpz. 1853, 1880², 1898³), представляющей Константина совершенно чуждымъ религіи политикомъ. Ср. о немъ *H. Gelzer*, Ausgewählte kleine Schriften. Leipzig, 1907, 295—366: „Jacob Burckhardt“ (изъ Zeitschrift für Kulturgeschichte, VII, 1900); ср. 307, 340, 355.

[1]) *G. Boissier*, La fin du paganisme. II. Paris 1891, 391—445 (русск. пер. подъ ред. М. С. Корелина. М. 1892, 462—502): „Отвѣтственно ли христіанство за паденіе имперіи?“ Авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ 392 (470): „Мнѣ кажется, что большая часть современныхъ историковъ, съ нѣкоторыми ограниченіями и смягченіями, раздѣляютъ взглядъ Гиббона“.

[2]) 401—3 (475—6). Объ этомъ ср. *A. Bigelmair*, Die Beteiligung der Christen am öffentlichen Leben in vorconstantinischer Zeit. München 1902.

ныхъ должностей, уменьшеніе населенія, ослабленіе воинственнаго духа). Непосредственной причиной упадка ея христіанство, такимъ образомъ, не было, и можно разсуждать лишь о томъ, замедлило-ли оно его, или же ускорило [1]). Можно, очевидно, предположить и то, что болѣе полная христіанизація населенія имперіи въ свое время, можетъ быть, по крайней мѣрѣ отдалила бы конецъ ея и на западѣ. На востокѣ, во всякомъ случаѣ, процессъ «упадка» ромейской имперіи шелъ слишкомъ уже долго и медленно, чтобы выводить этотъ упадокъ именно изъ ея союза съ христіанствомъ.

Но относиться съ осужденіемъ къ состоявшемуся при Константинѣ сближенію церкви и государства можно было, стоя и на точкѣ зрѣнія совершенно противоположной въ сравненіи съ только что указанною. Можно имѣть въ виду не предполагаемый вредъ союза съ церковію для государства, а наоборотъ — вредное вліяніе самого языческаго государства на церковь. Крайнимъ представителемъ такой точки зрѣнія явился жившій еще ранѣе Гиббона нѣмецкій церковный историкъ піэтистъ Арнольдъ. Отрицательное болѣе или менѣе отношеніе у него устанавливается лишь къ послѣконстантиновскому христіанству, но дѣлается это во имя понятаго извѣстнымъ образомъ идеала истинно-христіанской жизни, который, по нему, до Константина былъ осуществляемъ, но затѣмъ оказался вытѣсненнымъ. Вслѣдствіе союза съ языческимъ государствомъ въ самую церковь проникло теперь язычество, типичнымъ представителемъ котораго былъ, по Арнольду, и самъ Константинъ, изображаемый у него исключительно темными красками. Результатомъ было пониженіе прежняго высокаго уровня нравственной жизни въ христіанствѣ. Выступаетъ теперь на первый планъ, благодаря этому союзу, особенно не нравящійся протестанту-автору клиръ, съ его іерархическими распрями и ненужными, по автору, догматическими спорами («Ketzermacherei») [2]).

---

[1]) *Boissier*, 445 (502).

[2]) *G. Arnold*, Unpartheiische Kirchen- und Ketzerhistorien vom Anfang des Neuen Testaments bis auf das Jahr Christi 1688. Zürich 1699—1700 (Schaffhausen 1740); о Константинѣ ср. [1740], 135—143. Авторъ признаетъ (139—140) также и то, что Константинъ, какъ правитель, своей дѣятельностью въ сферѣ гражданскаго управленія, ускорилъ гибель римскаго государства (западной половины имперіи). О жизни первыхъ христіанъ

Арнольдъ руководится въ своихъ сужденіяхъ своими протестантско-піэтистическими убѣжденіями. Относительно же исторической стороны дѣла нужно прежде всего и здѣсь замѣтить, что тѣ явленія, которыя Арнольдъ хотѣлъ бы считать характерными для времени послѣ Константина и выводить изъ союза церкви съ государствомъ, на дѣлѣ встрѣчаются уже въ болѣе раннія времена. Пониженіе до извѣстной степени общаго уровня религіозно-нравственной жизни въ христіанствѣ было естественнымъ слѣдствіемъ распространенія его въ широкихъ кругахъ и сравнительно спокойнаго существованія въ промежутки между гоненіями, и оно сказалось, напр., въ большомъ количествѣ «падшихъ» уже во время гоненія Декія. Іерархическія отношенія, по прямому свидѣтельству, напр., Евсевія [1]), еще предъ гоненіемъ Діоклетіана значительно уклонялись отъ идеала. Еретиковъ и раскольниковъ было весьма немало уже и въ древнѣйшія времена, и они и тогда уже строго были осуждаемы церковію. На ряду съ этимъ, Арнольдъ явно въ преувеличенно мрачномъ видѣ изображаетъ послѣконстантиновскую эпоху.

Однако, если утвержденія Арнольда, объясняемыя его особой тенденціей, являются въ цѣломъ преувеличенными, несомнѣннымъ остается фактъ, что союзъ церкви съ государствомъ, каково бы ни было значеніе его для государства, для нея сопровождался далеко не одними лишь благопріятными слѣдствіями. Это признается и отмѣчается всѣми болѣе или менѣе объективными историками. Можно встрѣчать по этому поводу и въ новѣйшей литературѣ отрицательныя сужденія о дѣлѣ Константина, выраженныя въ рѣзкой формѣ [2]).

Государство, если брало церковь подъ свое покровительство и оказывало ей содѣйствіе, могло потребовать отъ нея за это и соотвѣтствующихъ услугъ, и явиться при случаѣ союзникомъ неудобнымъ и опаснымъ. На его сторонѣ была внѣшняя сила, и для него естественно было стремиться по-

---

Арнольдъ († 1714) еще ранѣе написалъ сочиненіе: Die erste Liebe zu Christo. Oder: Wahre Abbildung der ersten Christen nach ihrem lebendigen Glauben und heiligen Leben. 1696 (Stuttgart 1845).

[1]) h. e. VIII, 1, 8.

[2]) Ср., напр., *Th. Zahn*, Konstantin der Grosse und die Kirche. Hannover 1876. Перепечатано въ Skizzen aus dem Leben der Alten Kirche. Erlangen und Leipzig 1896, 241—266; ср. 262—266.

ставить церковь въ подчиненное отношеніе къ себѣ. Въ силу уже римскихъ традицій, императоры, въ качествѣ покровителей церкви, могли даже несознательно усвоить себѣ ту роль по отношенію къ христіанской церкви, какую имѣли они прежде по отношенію къ языческой религіи, какъ верховные первосвященники. Интересы церкви въ ихъ политикѣ легко могли уступать мѣсто государственнымъ соображеніямъ. При томъ же эти интересы, и при добромъ желаніи дѣйствовать на пользу церкви, могли быть неправильно понимаемы ими; въ эпоху догматическихъ споровъ они могли подпадать подъ вліяніе и неправославныхъ партій. Такъ было уже въ концѣ царствованія самого Константина и особенно при сынѣ его Константіи, когда руководящее значеніе при дворѣ пріобрѣла аріанская партія. Это повторялось не разъ и потомъ, въ исторіи дальнѣйшихъ богословскихъ споровъ; императоры иногда пытались рѣшать догматическіе вопросы непосредственно своею властію. Централизація церковной іерархической власти на востокѣ въ лицѣ константинопольскаго патріарха, независимо отъ значенія этого факта въ другихъ отношеніяхъ, во всякомъ случаѣ, давала въ руки императоровъ весьма удобное средство воздѣйствовать на церковь чрезъ ея столичнаго, облеченнаго верховнымъ авторитетомъ представителя. Отъ императора всецѣло зависѣлъ выборъ епископа на столичную каѳедру, онъ же могъ и удалить его съ каѳедры въ случаѣ недовольства имъ. Въ позднѣйшую эпоху византійской исторіи эти насильственныя низверженія патріарховъ сдѣлались чрезвычайно частымъ, почти обычнымъ явленіемъ; со временемъ позаботились лишь о томъ, чтобы придать этимъ фактамъ хотя бы по видимости законномѣрную обстановку.

Кромѣ этого подчиненія церкви государству, союзъ ея съ послѣднимъ, несомнѣнно, отразился нѣкоторыми неблагопріятными слѣдствіями для религіозно-нравственной жизни христіанскаго общества. Покровительство самихъ государей христіанству, ихъ примѣръ и прямые призывы, привлекали въ лоно церкви людей, обращавшихся не по религіознымъ убѣжденіямъ, а изъ мірскихъ разсчетовъ, и не оставлявшихъ языческихъ привычекъ и въ христіанствѣ [1]). Привилегіи клиру

[1]) Ср. по этому поводу замѣчанія объ излишнемъ и сопровождавшемся вредными слѣдствіями довѣріи къ такимъ лицамъ уже со стороны Константина, даже у панегириста Евсевія, V. C. IV, 54.

побуждали—повидимому, нерѣдко—поступать въ клиръ лишь въ цѣляхъ освобожденія отъ разныхъ гражданскихъ повинностей. Въ рядахъ высшей іерархіи не замедлили выступить «придворные» епископы; примѣромъ ихъ уже при Константинѣ явился аріанинъ Евсевій никомидійскій.

Было бы безцѣльно отвергать или умалять значеніе указанныхъ отрицательныхъ явленій, обнаружившихся при начавшемся съ Константина порядкѣ вещей. Но, прежде всего, можно поставить вопросъ: было-ли наиболѣе обращающее на себя вниманіе явленіе новаго періода церковной исторіи, «цезаропапизмъ» восточной церкви или ея подчиненное положеніе въ отношеніи къ государственной власти, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ установленнаго тогда союза церкви съ государствомъ самого по себѣ, или же оно обусловливалось особыми привходящими обстоятельствами? Дѣйствовать въ качествѣ верховныхъ первосвященниковъ, распорядителей судьбами не только государства, но и церкви, могли побуждать императоровъ, какъ было замѣчено, прежнія традиціи римскаго государства. Но что̀ является въ данномъ случаѣ важнымъ, на встрѣчу этимъ властительнымъ тенденціямъ добровольно шли и сами греки, составлявшіе восточную церковь. Въ силу своихъ національныхъ особенностей и своей прежней политической исторіи, они не обнаруживали ни надлежащаго умѣнья, ни особаго желанія отстаивать независимость церкви на практикѣ. Пользуясь обычно содѣйствіемъ государственной власти въ церковныхъ дѣлахъ, представители восточной церкви выступали съ протестами противъ вмѣшательства этой власти въ церковную сферу и превышенія ею своей компетенціи обычно лишь тогда, когда императоры становились на сторону неправомыслящихъ и пытались ввести въ церковь ересь. Такимъ образомъ, утвердившійся въ греко-восточной церкви «цезаропапизмъ» являлся, въ значительной степени, результатомъ особаго отношенія къ вопросу о церковной свободѣ самихъ же представителей этой церкви — грековъ, въ общемъ слишкомъ мало дорожившихъ въ обычное время самостоятельностью церкви, въ сравненіи съ представителями латинскаго христіанскаго запада [1]).

Но при этомъ, не отрицая факта восточнаго «цезаропа-

[1]) Ср. *В. В. Болотовъ*, Лекціи по исторіи древней церкви. III. Спб. 1913 36—43, 87—90.

пизма», не слѣдуетъ придавать ему и недолжное значеніе. Правда, уже у самого Константина и у Евсевія прилагается—въ несобственномъ смыслѣ—лично къ Константину названіе ἐπίσκοπος τῶν ἐκτὸς и κοινὸς ἐπίσκοπος [1]), можно встрѣчаться и въ дальнѣйшее время съ неумѣстнымъ для императора титуломъ «первосвященника» (напр., на соборѣ 448 г.: τῷ ἀρχιερεῖ βασιλεῖ). Но въ принципѣ въ общемъ признавалось необходимымъ разграниченіе сферъ дѣйствованія церковной и гражданской властей, и высказывалась мысль о ихъ согласномъ взаимодѣйствіи (шестая новелла Юстиніана, титулы о царѣ и патріархѣ въ Эпанагогѣ IX в.). Исторія на дѣлѣ показывала постоянное нарушеніе этой теоріи со стороны государственной власти. Выступали иногда, въ позднѣйшее время, и нѣкоторые византійскіе канонисты на защиту іерархическаго достоинства и правъ императора (Вальсамонъ и особенно Димитрій Хоматинъ). Но вообще фактическому цезаропапизму на востокѣ не хотѣли—такъ сказать, оффиціально—придавать принципіальное значеніе, и возводить дѣйствительный порядокъ вещей въ норму.

Нужно, въ то же время, отмѣтить и то, что каковы бы ни были неблагопріятныя слѣдствія для церкви вмѣшательства въ ея дѣла гражданской власти, въ связи съ восточнымъ фактическимъ «цезаропапизмомъ» стоитъ и составляетъ въ большей или меньшей степени и его заслугу — хотя бы не намѣренную и своеобразную—то обстоятельство, что на востокѣ именно сохранилось правильное понятіе о догматической сущности церкви и ея чисто духовной миссіи въ мірѣ. На западѣ энергичное отстаиваніе церковію своихъ правъ сопровождалось de facto превращеніемъ самой римской церкви въ земное государство и искаженіемъ догматическаго о ней понятія въ борьбѣ ея съ имперіей въ средніе вѣка, и въ концѣ концовъ—къ неудачной попыткѣ реформировать ее въ протестантствѣ.

Въ общемъ, при оцѣнкѣ слѣдствій произведенной Константиномъ перемѣны, констатируя тѣ или иные факты отрицательнаго характера, не слѣдуетъ упускать изъ виду и положительныхъ ея результатовъ. Не ограничиваясь дарованіемъ

---

[1]) V. C. IV, 24; I, 44, 1. По вопросу о смыслѣ выраженія ἐπίσκοπος τῶν ἐκτὸς ср. *F. A. Heinichen*, Eusebii Scripta historica. III. Lipsiae 1870, 787—796.

христіанству лишь полной свободы и принявъ церковь подъ свое прямое покровительство, государство предоставило ей всѣ зависѣвшія отъ него необходимыя средства для распространенія и утвержденія ея вліянія въ мірѣ. Константинъ уже сразу по своемъ обращеніи заявилъ себя особою щедростью въ матеріальномъ пособіи церквамъ и освободилъ клиръ отъ разныхъ гражданскихъ повинностей, чтобы дать ему возможность безпрепятственно посвящать себя своему служенію. Могли быть въ этихъ случаяхъ и были и злоупотребленія. Но, очевидно, отъ представителей церкви зависѣло использовать это благоволеніе правительства въ цѣляхъ ея миссіи, и оно, несомнѣнно, чрезвычайно содѣйствовало ея успѣхамъ.

Открывая самый широкій просторъ и создавая удобныя условія для дѣятельности церкви, государство и само должно было подвергаться болѣе или менѣе воздѣйствію христіанскихъ началъ. Вліяніе христіанскихъ идей прежде всего на самихъ государей естественно должно было отражаться вообще въ законодательствѣ эпохи и могло сказываться какъ въ проведеніи въ жизнь специфически христіанскихъ установленій, такъ и въ скорѣйшемъ осуществленіи на практикѣ началъ гуманности, до которыхъ возвышалась и философская мысль античнаго міра, но которыя тамъ вовсе не находили сколько-нибудь широкаго практическаго примѣненія [1]). Еще Лактанцій въ

---

[1]) По вопросу о христіанскомъ вліяніи на римское право ср. *Ch. Bougaud,* La première Ébauche d'un Droit Chrétien dans le Droit Romain. Paris (1913?), гдѣ дается очеркъ (55—72) современнаго состоянія этого вопроса, научная разработка котораго началась лишь весьма недавно. Авторъ указываетъ, что фактъ этого вліянія былъ отмѣченъ еще *Озанамомъ* (1837), но посвященный затѣмъ выясненію его очеркъ *Troplong*'а (De l'influence du christianisme sur le droit civil des Romains. Bruxelles 1844) оказался не совсѣмъ удачнымъ и подвергнутъ былъ суровой критикѣ итальянцемъ *Padelletti.* Въ послѣднее время вопросъ былъ снова выдвинутъ знаменитымъ итальянскимъ юристомъ *C. Ferrini* († 1902), который намѣтилъ путь къ его рѣшенію чрезъ детальное сравненіе римской юридической литературы и произведеній христіанскихъ писателей и самъ изслѣдовалъ съ этой стороны сочиненія Арнобія и Лактанція въ статьѣ: Die juristischen Kenntnisse des Arnobius und des Lactantius (въ Zeitschrift der Savigny-Stiftung, 1894). Въ этомъ направленіи продолжали затѣмъ работу *F. Carusi,* Diritto Romano e Patristica, 1906 (съ замѣчаніями о Лактанціи), и *S. Riccobono* Cristianesimo e Diritto Privato. Milano 1911 (о законодательствѣ Юстиніана). Указывается также трактатъ *B. Kübler,* Die Einwirkung der älteren christlichen Kirche auf die Entwicklung des Rechts und der sozialen Begriffe 1909. Противъ Риккобоно выступилъ съ

своихъ Divinae institutiones, озаглавленныхъ такъ въ подражаніе Institutiones римскихъ юристовъ и посвященныхъ Константину, хочетъ указать какъ бы основы христіанскаго права, раскрывая (въ V книгѣ) понятіе о справедливости (justitia), какъ слагающейся изъ благочестія въ отношеніи къ Богу (pietas) и одинаковаго отношенія ко всѣмъ безъ различія людямъ (aequitas) [1]. Христіанское вліяніе и сказывается ясно въ законодательствѣ Константина [2]. Въ послѣдующее время, въ юстиніановскомъ Corpus juris civilis, какъ установлено это новѣйшими изслѣдованіями, мѣста изъ классическихъ юристовъ были дополняемы интерполяціями въ духѣ христіанской гу-

возраженіями *Baviera*, Concetto e Limiti dell' influenza del Cristianesimo sul Diritto Romano. Paris 1912, обѣщавъ дать въ будущемъ болѣе подробное обоснованіе своихъ отрицательныхъ тезисовъ. Самъ *Буго*, признавая трудность точнаго рѣшенія проблемы и допуская преувеличенія со стороны Риккобоно, не соглашается, однако, съ его критикомъ (67). Онъ считаетъ не невѣроятнымъ, что вліяніе христіанскихъ идей до нѣкоторой степени могло отразиться даже на языческихъ юристахъ времени расцвѣта римской юриспруденціи при Северахъ, въ виду благосклоннаго отношенія къ христіанамъ Септимія Севера, въ первую половину его царствованія, и затѣмъ Александра Севера, — хотя прямое воздѣйствіе христіанства на право могло открыться лишь съ Константина. Результаты этого воздѣйствія онъ усматриваетъ въ измѣненіи частію самого понятія о правѣ (въ недозволеніи пользоваться своимъ правомъ во вредъ другимъ), въ новыхъ понятіяхъ объ обязанностяхъ государей, въ улучшеніи положенія рабовъ, въ законахъ о семьѣ, въ отношеніи къ богатству, въ измѣненіяхъ касательно наказаній за преступленія.

[1]) V, 14, 9 (Brandt, 445): iustitia quamuis omnes simul uirtutes amplectatur, tamen duae sunt omnium principales quae ab ea dinelli separarique non possunt, pietas et aequitas. Ср. *Bougaud*, 25—49, 36—40.

[2]) О законодательствѣ Константина въ отношеніи къ христіанству ср. *L. Seuffert*, Konstantins Gesetze und das Christentum. Würzburg 1891. Перечисленіе относящихся сюда указовъ и писемъ Константина даетъ *W. Hartmann*, Konstantin der Grosse als Christ und Philosoph in seinen Briefen und Erlassen. Fürstenwalde 1902, 6—11. Ср. также у *C. Santucci*, L'editto di Milano specialmente nei riguardi giuridici. Roma 1913, 20—23. Возможно, что вліяніе идей Лактанція отражается въ конституціи Константина о судахъ отъ 15 мая 314 г., въ Cod. Justin. III, 1, 8: Placuit in omnibus rebus praecipuam esse iustitiae aequitatisque quam stricti iuris rationem. Ср. *Bougaud*, 92. Осужденіемъ у Лактанція, Div. inst. VI, 20, 18—25, жестокаго обычая умерщвлять или выбрасывать на произволъ судьбы новорожденныхъ дѣтей въ случаѣ недостатка у родителей средствъ для ихъ воспитанія, вызвалъ, нужно думать, направленный противъ этого законъ Cod. Theod. XI, 27, отъ 13 мая 315 г.

манности. Вполнѣ христіанскимъ это выработанное и законченное еще въ языческія времена законодательство, разумѣется, не могло сдѣлаться. Но высоко важное значеніе какъ законовъ самихъ христіанскихъ императоровъ, такъ и этой обработки древняго права, для христіанизаціи бывшаго ранѣе языческимъ греко-римскаго міра не можетъ быть отрицаемо.

То обстоятельство, что на сторону христіанской религіи стала государственная власть, должно было ускорить переходъ языческаго населенія имперіи въ христіанство независимо даже отъ всякихъ репрессій противъ язычества. Естественно, что при этомъ внѣшнимъ видимымъ успѣхамъ христіанства оказалась далеко не соотвѣтствующей внутренняя христіанизація языческаго прежде общества, и въ высшихъ и въ низшихъ его слояхъ. Неизбѣжное при такихъ условіяхъ пониженіе религіозно-нравственнаго уровня во всей массѣ вѣрующихъ, взятой въ цѣломъ, нахожденіе въ церкви лицъ съ полуязыческимъ еще образомъ мыслей и такими же нравами, оказывалось, конечно, отрицательнымъ явленіемъ, если сравнивать это положеніе дѣла съ общимъ уровнемъ церковной жизни прежнихъ временъ. Но должно имѣть въ виду, что было само по себѣ благомъ вообще широкое распространеніе вліянія христіанства, хотя бы оно еще и не успѣло сразу проникнуть въ глубину сознанія народныхъ массъ [1]). Задачею церкви являлось воспитаніе ихъ въ христіанскомъ духѣ, развитіе ея внутренней миссіи; государство готово было содѣйствовать ей въ выполненіи этой задачи зависѣвшими отъ него средствами.

Такимъ образомъ, надлежащая оцѣнка историческаго значенія союза церкви и государства можетъ быть дана только въ томъ случаѣ, когда слѣдствія его берутся въ полномъ объемѣ, а не выдвигаются лишь какія-либо отдѣльныя стороны. И если имѣются въ данномъ случаѣ и далеко не свѣтлыя воспоминанія изъ исторіи прошлаго, сумма тѣхъ положительныхъ слѣдствій, которыя имѣли своимъ источникомъ этотъ союзъ, въ цѣломъ такъ велика, что большаго или меньшаго положительнаго значенія его въ прошломъ не могутъ отрицать и тѣ, которые наиболѣе склонны указывать здѣсь темныя стороны.

---

[1]) Ср. *В. В. Болотовъ*, Лекціи по исторіи древней церкви. III. Спб. 1913. 103. По вопросу о христіанизаціи народныхъ массъ ср. *A. Dufourcq*, La Christianisation des Foules. Étude sur la fin du Paganisme populaire et sur les origines du Culte des Saints. 3 éd. Paris 1907.

Для западнаго христіанскаго міра, въ виду, между прочимъ, особыхъ тенденцій римскаго католицизма, вопросъ объ отношеніяхъ между церковію и государствомъ съ давнихъ поръ уже сдѣлался особенно труднымъ. Новое, частію уже самое послѣднее время принесло тамъ въ разныхъ странахъ, протестантскихъ и католическихъ, отдѣленіе государства отъ церкви, проведенное по разнымъ мотивамъ и въ разныхъ видахъ, то съ рѣшительнымъ покровительствомъ христіанству вообще, но не какому-либо опредѣленному обществу (въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, съ 1787 г.), то съ нескрываемымъ непріязненнымъ отношеніемъ вообще къ христіанской религіи и прямыми стѣсненіями для церкви (во Франціи съ 1905 г.), то въ видѣ установленія одинаковаго отношенія къ разнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ (въ Ирландіи съ 1870 г., въ Швейцаріи—въ Женевѣ съ 1907 г., въ Базелѣ съ 1911 г.). Въ юбилейной литературѣ 1913 г. можно было слышать тамъ заявленія о своевременности вообще прекращенія теперь заключеннаго нѣкогда при Константинѣ союза [1]). Но и на западѣ мнѣнія тѣхъ лицъ, которыя не хотятъ быть односторонними въ сужденіяхъ о данныхъ прошлаго историческаго опыта, склоняются обычно въ пользу сохраненія этого союза въ томъ или иномъ видѣ и надлежащаго лишь урегулированія его, разрывъ же между церковію и государствомъ разсматривается только какъ неизбѣжная, при извѣстныхъ условіяхъ, необходимость, а не какъ нормальное положеніе вещей [2]).

На востокѣ установившійся съ Константина строй существовалъ безъ особыхъ измѣненій во все послѣдующее время до конца византійской имперіи. Уже при Константинѣ отношенія между государствомъ и церковію начали слагаться далеко не идеальнымъ образомъ. Греки, вообще, какъ хорошіе лишь теоретики, оставили послѣ себя, на ряду съ догматическими формулами и канонами, только хорошую теорію «сим-

[1]) Ср. *H. Koch*, Konstantin der Grosse und das Christentum. München 1913, 43.

[2]) Ср. *H. von Schubert*, Staat und Kirche von Constantin bis Karl den Grossen. Kiel 1906. *A. Hauck*, Die Trennung von Kirche und Staat. Leipzig 1912. *A. C. Headlam*, The Emperor Constantin and the Edickt of Milan, въ The Church Quarterly Review, № 150, January 1914. При этомъ Hauck, 19, находитъ, что отъ союза государства и церкви выиграла болѣе церковь, Headlam, 281, — что реформа Константина была благодѣтельна для міра, церкви же приходилось потомъ всегда страдать отъ заключеннаго тогда союза съ государствомъ.

фоніи» или согласнаго дѣйствованія двухъ властей, церковной и свѣтской, безъ подавленія одной другою и безъ вторженія одной въ область другой; но, какъ было выше замѣчено, дѣйствительная жизнь у нихъ была далека отъ этого идеала. Въ русской церкви, унаслѣдовавшей завѣты греческой, дѣло не улучшилось съ этой стороны, но начиная съ Петра В., подъ особымъ вліяніемъ протестантства, пошло еще далѣе въ смыслѣ подчиненія государству церкви. Но очевидно, стремленіе ея къ свободѣ въ сферѣ дѣятельности, подлежащей лишь ея компетенціи, вовсе не ведетъ само по себѣ къ требованію отказа отъ союза и взаимодѣйствія ея съ государствомъ, и всѣ несовершенства наличнаго положенія дѣла не устраняютъ значенія основного, ведущаго со временъ Константина факта и его положительныхъ, засвидѣтельствованныхъ исторіей, слѣдствій. И какія бы трудности ни представляло всегда въ дѣйствительности установленіе нормъ для столь сложныхъ отношеній, каковыми являются отношенія между церковію и государствомъ, въ концѣ концовъ, поддержаніе и урегулированіе этого союза,—въ идеальномъ смыслѣ византійской «симфоніи», только безъ переходившихъ на востокѣ какъ бы даже въ обычное право фактическихъ нарушеній ея,—должно быть всегда задачей для представителей и христіанскаго государства, и церкви, чуждой сектантскихъ односторонностей и какихъ-либо несогласныхъ съ ея истиннымъ существомъ и назначеніемъ притязаній.

Но какъ бы ни рѣшались при этомъ разные частнѣйшіе вопросы, какія бы конкретныя формы ни принималъ этотъ союзъ, необходимымъ условіемъ возможности благихъ слѣдствій отъ него всегда будетъ оставаться требованіе, чтобы не только представители церкви руководились всегда въ своихъ дѣйствіяхъ лишь тѣмъ, что повелѣваетъ религія, не уклоняясь къ постороннимъ цѣлямъ, но чтобы вѣра въ христіанство, какъ высшій идеалъ и высшую силу, была всегда основнымъ руководящимъ принципомъ и для носителей власти въ христіанскомъ государствѣ.

Восточная церковь потому и ставитъ высоко память перваго христіанскаго императора [1]), что видитъ въ немъ примѣръ

[1]) Память Константина В., какъ святого, почитается лишь въ грековосточной православной и другихъ восточныхъ церквахъ, но его имени нѣтъ въ римско-католическомъ календарѣ; но въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ церквахъ Константинъ былъ прежде почитаемъ и на западѣ. Въ латин-

этой вѣры, побудившей его дать явное торжество въ мірѣ религіи креста и направлять затѣмъ свою дѣятельность на служеніе ей.

А. Брилліантовъ.

ской церкви почитается нынѣ лишь Елена (18 августа, день смерти). Хотя Константинъ скончался, по Евсевію (V. C. IV, 64), въ 337 году въ день пятидесятницы—22 мая, но память его у грековъ отмѣчается 21 мая, вмѣстѣ съ памятью Елены. Ср. архіеп. *Сергій*, Полный Мѣсяцесловъ востока. 2 изд. Владиміръ 1901. II, 1, 151; II, 2, 190. Подъ 22 мая имя его и Елены стоитъ въ Πίναξ ἐν ἐπιτόμῳ συναξαρίου въ |Bb =| cod. Paris. 1589, s. XII. Cp. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae. Ed. *H. Delehaye*. Bruxelles 1902, 699_{62}. Къ 22 мая „память великаго царя Константина" отнесена въ древнемъ типиконѣ іерусалимской церкви, грузинскій переводъ котораго издалъ прот. *К. С. Кекелидзе*, Іерусалимскій канонарь VII вѣка. (Грузинская версія). Тифлисъ 1912. 114. По вопросу о почитаніи Константина см. *F. Nève*, Constantin et Théodose devant les églises orientales. I. Mémoire de Constantin le Grand dans l'église grecque et dans l'église arménienne, въ его L'Arménie chrétienne et sa littérature. Louvain 1886, 155—177 (изъ Revue catholique, 1857). На русскомъ языкѣ — переводная статья *греческаго автора*, Святой Константинъ равноапостольный предъ судомъ римской церкви, въ Духовной Бесѣдѣ, 1862, № 23, 540—552 (изъ греческаго журнала Πανδώρα, по поводу сужденій о Константинѣ католика Брольи, была помѣщена въ французскомъ переводѣ въ L'Union chrétienne и оттуда переведена на русскій языкъ). *C. Pellegrini*, Il Culto a Costantino Magno, въ La Scuola Cattolica. 1913. Maggio e Giugno, 253—7. О чествованіи Константина, какъ святого, въ Константинополѣ, см. *Д. Бѣляевъ*, Евктирій св. Константина при порфировой колоннѣ на форѣ Константина и совершавшіеся тамъ обряды, въ Лѣтописи историко-филологич. общества при Новороссійскомъ университетѣ. IX (1894) Визант. отдѣлъ. II, 1—22. Греческія церковныя пѣснопѣнія въ честь Константина и Елены въ новѣйшее время изданы въ Roma e l'Oriente, № 31, 1913, (56—62 предисловіе), 63—85: Innologia greca in onore dei SS. Costantino ed Elena. О почитаніи памяти Константина въ прежнее время у сирійцевъ — несторіанъ и монофиситовъ, ср. *A. Baumstark*, Konstantiniana aus syrischer Kunst und Liturgie, въ сборникѣ Konstantin der Grosse und seine Zeit, herausgeg. von F. J. Dölger. Fr. i. Br. 1913, 217—254. Между прочимъ, по мнѣнію Баумштарка, названіе „равноапостольный", ἰσαπόστολος, прилагаемое Константину въ богослужебныхъ книгахъ восточной церкви, появилось первоначально не для выраженія заслугъ Константина и не потому, что его гробъ положенъ былъ въ церкви апостоловъ наряду съ ихъ гробницами, но могло возникнуть изъ сопоставленія его обращенія съ обращеніемъ апостола Павла (252—4).

Дидаскалія и Апостольскія Постановленія по ихъ происхожденію, взаимоотношенію и значенію *).

ВЪ итогѣ теперь находимъ, что данныя Дидаскаліи о церковной іерархіи во многомъ освѣщаются у проф. П. А. Прокошева неправильно, въ наибольшей части не могутъ служить для скрупулезныхъ хронологическихъ опредѣленій и иногда приводятъ скорѣе ко второй, чѣмъ къ первой половинѣ III вѣка. Не споримъ, что замѣтки послѣдняго рода единичны, но нужно помнить, что — по выраженію нашего автора — въ Дидаскаліи рѣчь идетъ не о вселенской церкви, а о „ничтожной песчинкѣ этого космоса — затерявшейся гдѣ-то въ сирійской глуши незначительной церковной общинѣ“ (стр. 217). Если даже туда проникали низшіе церковные чины, развившіеся и на Западѣ только къ половинѣ III столѣтія, то ясно, что мы обязаны разумѣть позднѣйшую эпоху.

Этого результата не колеблютъ и дальнѣйшія соображенія проф. П. А. Прокошева. О предполагаемыхъ въ Дидаскаліи лжеученіяхъ говорится у него не совсѣмъ согласно, что еретики „находятся не внутри общины, членомъ которой былъ авторъ, а противопоставляются ей, какъ замкнутая группа, но имѣющая соблазнительное вліяніе на общину“ (стр. 171), между тѣмъ ниже констатируется, что они были „въ оградѣ церкви Божіей“ (стр. 172). Сущность дѣла въ томъ, что полемика Дидаскаліи ограничивается евіонитами и гностиками, безпокоившими лишь въ I-мъ и особенно во II-мъ вѣкѣ, и не простирается за эти границы, поелику совсѣмъ не касается „мо-

*) Продолженіе. См. мартъ.

нархіанскаго движенія, которое получило на Востокѣ сильное развитіе къ срединѣ III вѣка, такъ какъ уже въ 244 году былъ Бострійскій соборъ противъ Берилла и затѣмъ нѣсколько соборовъ противъ Павла Самосатскаго, осужденнаго на Антіохійскомъ соборѣ 269 года" (стр. 172—173). Но первый пунктъ ровно ничего не доказываетъ, ибо иначе пришлось бы принять, что Дидаскалія принадлежитъ II вѣку. Вѣдь и Апостольскія Постановленія оперируютъ почти съ тѣми же самыми заблужденіями и слабо намекаютъ на позднѣйшія и современныя лжеученія, хотя у проф. П. А. Прокошева относятся къ послѣдней четверти IV в. По нашему мнѣнію, это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что по данному предмету оба памятника больше пользовались традиціоннымъ ересеологическимъ матеріаломъ, примѣняя его къ своимъ мѣстнымъ нуждамъ. У нихъ доминировалъ интересъ не теоретической обстоятельности, а практической полезности въ цѣляхъ церковнаго назиданія. Въ этомъ находитъ наилучшее объясненіе и вторая особенность, гдѣ необходимо было наперед аргументировать, что Дидаскалія обязана упомянуть монархіанство. Проф. П. А. Прокошевъ лишь подчеркиваетъ, что „дѣло Берилла происходило въ сосѣдней Аравіи и получило широкую огласку" (стр. 174), но „сосѣдство" не рѣдко понимается у него географически очень растяжимо [1]), а здѣсь съ Келесиріей или даже Алеппо, куда пріурочивается происхожденіе Дидаскаліи (стр. 137—140), оно вовсе не близкое, чтобы отвлеченное догматическое движеніе непремѣнно должно было отразиться тамъ, разъ и позднѣе нѣтъ отголосковъ его въ этихъ областяхъ. Авторъ и вся община заняты исключительно практическими задачами христіанской жизни въ области морали и церковнаго устройства [2]) и не обнаруживаютъ ни малѣйшей склонности къ теоретическимъ дебатамъ догматической утонченности. Монархіанскія контроверзы не могли находить почвы для воспріятія въ этой церков-

[1]) Напр., говорится, что Кипръ находится „въ одинаковомъ сосѣдствѣ какъ съ Сиріей, такъ и съ Египтомъ" (стр. 351—352), а къ первой, куда относится происхожденіе Апостольскихъ Постановленій (стр. 317, 449, 453 сл)., проф. П. А. Прокошевъ прямо причисляетъ и Едессу (стр. 454).

[2]) См. Prof. Dr. *Otto Bardenhewer*, Geschichte der altkirchlichen Literatur II, S. 527, и *John Chapman* въ The Catholic Encyclopedia IV (London 1909), p. 782 *a*.

ной средѣ; ея представитель всего менѣе долженъ былъ знакомить съ ними, когда все это было чуждо основному настроенію паствы и не соприкасалось съ морально-практическими стремленіями литературно-учительнаго труда [1]).

Вообще же, голое умолчаніе никогда ничего не рѣшаетъ. А наряду съ этимъ тѣмъ характернѣе, что въ Дидаскаліи вездѣ господствуетъ точное и отчетливое различіе между ересью и расколомъ, какъ для всѣхъ самопонятное и безспорное (XXIII, 154 сл.). Это наблюденіе убѣждаетъ, что данный вопросъ не только былъ исчерпанъ авторитетною властію, но и для всѣхъ вѣрующихъ являлся совершенно покончennымъ въ опредѣленномъ смыслѣ. Такое положеніе можетъ больше отсылать ко времени позднѣйшему, чѣмъ къ раннѣйшему, и противъ сего не говорятъ ссылки, что „въ Дидаскаліи нѣтъ рѣчи о крещеніи еретиковъ“ (стр. 176) и о волненіяхъ по связи съ нимъ, вызванныхъ въ половинѣ III в. съ появленіемъ Новаціанскаго раскола (стр. 177), а въ покаянной дисциплинѣ она защищаетъ мягкую практику обратнаго принятія всѣхъ кающихся безъ выдѣленія смертныхъ грѣховъ, что̀ соотвѣтствуетъ эпохѣ папы Каллиста (217/8—222 г. г.) и не предполагаетъ Новаціанской суровости (стр. 183 — 185). Всѣ эти пункты для автора Дидаскаліи связаны неразрывно и не должны быть разграничиваемы. Дѣло въ томъ, что практически для него существуютъ не еретики, но только нераскаянные грѣшники, которые не поддаются никакому исправленію и отвергаются окончательно. Понятно, что тутъ не могло быть и рѣчи по предмету крещенія еретиковъ, какъ и вообще на Востокѣ споры о семъ не имѣютъ большого значенія и напряженія [2]). Затѣмъ оставались лишь кающіеся,

---

[1]) Въ этой связи было бы гораздо важнѣе соотношеніе съ монтанизмомъ, на основаніи котораго Rev. *W. H. Frere* трактаты о духовныхъ дарованіяхъ и хиротоніяхъ въ А. П. VIII, 1—2 пріурочиваетъ къ монтанистической эрѣ и прямо усвояетъ св. Ипполиту (въ „The Journal of Theological Studies“ XVI, 63: April, 1915, p. 365—369), хотя для сего надо еще напередъ доказать, что въ первомъ изъ нихъ ведется борьба за преемственное апостольское происхожденіе епископата, яко бы отвергавшагося харизматическою притязательностію (p. 331). Prof. *Eduard Schwartz* видитъ тамъ оппозицію монашеству IV в. (Ueber die pseudoapostolischen Kirchenordnungen, S. 20 ff. 25) и св. Ипполиту приписываетъ первооснову VIII-й книги А. П. въ т. наз. „Египетскихъ Церковныхъ Уставахъ“ (S. 39).

[2]) См. *F. X. Funck*, Kirchengeschichtliche Abhandlungen III, S. 280.

т. е. способные къ возрожденію и потому достойные возсоединенія на извѣстныхъ условіяхъ. Съ этой точки зрѣнія не оказывалось мѣста и для смертныхъ грѣховъ, почему естественно, что они и не затрагиваются въ Дидаскаліи. Послѣдняя идетъ своимъ, чисто практическимъ путемъ, и ея указанія нельзя сближать съ теоретическими рѣшеніями и комментировать на основаніи ихъ. Если же принимать сопоставленія, то вовсе не слѣдуетъ, что въ ней отражается доноваціанская пора временъ Зефирина (199—217 г. г.) и Каллиста. Во-первыхъ, вѣроятно, что второй изъ этихъ папъ, которому принадлежитъ извѣстный эдиктъ [1]), допускалъ перекрещиваніе еретиковъ [2]), и при нихъ продолжали сохранять свою непрощаемость смертные грѣхи—кромѣ прелюбодѣянія и любодѣянія [3]). Во-вторыхъ, авторъ Дидаскаліи вовсе не рекомендуетъ простого принятія кающихся даже по истеченіи узаконеннаго дисциплинарнаго искуса; напротивъ, онъ указываетъ для сего возложеніе рукъ [4]), а это вполнѣ совпадаетъ съ взглядомъ папы Стефана (254—257 г. г.), требовавшаго, чтобы „приходящихъ еретиковъ не крестили, а только возлагали на нихъ руки in poenitentiam“, хотя и отвергнутаго на Востокѣ, гдѣ преобладало иное воззрѣніе [5]). Его сторонниками являются въ Дидаскаліи жестокосердые, которые напоминаютъ Новаціанскую суровость, до-

[1]) Ср. Prof. *O. Bardenhewer*, Geschichte der altkirchlichen Literatur ²I, S. 439; Prof. Dr. *Ad. Harnack*, Geschichte der altchristlichen Litteratur II, 2: Die Chronologie der altchristlichen Litteratur bis Eusebius (Leipzig 1904), S. 207—208.

[2]) См. у † проф. *В. В. Болотова*, Лекціи по исторіи древней церкви I (Спб. 1910), стр. 373, а о самомъ эдиктѣ см. у архим. *Иларіона* (Троицкаго): Очерки изъ исторіи догмата о Церкви (Сергіевъ Посадъ 1912), стр. 309 сл. и др. (548 *б*) и въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ 1915 г., № 2, стр. 611—625 (о книгѣ проф. *Adhémar D'Alès*, L'édit de Calliste: étude sur les origines de la penitence chrétienne, Paris 1914).

[3]) См. Lic. theol. *Ernst Rollfs*, Das Indulgenz-Edict des römischen Bischof Kallist въ „Texte und Untersuchungen“ XI, 3 (Leipzig 1843), S. (23—28), 36, 114 (115).

[4]) VII, 39: „Если согрѣшившій почувствовалъ раскаяніе и пролилъ слезы, то прими его, и когда весь народъ молится за него, возложи на него руку и разрѣши ему остаться въ церкви“. X, 77: „Если онъ (извергнутый изъ церкви, какъ убійца) признаётся, что чувствуетъ раскаяніе, увѣщайте его и подвергните его суровому наказанію, потомъ возложите руку на него и примите его (снова) въ церковь“.

[5]) † Проф. *В. В. Болотовъ*, Лекціи II, стр. 386, 393. Ср. и у проф. *П. А. Прокошева* на стр. 178.

вольно понятную въ восточныхъ церковныхъ общинахъ, если Фабій антіохійскій (250—253 или кон. 252 г.) и многіе архипастыри симпатизировали Новаціану [1]). При сужденіяхъ по разсматриваемому вопросу нужно соображать, что руковозложеніе для кающихся утверждается уже къ половинѣ III вѣка, распространяясь на Востокѣ послѣ и слабѣе [2]). Съ этой стороны Дидаскалія наклоняется къ позднѣйшей датѣ. Если умолчаніемъ о крещеніи еретиковъ она и ихъ подчиняетъ тому же обряду, то здѣсь, повидимому, тяготѣетъ къ древнѣйшему направленію, ибо ригоризмъ чинопріема чрезъ крещеніе пріобрѣтаетъ возобладаніе лишь въ первой половинѣ III в. въ сѣверной Африкѣ и въ Малой Азіи [3]). Однако слѣдуетъ помнить, что у автора Дидаскаліи возложеніе рукъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ извѣстномъ смыслѣ приравнивается ко крещенію и прямо его замѣняетъ при возвратѣ кающихся въ лоно Церкви [4]). Этимъ достаточно удовлетворялись строгія требованія по данному вопросу и освобождался при нихъ просторъ для практики Дидаскаліи. Похоже на то, какъ будто послѣдняя молчаливо сглаживаетъ два крайнія теченія и предполагаетъ наличность ихъ обособленія, а подобная компликація, безспорно, натуральнѣе исторически во второй половинѣ III вѣка, чѣмъ въ первой.

Не колеблетъ сего и отдѣлъ о мученикахъ, хотя проф. П. А. Прокошевъ пріурочиваетъ его (стр. 189) къ правленію Александра Севера (222—234 г. г.) [5]). Фактически этого

---

[1]) † Проф. *В. В. Болотовъ*, Лекціи II, стр. 382: Prof. *Ad. Harnack*, Geschichte der altchristlichen Litteratur I (Leipzig 1893), S. 218; II, S. 135.

[2]) См. Lic. *Johannes Behm*, Die Handauflegung im Urchristentum nach Verwendung, Herkunft und Bedeutung in religionsgeschichtlichen Zusammenhang untersucht (Leipzig 1911), S. 91 ff.

[3]) *Joh. Behm*, Die Handauflegung im Urchristentum, S. 95 ff.

[4]) X, 74—75: „Поэтому (епископы) обращайтесь къ изобличеннымъ во грѣхахъ и удрученнымъ, привлекайте ихъ къ себѣ и заботьтесь о нихъ, бесѣдуйте съ ними, утѣшайте ихъ, поддерживайте и обращайте; а потомъ, когда кто-нибудь изъ нихъ обратится и покажетъ плоды покаянія, тогда принимайте его на молитву, какъ язычника. Итакъ, какъ ты крестишь язычника и потомъ принимаешь его, такъ *возложи руку и на этого*, въ то время какъ каждый молится за него, и потомъ позволь ему войти въ церковь и прими его въ ваше общеніе. *Возложеніе руки должно замѣнять для него крещеніе*, ибо или чрезъ руковозложеніе или чрезъ крещеніе получаютъ они общеніе [причастіе] Святаго Духа".

[5]) Сходно по этому предмету касательно обсуждаемыхъ имъ трактатовъ и Rev. *W. H. Frere* въ „The Journal of Theological Studies" XVI, 63

вовсе не вытекаетъ. Дидаскалія превозноситъ подвигъ мученичества, когда онъ неизбѣженъ, осуждаетъ допускаемое при этомъ отреченіе, дозволяя мѣры къ спасенію отъ преслѣдованій и гоненій, и заповѣдуетъ не подвергнувшимся бѣдствію всячески помогать страждущимъ. Во всѣхъ этихъ наставленіяхъ не видно конкретныхъ историческихъ отраженій, пригодныхъ для исторической оріентировки. Все носитъ общеназидательный характеръ и возможно въ христіанскомъ ученіи во всякое время, начиная съ апостольскихъ посланій (напр., Евр. XIII). Истинно не болѣе того, что предполагается въ ближайшей къ Дидаскаліи средѣ спокойное состояніе, однако въ предшествующемъ было уже много огненныхъ испытаній мученичества. Получается впечатлѣніе, что послѣднее утрачивало въ глазахъ обыкновенныхъ людей свою первоначальную священную притягательность, и прежній пылъ ревнительности значительно погасалъ, какъ и самъ авторъ Дидаскаліи не возбраняетъ и не осуждаетъ попытокъ освобожденія отъ актовъ гонительства путемъ бѣгства или даже подкупомъ. Не вѣроятнѣе ли все это во второй половинѣ III вѣка, напр., при Галліенѣ (260—268 г. г.) и до конца царствованія Авреліана (270—275 г. г.)?

Опроверженіе сему проф. П. А. Прокошевъ видитъ въ данныхъ о предпасхальномъ постѣ нашей страстной недѣли. Для него Дидаскалія назначаетъ шесть дней—съ понедѣльника до третьяго часа ночи, слѣдующей за великою субботой (XXI, 150 –151). Функъ этотъ терминъ находитъ прочно установленнымъ лишь у Діонисія Александрійскаго ($24^{7}/_{8}$ — 265 г. г.), а русскій ученый усматриваетъ его раньше и ссылается сначала на Иринея (у Евсевія Ц. И. V, 24: 12): οἱ μὲν οἴονται μίαν ἡμέραν δεῖν αὐτοὺς νηστεύειν, οἱ δὲ δύο, οἱ δὲ καὶ πλείονας· οἱ δὲ τεσσαράκοντα ὥρας ἡρεμινάς τε καὶ νυκτερινὰς συμμετροῦσιν τὴν ἡμέραν αὐτῶν. Заключительная часть фразы крайне загадочна и въ интерпретаціи Руфина относится къ продолжительности пощенія въ 40 дней [1]), исчисляемыхъ изъ часовъ дневныхъ и ночныхъ. По всѣмъ соображеніямъ, это мало

(April, 1915), p. 368: „the greater degree of privilege, granted to the confessor there, is probably the legacy of the troubles under Septimius Severus, or even of some earlier persecution".

[1]) Такъ понимаетъ и авторъ „Историческаго разсужденія о постахъ православной, восточной, каѳолической церкви" (Москва 1837), стр. 12—13, 54...

вѣроятно, а скорѣе справедливо, что нѣкоторые совершали непрерывный постъ въ 40 часовъ [1]), обнимавшихъ страстную пятницу и субботу до начала собственно воскресной пасхи, усиливая древнѣйшую практику предпасхальнаго поста только въ эти два дня [2]). При обоихъ толкованіяхъ эта дата вовсе не подтверждаетъ шестидневности, и въ пользу ея привлекается лишь упоминаніе о πλείονας (ἡρέρας) по сравненію съ двумя днями. Проф. П. А. Прокошевъ спрашиваетъ въ опроверженіе Функа: почему мыслить подъ πλείονας не шесть дней? и склоняется къ утвердительному отвѣту (стр. 197 — 198), но послѣдній совершенно непріемлемъ [3]), ибо

---

[1]) См. и у проф. *М. Н. Скабалланови́ча*, Великій постъ: очеркъ изъ статики и исторіи христіанскаго обряда (Кіевъ 1910), стр. 25—27, 56 (и „Руководство для сельскихъ пастырей“ 1909 г., № 9, стр. 24—25; № 12, стр. 317), а равно у (проф. о.) *А. В. Петровскаго*, Предпасхальный постъ въ исторіи его развитія въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1900 г., № 4, стр. 588 (въ этой статьѣ сжато воспроизводится трактатъ Функа „Die Entwicklung des Osterfastens“ изъ его Kirchengeschichtliche Abhandlungen und Untersuchungen I, Paderborn 1897, S. 241—278). Такое пониманіе тѣмъ вѣроятнѣе, что указываетъ продолжительность, почти точно совпадающую съ двумя днями, назначенными для этого поста другими, напр., Тертулліаномъ (проф. *М. Н. Скабалланови́чъ* ibid., стр. 32 и въ „Рук. для сельскихъ паст.“ 1909 г., № 10, стр. 256); къ сему же можно возводить и вообще не рѣдкій церковный обычай непрерывнаго пощенія по цѣлымъ двумъ днямъ (ср. Историческое разсужденіе о постахъ, стр. 21).

[2]) Ср. о семъ у † проф. *И. Д. Мансветова*, Церковный Уставъ (типикъ), его образованіе и судьба въ греческой и русской церкви (Москва 1885), стр. 45. *Его же* О постахъ православной восточной церкви (Москва 1887), стр. 2. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ (о статуяхъ IV, 6): „одни цѣлые два дня проводятъ безъ пищи, а другіе, удаливъ отъ своего стола не только вино и масло, но и все вареное, во всю четыредесятницу употребляютъ только хлѣбъ и воду“ (Migne gr. XLIX, col. 68; Творенія II, Спб. 1896, стр. 67). Возможно, что первоначально постъ былъ даже однодневный — въ страстную пятницу (проф. *М. Н. Скабалланови́чъ*, Великій постъ, стр. 53 и въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ 1909 г., № 12, стр. 314), а названіе всего предпасхальнаго поста пасхой „можно объяснить только, какъ отголосокъ того времени, когда чествованіе смерти и воскресенія Христова происходило въ одинъ (этотъ) день“ (ibid., стр. 28—29 и въ „Рук. для сельскихъ пастырей“ 1909 г., № 10, стр. 253).

[3]) Болѣе условно говоритъ проф. *М. Н. Скабалланови́чъ* (Великій постъ, стр. 26 и въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ 1909 г., № 9, стр. 232), что „тогда уже повсемѣстно существовалъ предпасхальный постъ, по времени и продолжительности своей соотвѣтствовавшій теперешнимъ Великимъ пятницѣ и субботѣ; по мѣстамъ даже этотъ постъ былъ еще длиннѣе и могъ доходить до цѣлой недѣли предъ Пасхой, соотвѣтствовавшей нынѣшней Страстной седмицѣ“.

тогда Ириней прямо назвалъ бы шесть дней, какъ и дѣлаютъ Апостольскія Постановленія (V, 15) и другіе древніе писатели въ подобныхъ случахъ [1]). Не имѣютъ безспорной убѣдительности и ссылки на Тертулліана [2]), хотя проф. П. А. Прокошевъ торжественно заявляетъ (стр. 199), что „предъ столь рѣшительнымъ его свидѣтельствомъ должны смолкнуть всякія возраженія; и проф. Функъ призналъ, что во время Тертулліана пасхальный постъ обнималъ собою всю страстную недѣлю". Совсѣмъ наоборотъ! Католическій ученый (по De jejuniis, c. 2: Migne lat. II, col. 955 — 956) считаетъ „елико возможно яснымъ", что „во время Тертулліана церковный предпасхальный постъ — въ общемъ — продолжался два дня", а изъ De jejun. c. 14 (Migne lat. II, col. 973) выводитъ, что часто соблюдалась только одна пятница [3]); согласно (c. 12)—13 (Migne lat. II, col. 971) допускается, что этотъ постъ простирался и дальше пятницы, но лишь на нѣсколько дней и ни въ какомъ случаѣ не свыше страстной недѣли, при чемъ послѣднее ограничивалось нѣкоторыми кругами вселенской церкви и было добровольнымъ,—по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ пятница и суббота были единственными законными постными днями [4]). Проф. П. А. Прокошевъ недоволенъ (стр. 199) такимъ ограниченіемъ, ибо „Тертулліанъ назвалъ этотъ постъ всеобщимъ установленіемъ". Но это находится внѣ связи съ вышеуказанными данными совсѣмъ въ другомъ сочиненіи и относится къ воздержанію отъ лобзанія мира въ день пасхи, когда всѣ постятся [5]), а оговорка Функа,

---

[1]) См. ниже на стр. 443 у Діонисія Александрійскаго и ср. Епифанія Expositio fidei 21 (22): Migne gr. XLII, col. 828; русск. пер. V, стр. 354. Евагрій тоже говоритъ болѣе точными цифрами объ ὑπέρθεσις по два — по три дня, но есть и пятидневники, а иные постятся даже долѣе и едва принимаютъ необходимую пищу (hist. eccles. I, 21).

[2]) Эти ссылки дѣлаются не совсѣмъ точно (на стр. 199, прим. De jejun. не с. 13, а сар. 12—13: см. Migne lat. II, col. 971) и выдержки приводятся съ неотмѣченными пропусками, затрудняющими смыслъ (для De jejun. 2 на стр. 198 см. Migne II, 956).

[3]) Впрочемъ, тутъ же говорится и о субботѣ: vos etiam sabbatum, si quando continuatis, nunquam nisi in Pascha jejunandum secundum rationem alibi redditam...

[4]) *F. X. Funk*, Kirchengeschichtliche Abhandlungen und Untersuchungen I (Paderborn 1897), S. 248—250.

[5]) Разумѣются слова изъ Liber de oratione cap. 18 (al. 14): sic et die Paschae, quo communis et quasi publica jejunii religio est, merito deponimus osculum, nihil curantes de occultando quod cum omnibus faciamus (Migne

дѣйствительно, неправильна, да только въ противоположномъ смыслѣ. У Тертулліана сказано (De jejun. c. 13): convenio vos et praeter pascha jejunantes citra illos dies, quibus ablatus est sponsus. Рѣчь объ увеличеніи количества постныхъ предпасхальныхъ дней сверхъ пятницы и субботы. Едва ли оно доходило до утроенія и, вѣроятно, было не болѣе, чѣмъ вдвое, какъ у Иринея, потому что иначе Тертулліанъ просто указалъ бы всю недѣлю, имѣя къ сему сильнѣйшее побужденіе въ своемъ сектантскомъ стремленіи оправдать продолжительную монтантистическую практику. Функъ два дня расширяетъ на цѣлую недѣлю потому, что разумѣетъ весь нашъ великій постъ со включеніемъ четыредесятницы. По сравненію съ этимъ періодомъ естественно было продолжительность свыше двухъ дней простирать до шести. Однако взятый масштабъ непригоденъ, ибо говорится исключительно о предпасхальномъ постѣ. Былъ ли послѣдній въ связи съ четыредесятницей и насколько условливали они другъ друга взаимно,— это для нашего предмета вполнѣ безразлично, поелику у Тертулліана трактуется о собственно предпасхальномъ постномъ времени [1]), а таковое никогда не могло превышать недѣли. Посему и два дня нужно соизмѣрять съ 6, но не съ 40 или 46. Понятно, что тогда увеличеніе части не должно достигать размѣровъ цѣлаго.

Значитъ, о всей предпасхальной недѣлѣ у насъ пока нѣтъ прямыхъ свѣдѣній, и доставляетъ намъ ихъ уже св. Діонисій Александрійскій, котораго проф. П. А. Прокошевъ цитуетъ по Миню и (стр. 190, 223) въ латинскомъ переводѣ (X, 1278) и (стр. 200, 247) въ греческомъ текстѣ (X, 1276 — 1277), хотя полезнѣе было бы отмѣтить, что утилизируемый пассажъ этого отца, критически переизданнаго въ Англіи (The Letters and Other Remains of Dionysius of Alexandria ed. by *Charles Lett Feltoe*, Cambridge 1904, p. 100 — 102), издавна существуетъ у насъ по-славянски, есть по-гречески и по-славянски въ „Правилахъ святыхъ отецъ съ толкованіями“ (Москва 1884, стр. 6 — 9) и по-русски у проф. о. А. И. Дружинина (Творенія св. Діонисія Великаго, епископа Александрійскаго,

---

lat. I, col. 1178—1181), при чемъ для religio ср. De jejun. 13 (Migne II, 972): si quae patribus sunt praecepta, omnis deinceps posteritas haereditaria religione custodit.

[1]) См. и у проф. *М. Н. Скабалановича*, Великій постъ, стр. 31—32 и въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ 1909 г., № 10, стр. 255—256.

въ русскомъ пердводѣ, Казань 1900, стр. 43—44; см. у *него же* въ диссертаціи „Жизнь и труды св. Діонисія, епископа Александрійскаго", Казань 1900, стр. 268 сл.). Св. отецъ констатируетъ, что „и шесть дней (предпасхальнаго) поста не всѣ равно и единообразно проводятъ (μηδὲ τὰς ἓξ τῶν νηστειῶν ἡμέρας ἴσως μηδὲ ὁμείως πάντες διαμένουσιν), но одни и всѣ ихъ пребываютъ въ строгомъ постѣ безъ пищи (ὑπερτιθέασιν ἄσιτοι διατελοῦντες), другіе—два, третьи—три, иные четыре, иные же ни одного", а бывали и такіе, которые, не постившись или даже роскошествовавъ, налагали на себя строгій постъ въ пятницу и субботу непрерывно до самой зари. Отсюда вытекаетъ, что постъ простирался на всѣ шесть дней, но не свыше [1]),—и это было общепринятымъ безспорнымъ правиломъ; вся разница была въ способѣ его исполненія, что нѣкоторые практиковали ὑπέρθεσις (superpositio) или провожденіе безъ пищи нѣсколько дней подъ-рядъ. Итакъ, въ срединѣ III вѣка предпасхальный постъ продолжался въ Александріи шесть дней. По словамъ проф. П. А. Прокошева (стр. 201), Функъ согласенъ „распространить этотъ порядокъ на всю вообще церковь", и „къ этому впечатлѣнію мы должны относиться съ тѣмъ бо́льшимъ довѣріемъ, что уже Ириней и Тертулліанъ знаютъ пасхальный постъ, выходящій за предѣлы *страстной недѣли*". Послѣднее совершенно невѣрно, разъ Функъ цѣлую недѣлю для поста впервые находитъ именно въ Дидаскаліи (I, 250: in ihr erscheint *zum erstenmal* bestimmt die ganze Karwoche als Fastenzeit) и въ цитуемомъ мѣстѣ говоритъ о постѣ сверхъ *страстной пятницы* (I, S. 252: bereits Irenäus und Tertullian ein über den *Karfreitag* hinausgehendes Osterfasten kennen), а первое допускается лишь послѣ предшествующаго замѣчанія, опущеннаго проф. П. А. Прокошевымъ, что „подобная (александрійской) практикѣ была—по Апостольской Дидаскаліи — въ Сиріи, и ее можно принять также для Палестины, ибо она лежала въ срединѣ между этими странами". Очевидно, что общій обычай констатируется уже на основаніи Дидаскаліи и опредѣляется изъ нея, почему ее нельзя датировать предшествующею ему практикой. И того меньше дозволительно это для Иринея и Тертулліана, которые мыслятся еще болѣе въ отдаленномъ прошломъ. Посему прямо удивительна смѣлость проф. П. А.

[1]) Ср. † Bishop *J. B. Lightfoot*, The Apostolic Fathers, II Part, 1 vol. (London 1898), p. 258.

Прокошева, будто по разсматриваемымъ чертамъ „происхожденіе Дидаскаліи надо отнести... къ тому времени, о которомъ свидѣтельствуетъ Тертулліанъ, когда пасхальный постъ безспорно, простирался на всю страстную недѣлю и былъ установленіемъ общецерковнымъ“ (стр. 204), т. е. „на конецъ первой и начало второй четверти III вѣка“ (стр. 206). На самомъ дѣлѣ ничего такого не было, и при Тертулліанѣ даже постившіеся сверхъ двухъ дней совершали это ex arbitrio, non ex imperio novae disciplinae (De jejun. 2 et 13 ap. Migne lat. II, col. 956, 971).

Безусловно иной духъ вѣетъ въ Дидаскаліи, гдѣ заповѣдуется: „отъ понедѣльника изъ числа пасхальныхъ дней поститесь и вплоть до четверга принимайте въ девятомъ часу только хлѣбъ, соль и воду, а въ пятницу и субботу поститесь совершенно и ничего не вкушайте“ (XXI, 150; Flemming, S. 111). Яко бы въ различеніи способа пощенія въ разные дни страстной недѣли „авторъ Дидаскаліи стоитъ на точкѣ зрѣнія св. Иринея и Тертулліана“ (стр. 203 — 204), между тѣмъ совсѣмъ и ни откуда объ этомъ неизвѣстно, да нигдѣ не отмѣчается и у самаго проф. П. А. Прокошева. Скорѣе истинно, что Дидаскалія объединяетъ разные мѣстные обычаи и потому является позднѣйшею по сравненію съ ними. Здѣсь было даже нѣкоторое новшество, способное вызвать недоумѣнія и требовавшее спеціальнаго оправданія. Отсюда напряженныя попытки обосновать рекомендуемую практику своеобразнымъ расширеніемъ традиціоннаго мотива для поста въ словахъ Господа о времени для него, когда отнятъ будетъ отъ учениковъ женихъ (Мѳ. IX, 15. Мрк. II, 19 — 20. Лук. V, 34 — 35), въ томъ смыслѣ, что принципіально это отнятіе началось уже въ страстной понедѣльникъ, на который отнесенъ нечестивый совѣтъ объ умерщвленіи Христа, во вторникъ было предательство Іуды, въ среду и четвергъ— допросъ предъ синедріономъ и у Пилата, въ пятницу шесть часовъ страданій считаются за день и три часа тьмы — за ночь, и снова три часа отъ девятаго часа до вечера—за день, и потомъ ночь страстной субботы (XXI, 143 — 145, 150). Искусственность этой теоріи [1]) свидѣтельствуетъ, что для шестидневнаго поста еще была надобность въ спеціальной аргументаціи, хотя онъ возникъ и не сейчасъ, ибо Дидаска-

[1]) Впрочемъ, съ нею есть нѣкоторое соприкосновеніе у св. Епифанія, о чемъ см. ниже.

лія удостовѣряетъ: „особенно, когда всѣ вѣрующіе, какіе только существуютъ во всемъ мірѣ, постятся“ (XXI, 143; Flemming, S. 105). Видимо, тутъ мыслится собственно двухдневный обычай, но отъ него уже сдѣланъ былъ переходъ къ шести днямъ, которые, однако, не стали еще традиціонно-обычными, соблюдаемыми по давнему преданію. Всѣ эти признаки могутъ относиться лишь ко второй половинѣ III вѣка, а совсѣмъ не къ первой, если только можно говорить съ нѣкоторою увѣренностію въ этомъ пунктѣ, гдѣ такъ много неясностей и мѣстныхъ различій, что даже не совѣтуютъ базироваться на немъ въ точныхъ хронологическихъ вычисленіяхъ [1]).

Вышеизложеннымъ исчерпываются собственно всѣ серьезныя соображенія, ибо идеалъ домашней жизни, трактаціи о номизмѣ, заповѣдь о днѣ христіанской пасхи и цитаты въ древнихъ памятникахъ (стр. 206—217) не имѣютъ собственной доказательной силы непремѣнно въ одну извѣстную сторону. Если же такъ, то вся совокупность объективныхъ данныхъ наклоняетъ не къ рѣшенію П. А. Прокошева и именно ко второй половинѣ III столѣтія для происхожденія Дидаскаліи [2]). Не сходясь съ нимъ въ этомъ пунктѣ, мы не усвояемъ послѣднему и той преувеличенной важности, какая сообщается ему въ разсматриваемомъ сочиненіи. Конечно, всегда дорога въ подобныхъ вопросахъ возможная точность, но для пользованія древнимъ документомъ въ качествѣ историческаго матеріала это не столь существенно, какъ думаетъ нашъ авторъ. Ему кажется, что разница въ 30—40 лѣтъ между второй и третьей четвертью III вѣка безусловно предопредѣляетъ, привлекать ли Дидаскалію къ изображенію церковныхъ порядковъ до Никейскаго собора или послѣ него. Мы не согласны съ этимъ и полагаемъ, что тутъ обнаруживается принципіальный недостатокъ анализируемой

---

[1]) См. Prof. *Ad. Harnack*, Geschichte der altchristlichen Litteratur II, 2, S. 500.

[2]) По связи съ этимъ могутъ указать, что тамъ нѣтъ внушенія о необходимости присутствія трехъ епископовъ при архіерейской хиротоніи, между тѣмъ этого требуетъ Никейскій соборъ (см. у Rev. *W. H. Frere*, въ „The Journal of Theological Studies“ XVI, 63: April, 1915, p. 366—367), но 4-е правило послѣдняго говоритъ о „поставленіяхъ“ и относится собственно къ „избранію“, а Дидаскалія упоминаетъ еще болѣе общо лишь о томъ, кто достоинъ быть поставленнымъ на мѣсто епископа и занять сѣдалище (IV: 18 слл.).

работы, поскольку она не выясняетъ внутренняго характера Дидаскаліи по ея содержанію и даже не останавливается спеціально и систематически на этомъ важнѣйшемъ предметѣ. По мнѣнію проф. П. А. Прокошева, старинный анонимъ описывалъ окружающую практику своего времени и лишь для приданія священной важности своему труду прикрывался именемъ Апостоловъ. Его произведеніе есть фикція (стр. 2, 132—133, 169—170, 215, 216, 225, 227, 451), ложно усвояющая апостольскій авторитетъ и скомпилированная по немногимъ памятникамъ. Во всемъ этомъ немало ошибочнаго, что больше повторяется съ чужого, западнопротестантскаго голоса. Проф. П. А. Прокошевъ раскрываетъ, что источниками Дидаскаліи служили древнему писателю книги Свящ. Писанія, нѣкоторые апокрифы (напр., Евангеліе Петра и др.), Διδαχή, „письма“ Игнатія Богоносца и св. Поликарпа Смирнскаго, Достопримѣчательности Игезиппа, Климентины и, можетъ быть, Іустинъ Мученикъ (стр. 117—132). Достаточно только спросить себя, возможно ли вывести изъ нихъ все богатство свѣдѣній Дидаскаліи, чтобы отвергнуть здѣсь самое понятіе источниковъ. Это лишь санкціонирующіе авторитеты для воззрѣній составителя и нѣкоторыя пособія для частныхъ подробностей, между тѣмъ какъ существенное содержаніе всего творенія ничуть не извлекается отсюда и вполнѣ независимо. Очевидно, тутъ просто недоразумѣніе, хотя и не для западныхъ поручителей проф. П. А. Прокошева. Но онъ утверждаетъ, яко бы „вопросъ объ источникахъ Дидаскаліи въ настоящее время не возбуждаетъ въ наукѣ серьезныхъ сомнѣній и настолько подробно и обстоятельно изслѣдованъ трудами западноевропейскихъ ученыхъ..., что ему остается только пріобщить русскую каноническую науку къ результатамъ, достигнутымъ ими“ (стр. 117). Мы полагаемъ, что проф. П. А. Прокошевъ напрасно столь упростилъ свою задачу, которая,—говоря прямо,—ограничивается у него пересказомъ западныхъ книжекъ, и ее исполнилъ не совсѣмъ безукоризненно. Слѣдовало бы поработать побольше и лучше. Насчетъ Свящ. Писанія не все характерное отмѣчено и не все правильно. Такъ, малые пророки цитуются подъ именемъ „двѣнадцати пророковъ“ (XX, 136; XXVI, 192) въ качествѣ единаго цѣлаго, а Малахія называется ангеломъ Господнимъ (XXVI, 192) и заключеніемъ (всѣхъ вообще) пророческихъ книгъ

(XXVI, 172). Еще достопримѣчательнѣе, что книга Притчей приводится то въ качествѣ Писанія (I, 4), то подъ собственнымъ обозначеніемъ (XI, 85, 87; XV, 114; XXIV, 164; XXV, 169; XXVI, 186), то подъ названіемъ Премудрости (II, 10; III, 15, 18; IV, 23; VI, 30; IX, 68; X, 78; XXII, 153) [1]). Всѣ эти особенности заслуживали бы тщательнаго разсмотрѣнія въ диссертаціи, спеціально посвященной Дидаскаліи. Возможны при этомъ и нѣкоторые полезные выводы. Напр., очень знаменательно, что наименованія „Премудрости“ и „Притчи“ никогда не употребляются въ одной главѣ и распредѣляются довольно равномѣрно по двумъ половинамъ памятника—за единственнымъ исключеніемъ, но—согласно порядку Апостольскихъ Постановленій—послѣднее мѣсто должно быть гораздо раньше (Funk I, p. 231) и именно въ первой части (IV, 11 : 2), гдѣ выдвигается говорящимъ ὁ Σολομὼν ἐν τῇ Σοφίᾳ, двѣ же выдержки, утилизируемыя въ главѣ XI-й, воспроизводятся тамъ—первая безыменно (II, 51: 1, p. 149), а вторая—подъ формулою φησὶν ὁ Σολομών (II, 53: 2, p. 151). Это небезразлично для вопроса о первоначальномъ распорядкѣ, который въ Дидаскаліи сохраненъ неточно, можетъ быть, не только въ раздѣленіи на главы (стр. 86—87), чѣмъ открывается просторъ для реконструкцій въ родѣ проектированной Функомъ. Равно возбуждается вопросъ и о неповрежденности теперешняго сирійскаго текста, хотя случаи интерполяцій указываются проф. П. А. Прокошевымъ неудачно. По его мнѣнію (стр. 115), въ XIV-й главѣ безспоренъ „рѣзкій диссонансъ“, ибо второй бракъ то разрѣшается (стр. 101 въ переводѣ), то весьма не одобряется (стр. 100, 101), но тамъ рѣчь о дозволительности „по закону“ второбрачія вообще, а здѣсь—о молодыхъ вдовахъ, зачисленныхъ въ разрядъ церковныхъ вдовицъ и обѣщавшихся сохраненіемъ вдовства въ честь Бога. Скорѣе—по отношенію къ книгѣ Премудрости представляется вѣроятность обработки двухъ рукъ и бытія двухъ рецензій.

---

[1]) Извѣстно, что Притчи иногда называются въ Талмудѣ sepher chokmah — „книга Премудрости“, а въ христіанской древности извѣстны были подъ именемъ Σοφία, Σοφία Σολωμῶντός (Іустинъ М., Мелитонъ, Климентъ ал., Кипріанъ), или ἡ πανάρετος σοφία (Климентъ рим. 1 Кор. 57 и Ириней: см. Eusebii h. e. IV, 22 s. fin.), παιδαγωγικὴ σοφία (Григорій Богословъ): см. † *F. Vigouroux*, Dictionnaire de la Bible V (Paris 1912), col. 778; Prof. *C. H. Toy* въ Encyclopedia Biblica III (London 1903), col. 3907.

Въ рѣчи о ветхозавѣтныхъ цитатахъ поражаютъ еще слова, что молитва Манассіи есть іудейскій апокрифъ (стр. 134), но по нашей терминологіи это—неканоническая прибавка, тѣмъ болѣе требовавшая вниманія, что высказывается, будто этотъ отрывокъ даже сочиненъ авторомъ греческой Дидаскаліи, а въ сирійской является самостоятельнымъ и раннѣйшимъ другихъ такихъ версій [1]), между тѣмъ проф. П. А. Прокошевъ опирается на этомъ основаніи, когда говоритъ, что Дидаскалія „была написана для христіанской общины изъ язычниковъ, находящейся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ іудейскими колоніями“ (стр. 134). Подобное заключеніе теперь существенно подрывается указанною догадкой и еще больше компрометируется новою ссылкой, будто древній анонимъ „пользуется... и такими апокрифическими сочиненіями, которыя были въ большомъ употребленіи именно въ іудейско-христіанскихъ общинахъ, напр. Евангеліемъ Петра“ (стр. 134). Объ этомъ апокрифѣ сообщаются (стр. 119, 82) даже библіографическія свѣдѣнія по нѣмецкой статьѣ Цана, но лучше было познакомиться серьезно съ русскою литературой, — и тогда обнаружилась бы вся ошибочность формулированнаго тезиса, ибо это есть гностически-докетическая фабрикація противоіудейскаго характера во многихъ своихъ типическихъ отличіяхъ [2]), почему извѣстіе о явленіи воскресшаго Христа Левію взято не оттуда [3]). Въ этомъ убѣждаютъ и всѣ сближенія, которыя не всегда резонно защищаются проф. П. А. Прокошевымъ по указкѣ Ахелиса. Въ Дидаскаліи читается, яко бы „Иродъ повелѣлъ, чтобы распяли“ Христа (XXI, 151), какъ въ Евангеліи Петра говорится, что „повелѣлъ Иродъ царь схватить Господа“ и къ нему же Пилатъ прислалъ просившихъ тѣло Его для погребенія, равно этотъ тетрархъ Галилеи и Переи объявляется „предсѣдателемъ іерусалимскаго суда, произнесшаго смертный приговоръ надъ Господомъ“

[1]) См. *F. Nau*, Un extrait de la Didascalie: la prière de Manassé въ „Revue d'Orient Chrétien“ XIII (1908), 2, p. 134 sqq.

[2]) См., напр., у проф. прот. *В. Г. Рождественскаго*, Новооткрытый отрывокъ апокрифическаго Евангелія Ап. Петра, Спб. 1895 (изъ „Христіанскаго Чтенія“ за 1894 г., I, стр. 73—125; IV, 27—40; VI, 382—411). Ср. и Prof. *Otto Bardenhewer*, Geschichte der altkirchlichen Literatur [2]I, S. 527.

[3]) Ср. Prof. *Ad. Harnack*, Geschichte der altchristlichen Litteratur II, 2, S. 501,1.

(стр. 120). Этимъ значительно отягчается вина іудейства, а затѣмъ въ Дидаскаліи называется судьею Пилатъ (XXI, 151)—согласно каноническимъ Евангеліямъ, по которымъ могла образоваться и вся та исторія въ виду Лук. XXIII, 7 сл. Свѣдѣнія о явленіи Спасителя Левію (XXI, 145) нѣтъ въ отрывкахъ Евангелія Петра, гдѣ оно лишь предполагается (стр. 120—121), и къ нему вовсе не отсылаетъ „съ несомнѣнностію" (стр. 121) сходное съ нимъ замѣчаніе, что кромѣ Пилата ни одинъ изъ іудеевъ не умылъ рукъ, поскольку этотъ антіудаистическій оттѣнокъ совершенно безспоренъ по Мѳ. XXVII, 24—25, разъ на такое дѣйствіе правителя *весь* народъ отвѣтилъ призываніемъ крови на себя и на дѣтей своихъ. Слѣдовательно, нельзя говорить, что „авторъ Дидаскаліи широко использовалъ Евангеліе Петра" (стр. 137), а „вѣроятность" сего для Евангелія (отъ) Евреевъ (стр. 137) вовсе не подтверждается самымъ сопоставленіемъ, гдѣ констатируется „нерѣшительность" по этому вопросу (стр. 123). О словахъ Господа (XXVI, 182): „вотъ я дѣлаю первое послѣднимъ и послѣднее первымъ" категорически замѣчается, что это—„апокрифическая цитата" (стр. 182, 81), для которой отмѣчается единственная параллель у Варнавы VI, 13, но прежде всего слѣдовало бы вспомнить Мѳ. XIX, 30. XX, 16. Мрк. X, 31. Лук. XIII, 30, вполнѣ достаточныя для объясненія фразы дидаскалиста, всегда свободнаго при воспроизведеніи библейскихъ текстовъ. Извѣстія о просьбѣ Симона Волхва предъ Апостолами *въ Іерусалимѣ* (XXIII, 160—161)—кромѣ упоминанія мѣста—всецѣло совпадаютъ съ Дѣян. VIII, 14 сл., исторія же столкновенія съ нимъ св. Петра въ Римѣ (XXIII, 161—162) была весьма распространенною и общеизвѣстной, такъ что нѣтъ надобности обращаться непремѣнно къ Acta Petri и Acta Pauli (стр. 122—123), въ коихъ во всякомъ случаѣ не меньше и дисгармоніи съ Дидаскаліей.

Вотъ и всѣ сближенія. Нельзя прежде всего не пожалѣть, что проф. П. А. Прокошевъ не разобралъ всѣхъ данныхъ, уклоняющихся отъ каноническаго преданія. Напр., въ средѣ „ученицъ" и „служащихъ женъ" Господнихъ перечисляются Марія Магдалина, Марія, дочь Іакова (XV, 103—104; XXI, 145), и другая Марія (XV, 104), хотя въ иной связи послѣ дочери Іаковлевой Маріи называются: матерь Іосифа и матерь сыновъ Зеведеевыхъ (XVI, 116). Категори-

ческое упоминаніе о дочери Іаковлевой знаменательно потому, что на основаніи каноническихъ Евангелій Марія принимается за жену Іакова, о другой же Маріи неясно, тожественна ли она съ матерью Іосифа и кто разумѣется подъ именемъ послѣдняго? — Затѣмъ: всѣ совпаденія скудны и слабы,—и однако проф. П. А. Прокошевъ допускаетъ, что уклоняющіяся отъ редакціи нашихъ синоптиковъ цитаты Дидаскаліи могутъ быть „осколками апокрифическихъ Евангелій, находившихся подъ руками автора“ (стр. 123). Прямо непостижима эта аппелляція къ никому невѣдомымъ источникамъ съ забвеніемъ самыхъ простыхъ вещей, что а) Дидаскалія сохранилась до насъ во вторичныхъ и неисправленныхъ переводахъ, и что б) въ древности вообще пользовались Библіей по памяти и съ варіаціями. Но проф. П. А. Прокошевъ идетъ гораздо дальше и осмѣливается утверждать, что „авторъ Дидаскаліи не дѣлаетъ никакого различія между писаніями каноническими и апокрифическими; послѣднія имѣютъ для него одинаковый авторитетъ съ первыми: апокрифическія Евангелія тоже «Свящ. Писанія», тоже «Слово Господа»; а потому онъ... даже отдаетъ предпочтеніе апокрифу предъ Евангеліемъ“; ему „совершенно чуждо сомнѣніе въ подлинности того или иного Писанія и критическое отношеніе къ его догматическому содержанію“, какъ въ равной мѣрѣ „неизвѣстна точка зрѣнія научнаго богословія“, которая тогда вообще „была еще слабо развита или не получила распространенія въ отдаленныхъ христіанскихъ общинахъ“ (стр. 123—125; 218). Всѣ эти суетные нѣмецкіе глаголы и въ русскомъ пересказѣ одинаково неубѣдительны и напрасны. Въ Дидаскаліи не находится и никѣмъ не отмѣчено ни единой выдержки изъ какихъ-либо неканоническихъ памятниковъ, а рѣчь можетъ быть лишь о сходствѣ съ ними по содержанію, но и тутъ ни въ одномъ мѣстѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на „Свящ. Писанія“ или на „Слово Господа“. Все дѣло въ фактическихъ данныхъ, доходившихъ по традиціи и имѣвшихъ священность, хотя бы они были записаны въ апокрифическихъ документахъ. Съ этой стороны и въ этомъ смыслѣ даже пользованіе послѣдними, для Дидаскаліи совсѣмъ не доказанное, вовсе не говоритъ ни объ уравненіи апокрифическаго съ каноническимъ, ни объ индифферентизмѣ въ различеніи между ними. Привлекаются одни достопочтенныя преданія, въ которыхъ не заключается ни-

чего еретическаго или сектантскаго и зазорнаго. По отношенію къ сему столь же дозволительно благоразумное примѣненіе, какъ и цитація незаписанныхъ изреченій Господнихъ, встрѣчающаяся въ Дидаскаліи и едва ли вполнѣ ясная для проф. П. А. Прокошева (ср. ниже на стр. 454).

Слѣдовательно, библейскія пособія онъ освѣтилъ неудовлетворительно и ничуть не убѣдилъ, что это были источники древняго писателя для церковно-каноническихъ трактацій. Не больше помогаютъ имъ и другіе авторы и памятники, служащіе лишь для нѣкоторыхъ частностей. Очевидно, что изъ всей ихъ совокупности рѣшительно не вытекаетъ богатое и разнообразное содержаніе Дидаскаліи. Тѣмъ менѣе это вѣроятно для проф. П. А. Прокошева, что — согласно Ахелису — онъ признаетъ дидаскалиста „совершенно чуждымъ богословскаго образованія", не считавшимъ его необходимымъ условіемъ для полученія епископской должности (стр. 218). Но если онъ изъ малаго сдѣлалъ великое, то, конечно, ужъ не былъ богословски необразованнымъ профаномъ, а — напротивъ—оказывается освѣдомленнымъ богословомъ и искуснымъ литераторомъ. Этотъ выводъ санкціонируется и проф. П. А. Прокошевъ, который—въ противорѣчіе себѣ—говоритъ, что авторъ Дидаскаліи „въ совершенствѣ изучилъ Библію", былъ „опытнымъ проповѣдникомъ", „свѣдующимъ въ медицинѣ и занимавшимся врачебной практикой епископомъ" (стр. 217, 218 сл., 222). Послѣднее предполагало бы высокую образованность, которая въ древности связывалась съ медицинскою компетентностію (напр., у Евангелиста Луки), но фактически непріемлемо, ибо ограничивается довольно обычными данными, которыя въ рѣчи о пастырскомъ врачеваніи приводятся здѣсь столь же естественно, какъ и въ Апостольскихъ Постановленіяхъ [1]).

---

[1]) Скорѣе можно бы воспользоваться нѣкоторыми медицинскими свѣдѣніями послѣднихъ для хронологическихъ предположеній. Напр., весьма своеобразно указаніе (VI, 28): „и естественное очищеніе не мерзко предъ Богомъ, который премудро устроилъ, чтобы оно бывало у женщинъ въ каждые тридцать дней, для ихъ здоровья и укрѣпленія, потому что онѣ мало бываютъ въ движеніи, отъ того, что сидятъ больше дома" (*Funck* I, p. 377; русск. пер., стр. 207). Сходное съ этимъ находимъ у медицинскаго писателя начала VI вѣка, уроженца Амиды (въ Месопотаміи) Аэція (см. *W. Wellmann* въ Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung herausg. von Prof. Georg Wissowa I, 1, Stuttgart 1893, Sp. 703—704), который говоритъ

Общее впечатлѣніе безспорно таково, что дидаскалистъ былъ человѣкъ хорошо образованный богословски и литературно по своему времени. Онъ могъ представляться библейски невѣжественнымъ лишь съ точки зрѣнія протестантскаго критическаго раціонализма, а не по своему дѣйствительному уровню достаточной и широкой интеллигентности. И все-таки ему нельзя было составить свое произведеніе на основаніи указываемыхъ наукою источниковъ. Сверхъ ихъ получается нѣчто неизмѣримо бо́льшее и совершенно независимое. Откуда оно взято? Отвѣтъ дается тотъ, что это написано самимъ авторомъ и намѣренно выпущено подъ именемъ Апостоловъ ради наилучшей авторитетности своего произведенія, которое, во многомъ отражая мѣстные обычаи и порядки, предназначено, однако же, не для своей только христіанской общины, а для всей великой церкви [1]). Проф. П. А. Прокошевъ находитъ, яко бы даже „въ самой Дидаскаліи содержится прямое и не однократное указаніе на то, что она появилась въ Іерусалимѣ", ибо „это самосвидѣтельство... подсказывалось фикціей объ апостольскомъ происхожденіи ея" (стр. 132—133). Подобное пониманіе не гармонируетъ съ объктивными данными самого памятника и преданія о немъ. Поучительны древнія заглавія его, хотя бы и не первоначальныя. Одно изъ нихъ гласитъ: „Дидаскалія... двѣнадцати Апостоловъ и святыхъ учениковъ *нашего* Спасителя". Ясно, что отъ Апостоловъ отличается авторъ, какъ такой, для кого Спаситель былъ *нашимъ по сравненію съ ними*. Соотвѣтственно сему въ другомъ вступленіи отчетливо выражается: „*мы* начинаемъ писать книгу Дидаскалія, назначенную *для насъ*

что „wegen der Schwangerschaft, und weil die Mehrzahl ein müheloses Dasein führt, ist die Menstruation notwendig" (см. *M. Wegscheider*, Geburthülfe und Gynäkologie bei Aëtios von Amida, Berlin 1901, S. 68). Замѣчательно также, что разрѣшаемое Апостольскими Постановленіями (VI, 27, 28) дозволеніе всякаго священнаго участія для менструирующихъ женщинъ рѣшительно отрицается у св. Діонисія Александрійскаго (у *Charles Lett Feltoe*, p. 102—103; Творенія св. Діонисія Великаго, стр. 44—45; Правила св. отецъ, стр. 14—15), св. Тимоеея Александрійскаго (Правила св. отецъ, стр. 521—522: прав. 7) и въ канонахъ Ипполита (§§ 93, 95, 100 и 107), а санкціонируется еще у папы (3 сентября 590 г. — † 11 марта 604 г.) Григорія I (ср. у проф. о. *А. И. Дружинина*, Творенія св. Діонисія Великаго, стр. 45,₂).

[1]) См. Prof. *Ad. Harnack*, Geschichte der altchristlichen Litteratur II, 2, S, 495.

святыми Апостолами Господа *нашего*“ [1]). Самые обороты рѣчи исключаютъ мысль объ усвоеніи апостольскаго происхожденія всему творенію, ибо въ немъ выступаютъ изрекающими или повѣствующими то всѣ (XVI, 18), то разные отдѣльные Апостолы, напр., „я Матѳей, одинъ изъ двѣнадцати учениковъ, которые говорятъ вамъ въ этомъ ученіи“. (X, 73), при чемъ упоминается и первое Евангеліе, какъ независимый документъ (XXI, 144). Неотразимо, что Апостоламъ вмѣняются лишь отдѣльные пассажи, а цѣлое будетъ просто соединеніемъ и обработкою ихъ по апостольскимъ преданіямъ. О немъ свидѣтельствуется, что тутъ „ученіе Божіе, какъ оно записано по повелѣнію Спасителя нашего и согласно съ Его достохвальными вѣщаніями“ (I, 2; Flemming, S. 1). Все удареніе — на содержаніи, но не на личности поучающихъ, которые подъ формою „мы“ обнимаютъ всѣхъ вѣрующихъ, имѣющихъ нѣкогда воскреснуть (XX, 133 сл.). Иногда Апостолы прямо рисуются посторонними авторитетами прошлаго, если читается, что „епископамъ чрезъ Апостоловъ сказано“ (VII, 42), и что пресвитеры должны быть для народа вмѣсто Апостоловъ (IX, 62) и почитаться, какъ Апостолы (IX, 63). Непосредственному написанію апостольскому усвояется только небольшая часть, сообщающая о событіяхъ въ Іерусалимѣ и о наставленіяхъ предъ Апостольскимъ соборомъ и о посланіи къ Антіохійской церкви (XXIV, 163, 168). Въ концѣ же Дидаскалія различается отъ самаго писанія, которое старается сдѣлать ее понятною своими разъясненіями (XXVI, 193), почему вся эта „наша книга“ (XXVI, 194) вовсе не считается произведеніемъ Апостоловъ и заключается (XXVI, 195) явно обособляющимъ воззваніемъ: „*ихъ* молитва да будетъ съ нами!“

Такимъ образомъ, Дидаскалія во всемъ ея объемѣ ничуть не выдаетъ себя за апостольское твореніе, а претендуетъ лишь на то, что въ ней воспроизводятся и примѣняются преданія и назиданія апостольскія, преемственно сохранявшіяся въ церковной традиціи. Только подъ этимъ условіемъ можно разумно и честно понять все содержаніе памятника. Но съ этой стороны едва ли справедливо оспаривать подобное притязаніе и теоретически и фактически. Во многомъ содержаніе Дидаскаліи несомнѣнно древнее и

[1]) См. въ переводѣ проф. *П. А. Прокошева* на стр. 1.

восходитъ своими корнями къ далекому прошлому первохристіанства [1]). Нѣкоторые даже видятъ въ ней переработку іудейскихъ источниковъ, христіанизированныхъ не всегда искусно [2]). Эта послѣдняя теорія, конечно, фальшива, хотя, разумѣется, соприсутствуютъ и удержавшіеся въ христіанствѣ іудейскіе элементы. По отношенію къ собственно христіанской стихіи мы находимъ совершенно вѣроятнымъ, что Апостолы формулировали нѣкій образецъ ученія для общаго руководства, а въ отдѣльныхъ церквахъ онъ потомъ расширялся самими благовѣстниками, осложнялся и варіировался соотвѣтственно ходу и особенностямъ церковной жизни [3]). Помимо сего, сама Дидаскалія иногда прямо отсылаетъ къ апостольскимъ первоисточникамъ. И проф. П. А. Прокошевъ согласился бы съ этимъ, еслибы разобралъ нѣкоторыя подробности болѣе внимательно. Касательно выраженія (въ гл. IX): „будьте добрыми мѣняльщиками“ (мѣновщиками, торжниками) онъ копируетъ (изъ Flemming'a, S. 52) нѣмецкое „Agraphon“ (стр. 71, 69), какъ будто не соединяя съ этимъ таинственнымъ словомъ отчетливаго представленія. А ему надо было знать и взвѣсить, что это есть незаписанное изреченіе Господне, бывшее въ большомъ ходу въ широкихъ церковныхъ кругахъ [4]). Тоже справедливо и для большинства другихъ случаевъ, что въ Дидаскаліи даются традиціонныя матеріи апостольскаго происхожденія или апостольскаго авторитета, какъ идущія отъ Апостоловъ и развившіяся на основаніи и въ духѣ ихъ ученій и установленій. Въ своей главнѣйшей массѣ дидаскалическое содержа-

---

[1]) Такъ, *F. Nau* полагаетъ, что въ Дидаскаліи воспроизводится апостольская традиція (см. въ Dictionnaire de théologie catholique, fasc. XXVIII, col. 741) и, можетъ быть, переработано болѣе древнее апостольское произведеніе (col. 747), а *Th. Schermann* (Ein Weiherituale der römischen Kirche am Schlusse des ersten Jahrhunderts, München und Leipzig 1913) видѣлъ тамъ современную писаніямъ Іоанновымъ traditio ecclesiastica Clementis (см. въ „Biblische Zeitschrift“ XI [1913], 4, S. 420).

[2]) См. The Jewish Encyclopedia IV (New-York and London 1903), p. 588—594; Еврейская Энциклопедія VII (Спб. 1910), стр. 167—178.

[3]) Эту идею особенно развиваетъ и защищаетъ Prof. D. *Alfred Seeberg*; см. его сочиненія: Der Kathechismus der Urchristenheit, Leipzig 1903; Das Evangelium Christi, ibid. 1905; Die beiden Wege und das Apostelдekret, ibid. 1906; Die Didache des Judentums und der Urchristenheit, ibid. 1908; Der Brief an die Hebräer, ibid. 1912 (S. 141 ff.).

[4]) См. о семъ, напр., *Alfred Resch*, Agrapha (Leipzig 1906), S. 112 ff.

ніе оказывается традиціонно-церковнымъ, воспринятымъ отъ предшественниковъ для руководства настоящему, которое не столько отражается тамъ, сколько должно подчиняться, служить объектомъ приложенія. По необходимости доминируетъ элементъ традиціонный, современность же проглядываетъ болѣе слабо и тускло—по преимуществу отрицательно, по уклоненію и несоотвѣтствію унаслѣдованнымъ нормамъ и порядкамъ.

Слѣдовательно, въ Дидаскаліи преобладаетъ традиціонная стихія, а дѣйствительность значительно стушевывается и потому всегда будетъ опредѣляться гадательно въ точной хронологіи. При подобномъ освѣщеніи споръ о 30—40 годахъ теряетъ столь острую важность, какую приписываетъ проф. П. А. Прокошевъ. Традиціонный элементъ не можетъ быть примѣняемъ лишь къ одному краткому періоду и почитаться свидѣтелемъ именно его. Всегда при этомъ особенное тяготѣніе будетъ больше къ раннѣйшему, чѣмъ къ позднѣйшему, которое просказывается весьма смутно въ томъ, что воспринято отъ прежняго въ качествѣ священнаго залога [1]). Если взять за грань Никейскій соборъ, то нужно признать, что никакихъ прямыхъ слѣдовъ его нѣтъ въ Дидаскаліи, и она вовсе не базируется въ своихъ ученіяхъ и каноническихъ построеніяхъ на соборныхъ положеніяхъ. Ея матеріалъ—совершенно независимый и всецѣло традиціонный. Посему, появилась ли Дидаскалія въ первой—второй или въ третьей четверти III вѣка,—все равно содержаніе ея будетъ унаслѣдованнымъ и въ большинствѣ характеристическимъ для строя доникейской формаціи.

Теперь нельзя не резюмировать, что проф. П. А. Прокошевъ совсѣмъ напрасно для своихъ цѣлей ратовалъ такъ пространно, усердно и упорно. Въ этихъ интересахъ достаточно признанія III-го вѣка, поелику дальше начинаются простыя гипотезы со всею ихъ сомнительною гадательностію [2]). Во всякомъ случаѣ своего хронологическаго тезиса онъ не доказалъ и скорѣе склоняетъ въ пользу противника,

---

[1]) Нѣчто подобное по отношенію къ А. П. см. у Prof. *Eduard Schwartz*, Ueber die pseudoapostolischen Kirchenordnungen, S. 25.

[2]) *F. Nau* въ Dictionnaire de théologie catholique, fasc. XXVIII, col. 747: le champ est ouvert à toutes les hypothèses et à toutes les incertitudes.

теорія котораго много вѣроятнѣе [1]). Ссылки на Гарнака и неубѣдительны и неправильны, ибо этотъ ученый считаетъ теперешнюю Дидаскалію не первоначальной [2]) и относитъ ее къ 250—300 г.г. [3]), а только самый прототипъ пріурочиваетъ къ первой половинѣ III вѣка [4]) *).

Н. Глубоковскій.

---

[1]) Ср. Prof. *Otto Bardenhewer*, Geschichte der alttkirchlichen Literatur II (Freiburg im Breisgau 1903), S. 259.

[2]) Geschicht der altchristlichen Litteratur II, 2 (Leipzig 1904), S. 491 ff.

[3]) Ibid. II, 2, S. 490, 496, 501.

[4]) Ibid. II, 2, S. 494, 496, 501. Ср. Prof. *Albert Ehrhard*, Die altchristliche Litteratur und ihre Erforschung von 1884—1900; erste Abteilung: Die vornicänische Litteratur (Freiburg im Breisgau 1900), S. 527.

*) Продолженіе слѣдуетъ. *NB.* Въ „Христ. Чтеніи“ 1916 г., № 3 нужно поправить: стр. 340, 1 сн. „подлинныя“ (вм. „многія“), 341, 11 св. „настоящія“ (вм. „подлинныя“), 341, 13 св. „этой“ (вм. „настоящей“), 345, 5 св. „тонкая“ (вм. „такая“), 345, 8 сн. „altkirchlichen“ (вм. „altchristlichen“), 349, 5 „имѣли“ (вм. „имѣютъ“), 352, 7 сн. „вдовичества“ (вм. „вдовства“); примѣчанія 3-е на стр. 359 и 1-е на стр. 360 должны быть переставлены одно на мѣсто другого.

Переписка протопресвитера І. Л. Янышева съ генераломъ А. А. Кирѣевымъ *).

XXXI.

4 февраля 1874 г.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Будьте столь добры защитить насъ въ комитетѣ духовной цензуры. Дѣло вотъ въ чемъ: оба оттиска нашего письма и схемы [1]), и нѣмецкій, печатаемый въ типографіи Гоппе, и русскій, печатаемый при журналѣ Поповицкаго [2]),—задержаны духовной цензурой. Причины задержанія нѣмецкаго перевода мнѣ не извѣстны (можетъ быть, дѣло просто залежалось). Причина же задержанія русскаго заключается въ томъ, что цензоръ не согласенъ со взглядами, выраженными нашимъ совѣтомъ относительно загробной жизни (§ 6 схемы). Онъ говоритъ, что мы впадаемъ въ ересь, увѣряя, что послѣ смерти можетъ быть среднее переходное состояніе.

Не можете ли Вы походатайствовать у цензора (мнѣ говорили, что онъ живетъ недалеко отъ Васъ, въ лаврѣ)? Неужели же Вы, Васильевъ и Осининъ не знаете ученія православной церкви, неужели Толстой и Вел. Князь не представляютъ достаточно гарантій благонамѣренности? Не можете ли Вы все это объяснить неумолимому Катону? Посылаю Вамъ нѣмецкій corpus delicti, дабы цензоръ могъ на немъ сдѣлать надпись и отправить обратно (или ко мнѣ, или въ типогра-

*) Продолженіе. См. февраль.

[1]) Упоминавшееся уже письмо совѣта на имя проф. Лангена отъ 19 января 1874 г. и составленный совѣтомъ перечень (схема) разностей, отличающихъ западную церковь отъ восточной православной. *И. С.*

[2]) А. И. Поповицкій († 1904), редакторъ-издатель журнала „Церковно-Общественный Вѣстникъ“. *И. С.*

фію Гоппе), не теряя времени. Русскій corpus delicti находится у цензора, его слѣдуетъ отправить Поповицкому.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

XXXII.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Я забылъ спросить у Васъ о результатахъ Вашего заступничества у цензора. Если Вы получили какой-либо отвѣтъ, то прошу Васъ переслать его мнѣ. Imprimatur было бы необходимо получить поскорѣе, до закрытія работы.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

XXXIII.

Павловскъ. 12 августа.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Вы, конечно, знаете изъ газетъ, что въ Боннѣ собирается съѣздъ ученыхъ „богослововъ“ съ цѣлію подвинуть дѣло возсоединенія (насколько это, конечно, возможно при современныхъ обстоятельствахъ)[1]. Тутъ уже придется вести разговоръ очень серьезный. Поэтому Великому Князю было бы весьма пріятно, если бы Вы потрудились отправиться на съѣздъ, въ Боннъ; Вы—высокопоставленный „Fachmann“.

Самый конгрессъ (имѣющій быть въ Фрейбургѣ)[2] не будетъ слишкомъ интересенъ, я даже и не знаю, для чего его собираютъ; тѣмъ не менѣе, ежели бы Вы могли съѣздить не только въ Боннъ, но и въ Фрейбургъ, то это было бы, конечно, очень хорошо; но главнѣйшее желаніе Великаго Князя заключается въ томъ, чтобы Вы поѣхали въ Боннъ.

Въ случаѣ Вашего согласія Великій Князь очень желалъ бы имѣть съ Вами маленькую конференцію, дабы передать Вамъ то, что говорилъ ему конфиденціально Рейнкенсъ[3] въ Штуттгартѣ.

Въ ожиданіи Вашего отвѣта
преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

Адресъ мой: въ Павловскъ во дворецъ. 16-го, можетъ быть, увидимся въ городѣ на свадьбѣ?

P. S. Московскій отдѣлъ посылаетъ въ Фрейбургъ депутата (Сухотина).

---

[1]) Рѣчь идетъ о первой Боннской конференціи, происходившей 2—4 (14—16) сентября 1874 г. Въ ней участвовали І. Л. Янышевъ и А. А. Кирѣевъ. *И. С.*

[2]) Старокатолическій конгрессъ въ Фрейбургѣ 6—8 (18—20) сентября 1874 г. *И. С.*

[3]) І. Г. Рейнкенсъ, епископъ германскихъ старокатоликовъ († 1896). *И. С.*

XXXIV.

Біарриць, 17/29 сентября.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Я получилъ отъ проф. Рейша мой Bericht о Боннскомъ конгрессѣ [1]) (я его посылалъ къ Рейшу съ просьбою сдѣлать нѣкоторыя замѣтки, дополненія и исправленія). Такимъ образомъ мы имѣетъ оторизованный отчетъ, который я переведу для нашего Общества. Все, что Вами сказано и провѣрено, доставлено мнѣ Рейшемъ. Отчетъ нашъ будетъ совершенно полонъ.

Вел. Князь желаетъ, чтобы онъ былъ переведенъ (съ англійскаго и нѣмецкаго) и отпечатанъ. Кромѣ сего Вел. Князь полагаетъ, что ежели бы Вы сочли полезнымъ пріобщить къ отчету (или сказать въ засѣданіи Общества) нѣкоторыя ученыя соображенія о богословскихъ вопросахъ, которыя могли бы пояснить дѣло, то это было бы *«очень хорошо»*. Впрочемъ Вел. Князь выставляетъ это, какъ „opinio privata".

До сихъ поръ въ англійскихъ газетахъ не появилось ничего серьезнаго о Боннскомъ конгрессѣ (ожидаю Church Times завтра). Что появится, привезу съ собой.

Душевно преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

XXXV.

Среда.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Отчетъ мой (или вѣрнѣе переводъ) оконченъ; мнѣ бы очень хотѣлось заручиться Вашимъ мнѣніемъ о многихъ пунктахъ, которые для меня не ясны, въ которыхъ я могу ошибиться, не будучи Fachmann'омъ. Сегодня вечеромъ, завтра съ утра до 6 часовъ я свободенъ; послѣ завтра (въ пятницу) я свободенъ только отрывками, но въ субботу—съ 12 до 5 и съ 7 до какого угодно часа я снова свободенъ. Не будете ли Вы столь добры назначить время, когда я бы могъ къ Вамъ пріѣхать? Это, вѣроятно, будетъ для Васъ удобнѣе?

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

---

[1]) Запись рѣчей, говорившихся на Боннской конференціи 1874 г., веденная А. А. Кирѣевымъ и провѣренная секретаремъ конференціи проф. Рейшемъ. Отрывки изъ нея помѣщены А. А. Кирѣевымъ въ сдѣланномъ имъ русскомъ переводѣ отчета той же конференціи самого Рейша, въ видѣ „варіантовъ" къ изложенію Рейша. См. этотъ отчетъ въ „Сборникѣ протоколовъ. О. Л. Д. П.", годъ третій, стр. 1—82. *И. С.*

XXXVI.

Вторникъ.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Пишу Вамъ по порученію Великаго Князя, весьма встревоженнаго намѣреніемъ Іосифа Васильевича выдти изъ Общества, потомучто въ „Гражданинѣ", въ которомъ пишетъ между прочимъ и Т. И. Филипповъ, появилась противъ него пасквильная статья, подписанная какимъ то К. Z. Великій Князь надѣется, что Вы уговорите Іосифа Васильевича отказаться отъ его намѣренія. Думаю, что І. В. не правъ. Хотя Т. И. Филипповъ и пишетъ въ „Гражданинѣ", однако статья, о которой идетъ рѣчь, подписана не имъ, притомъ не полагаю, чтобы Филипповъ при всей своей запальчивости могъ до того забыть всѣ правила порядочности, чтобы обвинить Іосифа Васильевича въ *злоупотребленіи своей властью изъ корыстныхъ видовъ*. Какъ ни невѣжественны наши русскіе полемическіе пріемы, все же нельзя думать, чтобы Филипповъ совершенно и окончательно забылся и идентифицировалъ Іосифа Васильевича съ тѣмъ корреспондентомъ „Христіанскаго Чтенія", который обвинялъ Филиппова въ томъ, что онъ *продалъ свое перо раскольникамъ* и т. п. Не полагаете ли Вы, что Совѣту слѣдовало бы сдѣлать по этому случаю какое-либо заявленіе?

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

XXXVII [1]).

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Посылаю Вамъ вновь сдѣланный переводъ (за вторую часть примусь завтра утромъ). Пожалуйста провѣрьте и исправьте. Въ мѣстахъ, гдѣ я сомнѣвался, я поставилъ два русскихъ слова, сопровождая ихъ знакомъ: ?. Выберите должное, а другое зачеркните. Не признаете ли нужнымъ иногда дѣлать отступленія отъ „подстрочности" (въ одномъ мѣстѣ смыслъ совсѣмъ почти не понятенъ)? Не признаете ли тоже нужнымъ перевести латинскія и греческія слова? Вы мнѣ въ субботу сказали: „пусть объ этомъ судятъ богословы", но вѣдь дѣло въ томъ, что мы работаемъ не для богослововъ однихъ, а для всѣхъ нашихъ членовъ (религія— самое общественное и демократическое достояніе).

Вел. Князь все спрашиваетъ меня: „что же о. Васильевъ?" Я ему ничего не могу сказать. Позвольте мнѣ Вамъ откровенно сказать мое мнѣніе. Право, І. В. не правъ! Когда Филипповъ вышелъ, его удержали по иниціативѣ нѣкоторыхъ

[1]) Повидимому, черновое письмо. *И. С.*

членовъ. Здѣсь сама невинная причина выхода І—фа В—ча,—именно Тертій Иванычъ,—написалъ письмо къ Вел. Князю, которое направлено къ возвращенію І—фа В—ча. Адресъ нѣкоторыхъ членовъ Общества можно устроить весьма легко и притомъ очень aufrichtige и энергическій; онъ явится самъ собою. Ежели І—фу В—чу было бы желательно, чтобы былъ сдѣланъ какой либо „выговоръ“ редактору „Гражданина“ за его грязную инсинуацію, то вѣдь это бы пришлось сдѣлать относительно и редактора „Христіанскаго Чтенія“, допустившаго тоже обвиненіе о томъ, что Филипповъ подкупленъ. Вы знаете, что вѣдь это невозможно. Выйдетъ Богъ вѣсть что! Ежели І—фу В—чу неугодно оставаться въ Совѣтѣ (онъ дѣйствительно нездоровъ), ну такъ пускай и выходитъ изъ Совѣта, но зачѣмъ оставлять Общество?! Общество, которое имъ дорожитъ. Я не хотѣлъ противорѣчить Вамъ въ Совѣтѣ, но І—фъ В—чъ положительно дѣйствуетъ по внушенію другихъ. Онъ мнѣ въ письмѣ своемъ ссылался на Васъ, а на словахъ ссылался на бар. Будберга, на М. Оболенскую и Шувалова. Что же это за судьи?! Пожалуйста похлопочите, многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

P. S. Какъ только получу отъ Васъ рукопись, сейчасъ же начну печатать.

XXXVIII.

Четвергъ. Вечеръ.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Очень радъ, что Вы находите возможнымъ остановиться на предложенной мною редакціи [1]). Прибавленіе: „и его оппонентами“ дѣйствительно необходимо; на него В. К., безъ всякаго сомнѣнія, согласится. Поводомъ къ заявленію совѣта послужитъ адресъ, поданный въ совѣтъ нѣкоторыми членами Общества (адресъ очень умѣренъ).

Къ сожалѣнію я не могу исполнить Вашего желанія на счетъ нѣмецкаго экземпляра отвѣтныхъ пунктовъ, присланныхъ старокатоликами. Всѣ 200 экземпляровъ отпечатаны, но не могутъ быть выданы типографіею безъ разрѣшенія цензора; а цензору, конечно, некогда заниматься тѣмъ, что печатается: онъ дѣлаетъ визиты; завтра пожалуюсь Лонгинову [2]) и послѣ завтра получу.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

---

[1]) Дѣло идетъ, повидимому, о проектѣ заявленія совѣта по поводу нападокъ на прот. І. В. Васильева въ статьяхъ „Гражданина“, приписывавшихся нѣкоторыми Т. И. Филиппову. *И. С.*

[2]) Начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати въ то время. *И. С.*

XXXIX.

Понедѣльникъ.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Признавая вполнѣ цѣлесообразность предлагаемаго Вами примѣчанія, которое я велю напечатать, я бы желалъ оставить неизмѣненнымъ окончаніе моего предисловія [1]). Я выражаю въ немъ *собственныя мои* впечатлѣнія и мысли и, какъ участвовавшій на конференціи, желаю сочувственно отозваться о ней. За это не отвѣчаетъ никто кромѣ меня. Ежели всякій репортеръ, Сухотинъ, Мишо и всѣ остальные, всякіе нѣмцы и англичане имѣютъ право на такую свободу, то и я не желалъ бы ея лишиться. Въ предисловіи я—репортеръ, а затѣмъ переводчикъ, фотографъ. Я именно и говорю въ предисловіи про Тон, потомучто его нельзя видѣть, вычитать изъ отчета, я и говорю, что тонъ былъ хорошій. Впрочемъ, какъ Вы пожелаете, но во всякомъ случаѣ прошу Васъ написать мнѣ словечко объ этомъ; корректуру я задержу до Вашего отвѣта.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

XL.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Спѣшу препроводить Вамъ полученную мною корректуру, а вмѣстѣ съ тѣмъ прошу Васъ постановить рѣшеніе по моему письму (относительно окончанія моего предисловія). Геласій что-то задерживаетъ нашъ отчетъ. Бѣда, ежели что нибудь ему въ немъ не понравится!

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

Корректуру съ Вашимъ отвѣтомъ относительно окончанія предисловія прошу Васъ прислать *ко мнѣ* (не въ типографію).

XLI.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Мнѣ очень жаль, что Вамъ приходится заниматься ортопедіею моихъ переводовъ. Каюсь въ моей привязанности къ запятымъ (онѣ много облегчаютъ чтеніе). „Интересъ“ я бы готовъ былъ отстаивать (interesse, interessant, Interesse...). „Непогрѣшимое зачатіе“ выдаю Вамъ „головою“. Относительно „безгрѣховнаго зачатія“ у меня убѣжденій нѣтъ, и стало

[1]) Предисловіе А. А. Кирѣева къ отчету о Боннской конференціи 1874 г. См. „Сборн. проток. О. Л. Д. П. Спб. отд.“, годъ третій, стр. 3—5. *И. С.*

быть я неправъ. „Ультрамонтане“ (а не „ультрамонтаны“) тоже бы могъ отстаивать (псковитяне, лужичане, горожане etc.), впрочемъ напечатано будетъ такъ, какъ Вы написали. Всѣ дополненія Ваши къ „варіантамъ“ [1]) я введу, конечно...

Мнѣ кажется, что мы можемъ устроиться такъ, что что-бы Вами ни было сказано въ Обществѣ или на чтеніяхъ, отъ Общества устроенныхъ, за это никто не будетъ имѣть повода, права и возможности дуться, а тѣмъ болѣе никто не помѣшаетъ намъ говорить то, что мы полагаемъ истиннымъ и вѣрнымъ.

Согласитесь, многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ, что Совѣтомъ и Вел. Княземъ сдѣлано все, что только возможно, чтобы удержать І—фа В—ча въ Обществѣ. Онъ самъ хочетъ „ссориться“, какъ говоритъ Вел. Князь. И едва ли можетъ представить для этого какое либо логическое основаніе. Уставъ не даетъ ни Вел. Князю, ни Совѣту права изгонять кого бы то ни было изъ Общества, а вѣдь на это сводится весь вопросъ. Это, воля Ваша, не христіанское и въ особенности не священническое чувство.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

XLII.

Понедѣльникъ вечеръ.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Я прочелъ Ваше письмо ко мнѣ Великому Князю; онъ вполнѣ подтвердилъ то, что я Вамъ писалъ. „Никто“, сказалъ Вел. Князь, „не вмѣшается и не имѣетъ повода и права вмѣшиваться въ наши дѣла и контролировать то, что можетъ говориться на нашихъ собраніяхъ. Пусть Янышевъ говоритъ такъ, какъ онъ думаетъ, и что думаетъ!“ Затѣмъ Вел. Князь меня спросилъ, не знаю ли я что про тѣ затрудненія, на которыя Вы намекаете въ Вашемъ письмѣ. На мой отрицательный отвѣтъ, Вел. Князь сказалъ: „Ихъ должно будетъ устранить. Ежели о нихъ въ Совѣтѣ говорить неудобно, попроси о. Янышева тебѣ сообщить ихъ частнымъ образомъ, я ихъ устраню“.

Вы вычеркнули примѣчаніе съ ссылкою на основанія, выработанныя въ Кельнѣ; она дѣйствительно тутъ не у мѣста. Я ихъ помѣщу въ примѣчаніи, которое находится въ концѣ приглашенія прибыть на конференцію [2]). Въ этомъ примѣчаніи говорится объ избраніи кельнской Unions-Commission, о ея превращеніи въ двѣ подкоммиссіи etc. Полагаю, что это

[1]) Варіанты къ изложенію рѣчей ораторовъ въ оффиціозномъ отчетѣ Рейша, данные А. А. Кирѣевымъ на основаніи его собственныхъ записокъ. *И. С.*

[2]) См. „Сборн. проток. О. Л. Д. П. Спб. отд., годъ третій“, стр. 9. *И. С.*

необходимо для тѣхъ, которымъ попадется въ руки нашъ отчетъ о Боннской конференціи и которые, между тѣмъ, не знакомы съ нашимъ сборникомъ.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

P. S. Читали ли Вы отчетъ Сухотина? [1]). Онъ очень рѣзокъ, въ особенности относительно Фрейбурга, и на мой взглядъ не совершенно справедливъ. Онъ мнѣ выслалъ для нашего отдѣла 150 экземпляровъ. Придется разослать.

XLIII.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Возвращаюсь, можетъ быть, съ излишней настойчивостью къ дѣлу, по которому Вы уже постановили свое рѣшеніе, но представляю его на Ваше вторичное разсмотрѣніе въ „кассаціонномъ порядкѣ". Дѣло идетъ о варіантѣ: „Левъ III объявилъ, что ни онъ, ни его *наслѣдники* не потерпятъ измѣненія символа" [2]). Вы имѣли въ виду (вычеркивая этотъ варіантъ), что „Деллингеръ опустилъ, что etc", но тутъ, очевидно, недоразумѣніе. Рейшъ въ предисловіи говоритъ, что Деллингеръ nachträglich aufgezeichnet два мѣста, именно стр. 18 (исторія раздѣленія церквей, длинная рѣчь историческаго содержанія) и стр. 35 (рѣчь объ англиканскихъ ординаціяхъ). Все остальное написано Рейшемъ. Поэтому, мнѣ кажется, и варіанты ко всему остальному могли бы остаться цѣлыми, ежели въ нихъ, конечно, нѣтъ какой либо нелѣпости, но этого предполагать нельзя, такъ какъ рукопись провѣрена Рейшемъ. Конечно, нелѣпости отъ Деллингера нельзя ожидать, но могъ быть какой нибудь lapsus linguae. Рейшъ сдѣлалъ именно на этомъ листѣ замѣтку (относящуюся до послѣдующей мысли), а этотъ варіантъ, крупно мною подчеркнутый, не тронулъ. Конечно, какъ Вы замѣчаете, это „дѣло исторіи", но вѣдь и почти вся его рѣчь—чисто исторія, и такой историческій фактъ очень кажется интересенъ. Не сочтете ли возможнымъ оставить варіантъ?

Вел. Князь поручилъ мнѣ спросить Васъ, какъ бы Вы предполагали поступить съ сочиненіемъ „о Св. Духѣ", присланнымъ изъ Кіева [3]). Найдутся въ академіи охотники перевести его? и какое за это можно бы дать вознагражденіе?

---

[1]) Отчетъ Ѳ. М. Сухотина о „Фрейбургскомъ конгрессѣ и Боннской конференціи" („Чтенія въ О. Л. Д. П" 1874 г. ноябрь). *И. С.*

[2]) „Сборн. прот. О. Л. Д. П. Спб. отд.. годъ третій", стр. 18. *И. С.*

[3]) „Отвѣтъ православнаго на предложенную старокатоликами схему о Святомъ Духѣ" профессора Кіевской духовной академіи архим. Сильвестра. Это сочиненіе постановлено было перевести на нѣмецкій языкъ и послать въ старокатолическую коммиссію по вопросу о соединеніи съ восточною церковью. *И. С.*

XLIV.

Среда.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Отчетъ и книжка мною получены. Конечно, я соглашусь съ Вашими замѣчаніями. Ежели бы, противъ ожиданія, встрѣтилось что либо, по моему мнѣнію, *очень стѣснительное*, то пріѣду спросить совѣта у Васъ. Какъ только окончу переводъ 2-й части, сейчасъ-же отправлю къ Вамъ на просмотръ.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

P. S. Вел. Князь очень безпокоится объ І-фѣ В-чѣ.

XLV.

Понедѣльникъ.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Вотъ вторая часть. Письма Арнима и другихъ я отдалъ переписать (какъ замѣчательно письмо Малькольма Макъ-Колля!). Я докладывалъ Вел. Князю, что и эти письма слѣдовало бы напечатать, но онъ не соглашается, говоря, что имъ можетъ быть удѣлено мѣсто въ Сборникѣ [1]), что это лишній грузъ при отчетѣ. На дняхъ соберется Совѣтъ, и тогда необходимо будетъ рѣшиться на избраніе какого либо способа перевода. Конечно, тотъ, который Вы указываете,— самый удобный, лишь бы Иванъ Терентьевичъ не затянулъ дѣла, поправляя его.

На собраніи Совѣта Вел Князь опять подниметъ вопросъ объ Іосифѣ Васильевичѣ. „Зачѣмъ же онъ хочетъ съ нами *ссориться?*“—повторялъ мнѣ раза два Вел. Князь. „Узнай мнѣ настоящую причину всего дѣла, чего собственно хочетъ Васильевъ?“. Я не могъ и не могу дать ему никакого отвѣта... Право, мнѣ кажется, во всемъ этомъ есть не малая доля упрямства.

Весь Вашъ А. Кирѣевъ.

XLVI.

Пятница.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Я докладывалъ Вел. Князю отказъ Катанскаго [2]). Er hat es „ziemlich übel genommen“ и поручилъ мнѣ просить Катан-

[1]) Письма разныхъ лицъ къ Деллингеру по поводу Боннской конференціи 1874 г.; напечатаны въ „Сборникѣ протоколовъ (годъ третій)“, стр. 83—91. *И. С.*

[2]) Отказъ отъ кандидатуры въ члены Совѣта Общества Л. Д. П. на мѣсто вышедшаго изъ Совѣта и изъ Общества прот. І. В. Васильева.

скаго принять кандидатуру. Между нами, отказъ Катанскаго не серьезенъ. Онъ отговаривается недостаткомъ времени. Согласитесь, что посвятить два вечера въ мѣсяцъ не можетъ быть слишкомъ тягостно. Вел. Князь видитъ въ этомъ вліяніе Іосифа Васильевича (надѣюсь, безъ основанія). Я не знаю адреса Александра Львовича и поэтому прошу Васъ (Вы видаете Катанскаго) передать ему, что Вел. Князь очень бы желалъ его видѣть членомъ Совѣта.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

XLVII.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Было бы дѣйствительно лучше отложить избраніе члена, но какимъ образомъ это сдѣлать? Въ повѣсткахъ (надѣюсь, что Вы уже получили повѣстку) сказано, что будутъ выборы; безъ причины отложить ихъ трудно; заявлять, что Совѣтъ еще не знаетъ, кого рекомендовать, тоже нельзя—по уставу Совѣтъ и *права* не имѣетъ предлагать какихъ либо кандидатовъ. Такъ что, ежели бы мы и захотѣли протянуть дѣло, это бы едва ли удалось. Намъ пожалуй навяжутъ въ члены Совѣта отца Верховскаго или Бурачка? Вел. Князь, разговаривая вчера объ отказѣ Катанскаго (совершенно для него непонятномъ), предлагалъ тоже Чистовича. Это тоже было бы не дурно? Чистовичъ—человѣкъ умѣренный и порядочный. Я бы впрочемъ предпочелъ Кояловича. Пріѣзжайте, пожалуйста, не въ $8^1/_2$, а ежели можно, въ $8^1/_4$. Нужно переговорить. Рефератъ о Фрейбургѣ [1]) составляетъ всего 21 страницу. Выписки изъ двухъ писемъ (полученныхъ уже послѣ засѣданія Совѣта) составятъ 5 страницъ моего писанія. Баллотировка будетъ считаться во время чая (антръакта)...

Катанскому въ Совѣтѣ *работать* не придется. Чего же онъ боится? и отчего же ему лучше слѣдовать примѣру о. Васильева (который не въ академіи), нежели Вашему или примѣру Ивана Терентьевича?

Весь Вашъ А. Кирѣевъ.

Разсказъ объ этомъ самого проф. А. Л. Катанскаго можно читать въ его „Воспоминаніяхъ стараго профессора“ въ „Христ. Чтеніи“ 1916 г., мартъ, стр. 307—308. *И. С.*

[1]) Отчетъ А. А. Кирѣева о конгрессѣ старокатоликовъ въ Фрейбургѣ, прочитанный въ засѣданіи Общества 16 декабря 1874 г. („Сборникъ“, годъ третій, стр. 95). *И. С.*

XLVIII.

Декабря 24.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Письмо къ архим. Сильвестру находится у Ивана Терентьевича; очень боюсь, чтобы оно не залежалось у него! Во всякомъ случаѣ я полагаю, что Вашъ переводчикъ могъ бы теперь же, не теряя времени, приступить къ переводу, не дожидаясь присылки текстовъ; вписать тексты не трудно. Вы, конечно, получили уже приглашеніе на 29-е вечеръ? Прошу Васъ, многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ, заручиться „скорописцами“ (такъ какъ стенографы опять все переврутъ) [1]). Сколько ихъ будетъ? Чѣмъ они пишутъ?

Вашъ покорный слуга А. Кирѣевъ.

P. S. Поздравляю Васъ съ наступающимъ праздникомъ.

S. P. S. Надѣюсь, что И. Ѳ. Нильскій получилъ слѣдующій ему гонораръ? Я отъ него отвѣта не получалъ; вѣроятно, онъ обратился прямо къ Нечаеву или къ Зиновьеву.

XLIX.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Брошюры Ваши найдутся впослѣдствіи (ихъ теперь не достанешь); но я посылаю Вамъ другіе экземпляры. Будьте столь добры прислать мнѣ рукопись, читанную Вами на первомъ собраніи Общества [2]). Она должна предшествовать въ „Сборникѣ“ протоколу послѣдняго (второго) собранія и служить ему какъ бы пояснительнымъ введеніемъ.

Вамъ преданный А. Кирѣевъ.

L.

Пятница.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Одна моя пріятельница, кн. Голицына, очень „православная“ и живо интересующаяся религіозными вопросами, очень желала бы прочесть Вашу послѣднюю проповѣдь (въ Исакіевскомъ соборѣ). Не можете ли Вы мнѣ ее доставить (во временное или вѣчное владѣніе), чѣмъ бы премного обязали

преданнаго Вамъ А. Кирѣева.

---

[1]) Въ засѣданіи 29 декабря 1874 г. прот. І. Л. Янышевъ давалъ объясненія по поводу Боннской конференціи и заявленій, сдѣланныхъ на этой конференціи делегатами Общества. *И. С.*

[2]) Сообщеніе прот. І. Л. Янышева о Боннской конференціи, сдѣланное въ засѣданіи Общества 16 декабря 1874 г. („Сборникъ“, годъ третій, стр. 123). *И. С.*

LII.

Среда. Утро.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Великій Князь желаетъ созвать Совѣтъ О. Л. Д. П. на первой недѣлѣ великаго поста, но не желая затруднить Васъ и отца Покровскаго [1]), Его Высочество поручилъ мнѣ спросить у Васъ, въ какіе дни и часы Вамъ и отцу Покровскому удобнѣе пріѣхать къ Великому Князю.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

LIII.

25 марта.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1872 г. Вы были избраны въ члены Совѣта; нынѣ истекаетъ трехлѣтіе, на которое Вы были избраны. Великій Князь поручилъ мнѣ передать Вамъ, что онъ проситъ Васъ остаться членомъ на слѣдующее трехлѣтіе и надѣется, что Вы изъявите согласіе на то, чтобы Васъ вновь избрали (конечно, единогласно) въ члены Совѣта. Онъ надѣется, что Вы не откажетесь еще послужить дѣлу, которое должно быть близко сердцу каждаго христіанина и которое, съ помощью Божіею, подвигается къ желанной цѣли.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

P. S. Ежели Вы провѣрили отчетъ о второмъ засѣданіи (на которомъ Вы давали объясненія Тертію Ивановичу), то будьте столь добры прислать его мнѣ для напечатанія. Я живу временно у Чернышева моста, домъ Кудрявцевой, кварт. 49.

S. P. S. Предсѣдателя нашего Великій Князь тоже проситъ остаться на слѣдующее трехлѣтіе.

LIV.

26. III.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Еще третьяго дня я послалъ письмо Лангену, въ которомъ именно прошу его о высылкѣ и Катихизиса и Religionsbuch'a. Недѣли двѣ—три, конечно, не составятъ никакой существенной разницы въ отпечатаніи нашего сборника.

Баллотировка Васъ есть, конечно, только одна формальность.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

---

[1]) Прот. П. Е. Покровскій, главный священникъ арміи и флота, избранный въ члены Совѣта на мѣсто прот. І. В. Васильева. *И. С.*

LV.

Павловскъ.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Пересылаю Вамъ брошюру общаго нашего знакомаго, епископа линкольнскаго (нынѣ винчестерскаго) д-ра Гарольда Брауна, а равно и два интересныхъ письма, которыя прошу Васъ возвратить мнѣ по прочтеніи.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

Мой адресъ: у Чернышева моста, домъ Кудрявцевой, кв. № 49.

LVI.

Среда.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Я только что получилъ письмо (оно находится у Велик. Князя) отъ Деллингера, въ которомъ онъ меня увѣдомляетъ, что конференція [1]) назначена, *согласно нашему желанію,* ранѣе, именно 16 августа. Объ этомъ письмѣ, написанномъ съ нѣкоторымъ, ежели можно такъ выразиться, увлеченіемъ, необходимо будетъ переговорить. Вѣроятно, Великій Князь попроситъ Васъ и Ивана Терентьевича прибыть для переговоровъ въ Павловскъ. Это, конечно, возможно лишь, пока Вы еще не переѣхали на дачу. Потрудитесь сообщить мнѣ, когда Вы переѣзжаете въ Выборгъ.

Я былъ у Шмицдорфа, печатающаго переводъ сочиненія о. Сильвестра, съ намѣреніемъ сдѣлать ему выговоръ за медленность; но типографщикъ всю вину сваливаетъ на задержку корректуръ. Я буду просить Ивана Терентьевича поспѣшить этимъ дѣломъ.

Мейрикъ [2]) прислалъ мнѣ цѣлую страницу цитатъ по Filioque, которую я Вамъ представлю.

Душевно преданный Вамъ А. Кирѣевъ

P. S. Постановленій прошлогодняго синода у меня нѣтъ; я ихъ выписалъ: дней черезъ 10 обѣщали доставить. При семъ посылаю unter Kreuzband присланную Лангеномъ брошюру (то, что имъ было обѣщано).

---

[1]) Вторая Боннская конференція, происходившая 29 іюля—4 августа (10—16 августа) 1875 г. *И. С.*

[2]) Ф. Мейрикъ, секретарь Англо-континентальнаго общества. *И. С.*

LVII.

Павловскъ. Среда 21 [1]).

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Къ сожалѣнію, я не могъ попасть въ Петербургъ и достать письма Рейнкенса (къ Великому Князю и ко мнѣ по поводу рѣшеній синода) и Лангена съ препровожденіемъ послѣдняго приглашенія (на съѣздъ богослововъ въ Боннъ). Впрочемъ, ни одно изъ нихъ не заключаетъ въ себѣ какихъ либо особенно конкретныхъ и точныхъ данныхъ для богословскаго диспута или разговора, въ нихъ высказывается только живая надежда на то, что мы пойдемъ съ старокатоликами по одной и той же дорогѣ и встрѣтимся, выражается очень живое сочувствіе къ намъ (къ православнымъ). Посылаю Вамъ черновую моего отвѣта Рейнкенсу. Я не имѣлъ возможности съ кѣмъ либо посовѣтоваться, но такъ какъ я писалъ только отъ себя, то, ежели что либо „не такъ", то это не бѣда. Отвѣтъ Великаго Князя написанъ былъ Иваномъ Терентьевичемъ (В. К. сдѣлалъ только 2—3 стилистическихъ исправленія). Въ этомъ письмѣ, гораздо болѣе мягкомъ, нежели мое, Вел. Князь выражаетъ опасеніе, чтобы рѣшенія старокатолическаго синода [2]) не подали повода къ кривымъ толкамъ у насъ и не затруднили дѣла соединенія. Впрочемъ, за помѣстною старо-католическою церковью признается право поступить такъ, она какъ поступила (Иванъ Терентьевичъ говоритъ, что *правила* о постахъ не были утверждены вселенскими соборами и основаны на правилахъ, данныхъ монастырямъ, и что *способъ* исповѣди тоже не былъ точно опредѣленъ вселенскими соборами).

Въ Боннѣ будетъ д-ръ Овербекъ. Вы знаете, что онъ очень рѣзко относится къ протестантскимъ теоріямъ. Не можете ли Вы его поудержать; боюсь его пылкаго характера. Вел. Князь, вѣроятно, увидитъ его въ Парижѣ и будетъ говорить въ этомъ смыслѣ, но, можетъ быть, свиданіе это и не состоится, и въ этомъ случаѣ вся надежда на Васъ. Постарайтесь, чтобы дѣло не разрушилось какъ нибудь изъ за несущественныхъ какихъ-либо вопросовъ. „In dubiis libertas". Вел. Князь проситъ Васъ прислать ему (по адресу: Colonel Kiréeff. France. Biarritz. Poste restante) свѣдѣнія о ходѣ переговоровъ въ Боннѣ. Конечно, подробный и окончательный

---

[1]) Въ 1875 году, къ которому относится письмо, 21 число приходилось на среду въ маѣ. *И. С.*

[2]) Заявленія перваго синода нѣмецкихъ старокатоликовъ (27—29 мая 1874 г. въ Боннѣ), отвергавшія обязательность ежегодной устной исповѣди и высказывавшіяся противъ поста въ смыслѣ воздержанія отъ нѣкоторыхъ родовъ пищи. *И. С.*

отчетъ можетъ быть Вами представленъ только по возвращеніи въ Петербургъ; но В. К. надѣется, что Вы не откажетесь сообщить ему свѣдѣнія и изъ Бонна. Вы знаете, какъ ему близко это дѣло, и какъ онъ дорожитъ всякой подробностью, относящеюся до вопроса о будущемъ возсоединеніи.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

Черновое письмо мое прошу прислать мнѣ въ Біарриць изъ Бонна.

LVIII.

Павловскъ. Вторникъ.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Великій Князь желалъ бы съ Вами видѣться 15 іюня, въ воскресенье (это согласно съ Вашимъ указаніемъ?), послѣ обѣдни, т. е. въ первомъ часу. Предлагаю Вамъ выѣхать изъ Петербурга въ 10 часовъ 5 минутъ; поѣздъ приходитъ въ Павловскъ въ $^3/_4$ 11-го. Уѣхать Вамъ можно будетъ въ 2 часа (или позже, послѣ обѣда). Иванъ Терентьевичъ тоже будетъ.

Присылаю Вамъ при семъ письмо Деллингера и Овербека. И то и другое вызываетъ на разсужденія, къ которымъ и нужно будетъ приступить въ воскресенье. Прошу Васъ, многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ, возвратить мнѣ оба письма по прочтеніи; отошлите ихъ *съ нарочнымъ въ контору Мраморнаго дворца* (а *не* по почтѣ и въ Павловскъ).

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

P. S. Сейчасъ получилъ письмо (подпись не разборчива), въ которомъ увѣдомляютъ меня, по порученію Деллингера, что конференція назначена 12 августа.

LIX.

Вторникъ.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Вчера только получилъ я отъ Лангена (безъ письма) прилагаемую при семъ книгу. Я ее задержалъ на нѣсколько часовъ: хотѣлось посмотрѣть тѣ мѣста, которыя для насъ представляютъ особенную важность. На мой неопытный взглядъ—очень много хорошаго, во всякомъ случаѣ видно, что „sie (die Altkatholiken) meinen es ehrlich". Лангенъ въ одномъ изъ своихъ прежнихъ писемъ проситъ не печатать ничего о проектѣ Катихизиса и Учебника [1]), но будетъ, конечно, очень радъ, ежели мы что нибудь напишемъ ему о проектѣ, въ

[1]) Составленные проф. Лангеномъ „Katholischer Katechismus" и „Leitfaden für den katholischen Religionsunterricht an höheren Schulen". *И. С.*

особенности ежели можно будетъ написать что-либо хорошее. Мнѣ особенно пріятно видѣть въ проектѣ (конечно, насколько можно судить послѣ бѣглаго и неполнаго просмотра) полное отсутствіе іезуитскихъ кляузническихъ пріемовъ и разныхъ „reservationes“; высказано и за и противъ все, что они могли найти доступнаго для дѣтскаго пониманія. Кажется, потребовалось бы не много измѣненій и дополненій, чтобы сдѣлать „проектъ“ православнымъ. Семь таинствъ, кажется, поставлены крѣпко? Выходитъ, что разныя „principalia et praecipua salutis nostrae sacramenta“ были риторическіе цвѣты, брошенные англичанамъ, да и почитаніе святыхъ *принципіально признается*; очевидно, что прошлогоднія оговорки сдѣланы противъ ультрамонтанскихъ преувеличеній почитанія святыхъ.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

LX.

Петербургъ, 19 іюня.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Проекты Учебниковъ (Religionsbuch) находятся у Ивана Терентьевича. Я писалъ ему, прося препроводить ихъ прямо къ Вамъ. Надѣюсь, что это имъ уже исполнено.

Посылаю Вамъ только что полученный мною экземпляръ „Beschlüsse“ [1]).

Митрополитъ сербскій Михаилъ въ весьма любезномъ письмѣ сообщаетъ намъ, что онъ пошлетъ въ Боннъ нѣкоего архимандрита, хорошо говорящаго по нѣмецки.

Преданный Вамъ душевно А. Кирѣевъ.

P. S. Потрудитесь сообщить, когда Вы полагаете ѣхать за границу *).

---

[1]) Опредѣленія боннскаго синода 1874 г. *И. С.*

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Изъ жизни Императорской Петроградской Духовной Академіи.

Конецъ учебнаго года въ Академіи.

ВЪ концѣ минувшаго мѣс. марта закончились въ Императорской Петроградстой Духовной Академіи переходные и выпускные экзамены: на I, II и III курсахъ 30 марта и на IV курсѣ 31 марта.

Перваго апрѣля, послѣ Божественной литургіи, совершенной въ академическомъ храмѣ Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи, Епископомъ Анастасіемъ, было отслужено благодарственное Господу Богу молебствіе по случаю окончанія курса студентами нынѣшняго LXXXIII выпуска.

Преосвящ. Ректоръ Академіи, Епископъ Анастасій обратился къ нимъ съ слѣдующимъ прощальнымъ словомъ:

Возлюбленніи!

Привѣтствую васъ душевно съ окончаніемъ курса наукъ академическихъ.

Всѣ школьные годы ваши теперь уже для васъ полностью прошли. Вы пріобрѣли съ правами на дѣятельность и запасъ необходимыхъ для жизни и трудовой работы знаній, вы вступаете теперь на самостоятельный путь, вы счастливы, и только бы, кажется, вамъ радоваться, чувствуя свободу для дѣятельности честной души вашей.

Но прислушайтесь къ біенію вашего чуткаго, юнаго сердца, къ вашему теперешнему настроенію, и, мнѣ думается, вы замѣтите, что радость конца учебныхъ и ученыхъ занятій вашихъ отзывается у васъ нѣсколько въ тоскливыхъ тонахъ. При стремленіи вашей мысли впередъ, при мечтахъ и пла-

нахъ о предстоящей самостоятельной жизни и дѣятельности, будущей работѣ вашей, вамъ жаль разставаться съ высшей школой, жаль за тихую беззаботную жизнь въ ней, жизнь, полную возможности всецѣло отдаваться работѣ научной и самообразованію, что стало уже вашей привычкой, что, несомнѣнно, вы горячо полюбили, и всей душой, жаль товарищество, которое непремѣнно возгрѣвало въ васъ эту святую любовь къ научной работѣ, жаль тѣ радости, которыми наполнялась, конечно, ваша душа при возможности пріобрѣтать отъ своихъ учителей и руководителей все новыя и новыя научныя истины, глубоко интересныя для васъ...

Если это такъ, то—слава и благодареніе Господу Богу: вы познали науку и пріобрѣли научную истину, любите ее, не желая даже разставаться съ нею, и будете счастливыми въ ея передачѣ другимъ. Въ жизни вѣдь душевно и истинно доволенъ бываетъ тотъ, кто можетъ, любовно прилагая къ дѣлу всѣ свои истинныя пріобрѣтенія, честно и бодро трудиться и идти къ Вѣчной Истинѣ, кто другъ этого, кто питался этимъ всегда полно и искренно и кого не покидаетъ живое желаніе пополнять этотъ свой запасъ и далѣе въ жизни новыми и новыми пріобрѣтеніями въ области этихъ необходимыхъ знаній.

Да будете вы, други мои, обладателями всего этого духовнаго совершенства! Тогда вы будете въ жизни истинно счастливыми.

Святые апостолы, наши небесные покровители, великіе благовѣстники по всей вселенной Слова Истины, да даруютъ вамъ мудрость и силу въ предстоящемъ вашемъ пастырскомъ и наставническомъ трудѣ.

Скорбныя времена текущей войны, конечно, обстоятъ и васъ. Каждый несетъ теперь свой крестъ жизни. Предстоятъ нелегкіе жизненные кресты и вамъ. Мужайтесь и несите положенное вамъ отъ Господа терпѣливо теперь и нелѣностно въ будущемъ, молитвенно взирая на Крестъ Христовъ, памятуя страданія и муки Христа, Спасителя нашего, и ища подкрѣпленія для себя въ томъ терпѣніи, съ которымъ переносилъ Свои скорби за родъ человѣческій нашъ Господь, Святой Крестъ Котораго да будетъ на вашихъ персяхъ отъ меня благословеніемъ на ваши подвиги жизни и честное дѣланіе по заповѣди Божіей, предстоящіе вамъ теперь".

Въ тотъ же день оканчивающіе нынѣ курсъ студенты

были приняты въ покояхъ Высокопреосвященнаго Владыки Питирима, благословившаго ихъ на предстоящій жизненный путь евангеліями и образками. Второго апрѣля происходило собраніе Совѣта Академіи, на которомъ разсматривались результаты выпускныхъ экзаменовъ и производилась оцѣнка курсовыхъ кандидатскихъ сочиненій студентовъ IV курса.

Изъ 62 студентовъ LXXXIII выпуска окончили нынѣ курсъ 59 студентовъ: изъ нихъ 21 по первому разряду, 37 студентовъ по второму разряду и 1 студентъ удостоенъ званія дѣйствительнаго студента. Трое студентовъ не подали курсовыхъ сочиненій и не держали выпускныхъ экзаменовъ: одинъ—іеромонахъ находился на театрѣ военныхъ дѣйствій и двое по болѣзни. Подачу сочиненій и сдачу экзаменовъ имъ предоставлено Совѣтомъ Академіи отложить до осени.

Изъ занявшихъ первое мѣсто въ разрядномъ спискѣ студентовъ IV к. двое оставлены при Академіи на будущій 1916—1917 уч. годъ въ качествѣ профессорскихъ стипендіатовъ а именно: Балыковъ Петръ и Судакевичъ Николай. Сверхъ сего оставлены профессорскими стипендіатами на будущій уч. годъ два окончившихъ по первому разряду студентовъ—іеромонахъ: о. Серафимъ (Якубовичъ) и о. Иннокентій (Тихоновъ).

На другихъ курсахъ результаты переходныхъ испытаній выразились въ слѣдующемъ видѣ. Изъ числа 71 студ. III курса выдержали всѣ переходные на IV курсъ экзамены 54 студента, о 4 студентахъ III курса сужденіе отложено до возвращенія ихъ съ военной службы, а остальнымъ 12 студентамъ, по болѣзни, разрѣшено сдать переходные на IV к. испытанія и подать семестровое сочиненіе осенью текущаго года. Одинъ студентъ III к., іеромонахъ Ѳеодосій (Бѣлобабченко) скончался 17 го минувшаго марта въ г. Симферополѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Возвратившись въ Петроградъ съ театра военныхъ дѣйствій, гдѣ о. Ѳеодосій въ теченіе минувшаго 1915 года исполнялъ обязанности духовника, съ явно выраженной послѣ простуды бугорчаткой горла и легкихъ, онъ послѣ непродолжительнаго лѣченія въ академической больницѣ, отправился въ Крымъ. Прибывъ въ Симферополь 17 марта въ 4 часа утра, о. Ѳеодосій велѣлъ извощику везти себя въ одну изъ гостинницъ. Подъѣхавъ къ гостинницѣ, извощикъ обнаружилъ, что сидѣвшій батюшка мертвъ. Отпѣваніе покойнаго было совершено со-

борне настоятелемъ Бахчисарайскаго Успенскаго скита архимандритомъ Діонисіемъ въ церкви Новаго Кладбища г. Симферополя и на томъ же кладбищѣ тѣло предано землѣ, въ присутствіи преосвященнаго Сильвестра, епископа Севастопольскаго, Викарія Таврической епархіи.

Изъ 72 студентовъ II курса 70 студентовъ сдали всѣ экзамена и удостоены перевода на III курсъ, а двоимъ студентамъ по болѣзни разрѣшено сдать недержанные ими экзамены осенью тек. г. Изъ 102 студ. I курса 68 студ. удостоены перевода въ слѣд. II курсъ, 1 студентъ-свящ. уволенъ согласно прошенію, 1 студ. оставленъ на второй годъ по болѣзни согласно прошенію, 9 студентовъ уволены какъ неявившіеся въ Академію въ теченіе уч. года для занятій и для сдачи экзаменовъ, двоимъ студентамъ разрѣшено держать переходные экзамены на II к. и подать семестровое сочиненіе осенью тек. года, а сужденіе объ остальныхъ студентахъ I к., не сдававшихъ всѣхъ или нѣкоторыхъ экзаменовъ по случаю призыва въ февралѣ мѣс. на военную службу, какъ родившихся въ 1895 году, сужденіе отложено до возвращенія ихъ съ театра военныхъ дѣйствій.

Изъ другихъ дѣлъ, рѣшенныхъ въ Совѣтѣ Академіи въ концѣ минувшаго учебнаго года, заслуживаютъ быть отмѣченными слѣдующія.

I. Допущено къ защитѣ на коллоквіумѣ магистерское сочиненіе кандидата богословія В. В. Четыркина,—подъ заглавіемъ: „Апокалипсисъ Св. Апостола Іоанна Богослова. Исаагогическое изслѣдованіе".

II. Принято на соисканіе ученой степени доктора церковной исторіи печатное сочиненіе экстраординарнаго профессора Б. В. Титлинова, подъ заглавіемъ: „Гавріилъ Петровъ, Митрополитъ Новгородскій и Санктпетербургскій. Его жизнь и дѣятельность въ связи съ церковными дѣлами того времени".

III. Разрѣшено къ печатанію бывшее уже на разсмотрѣніи профессоровъ-рецензентовъ магистерское сочиненіе преподавателя Московской Дух. Семинаріи, іеромонаха Венедикта (Алентова), подъ заглавіемъ: „Чинъ таинства елеосвященія (историко-литургическій очеркъ)".

IV. Представлены на соисканіе ученой степени магистра богословія рукописныя сочиненія, сданныя нынѣ на разсмотрѣніе профессоровъ-рецензентовъ: а) „Іезуитская школа XVI

и начала XVII вѣка (критическій очеркъ образовательно-воспитательной системы іезуитскаго ордена въ ея происхожденіи, сущности и первоначальномъ примѣненіи съ точки зрѣнія педагогической и нравственно-аскетической)"—испр. д. доц. Н. А. Коновалова; б) „Библейское первобытное откровеніе и его слѣды въ религіяхъ культурныхъ народовъ древности" — преподавателя Ярославской Духовной Семинаріи А. Быстрова; в) „Церковный судъ въ Россіи до изданія Соборнаго Уложенія Алексѣя Михайловича (1649 г.)"—преподавателя Петроградской Духовной Семинаріи, іеромонаха Николая (Ярушевича), и г) „Императоръ Константинъ Великій и его религіозная политика"—преподавателя той же семинаріи П. В. Табинскаго.

Магистерскій коллоквіумъ.

18 апрѣля, въ понедѣльникъ Ѳоминой недѣли, съ 1 часа дня до 5 часовъ вечера въ актовомъ залѣ Императорской Петроградской Духовной Академіи происходилъ публичный коллоквіумъ, на которомъ кандидатъ богословія (выпуска 1912 года) Василій Васильевичъ Четыркинъ защищалъ представленное имъ на соисканіе ученой степени магистра богословія печатное сочиненіе свое, подъ заглавіемъ: „Апокалипсисъ Св. Апостола Іоанна Богослова. Исагогическое изслѣдованіе, Петроградъ. 1916 г.". Магистрантъ—изъ воспитанниковъ Смоленской Духовной Семинаріи (род. 23 дек. 1888 г.)—въ 1908 году поступилъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ Императорской Петроградской Духовной Академіи, курсъ которой окончилъ въ 1912 году первымъ по разрядному списку студентомъ; сразу же затѣмъ оставленъ былъ профессорскимъ стипендіатомъ при Академіи на 1 годъ при каѳедрѣ Свящ. Писанія Новаго Завѣта (съ 16 авг. 1912 г.); но съ 21 марта по 19 іюля 1913 г. онъ состоялъ уже преподавателемъ философскихъ наукъ и дидактики въ Литовской Духовной Семинаріи. Съ 5 августа 1913 г. В. В. Четыркинъ зачисляется въ студенты Императорскаго Петроградскаго Университета (по историко-филологическому факультету), курсъ котораго окончилъ осенью минувшаго 1915 года съ дипломомъ первой степени; при этомъ оставленъ при Университетѣ для приготовленія къ профессорской и преподавательской дѣятельности по каѳедрѣ всеобщей исторіи срокомъ на два года—до 7 ноября 1917 года. Свою

магистерскую диссертацію В. В. Четыркинъ переработалъ изъ курсового (кандидатскаго) сочиненія, писаннаго на ту же тему и удостоеннаго Совѣтомъ Академіи Макаріевской (студенческой) преміи въ 450 руб. Въ рукописномъ видѣ диссертація его была представлена въ Совѣтъ Академіи на соисканіе ученой степени магистра богословія въ январѣ 1914 г.; въ мартѣ 1915 г. она была разрѣшена къ печатанію и въ апрѣлѣ 1916 г. допущена къ защитѣ на коллоквіумѣ. Коллоквіумъ удостоили своимъ посѣщеніемъ—Высокопреосвященный Питиримъ, Митрополитъ Петроградскій и Ладожскій, завѣдывающій придворнымъ духовенствомъ, протопресвитеръ А. А. Дерновъ, заслуженный профессоръ-протоіерей С. А. Соллертинскій, графъ Н. Ѳ. Гейденъ и др. свѣтскія и духовныя лица.

Оффиціальными оппонентами на коллоквіумѣ по назначенію Совѣта Академіи были—ординарный профессоръ Николай Никанор. Глубоковскій и экстра-ординарный профессоръ, Инспекторъ Академіи Сергѣй Мих. Заринъ. Оба оппонента, сдѣлавъ спеціальныя замѣчанія и отмѣтивъ тѣ или иные пункты въ диссертаціи В. Четыркина, съ большою похвалою отозвались о достоинствахъ ученой работы диссертанта, признавъ за нимъ неоспоримое право на полученіе искомой имъ ученой степени магистра богословія.

Кромѣ оффиціальныхъ оппонентовъ, съ разрѣшенія Преосвящ. Ректора Академіи, выступилъ въ качествѣ посторонняго оппонента врачъ А. В. Кордобовскій, высказавшій свои личныя наблюденія и впечатлѣнія отъ чтенія диссертаціи и въ особенности отъ чтенія имъ Откровенія Іоанна Богослова, какъ пророческой книги Новаго Завѣта.

По окончаніи коллоквіума Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи, Епископомъ Анастасіемъ, отобраны были отъ присутствовавшихъ членовъ академическаго Совѣта голоса по вопросу объ удовлетворительности представленной магистрантомъ защиты своей диссертаціи, при чемъ оказалось, какъ то и было объявлено здѣсь же, что Совѣтъ Академіи единогласно призналъ означенную защиту удовлетворительною и постановилъ просить Его Высокопреосвященство ходатайствовать предъ Св. Синодомъ объ утвержденіи В. В. Четыркина въ ученой степени магистра богословія.

Новыя книги.

Абрамовичъ Д. И., проф. Житія святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба и службы имъ. Памятники древне-русской литературы. Вып. 2. Пгр. 1916. XXIII+204 стр. Ц. 2 р.

Богородицкій В. А., проф., Краткій очеркъ сравнительной грамматики аріо-европейскихъ языковъ. Казань 1916. IV+178 стр. Ц. 1 р. 50 коп.

Гальковскій Н. М., Борьба христіанства съ остатками язычества въ древней Руси. Томъ I. Харьковъ 1916. IV+376 стр.

Евсѣевъ И. Е., проф. Столѣтняя годовщина русскаго перевода Библіи. Пгр. 1916. 42 стр. Ц. 30 к.

Нечаевъ П. Теизмъ какъ проблемма разума. Генрихъ Ульрици. Къ вопросу о методологіи научно-философскаго обоснованія теизма. Сергіевъ Посадъ 1916. XVI+IV+542+II стр. Ц. 3 р. 50 коп.

Покровскій А. А., Древнее Псковско-Новгородское письменное наслѣдіе. Обозрѣніе пергаменныхъ рукописей Типографской и Патріаршей библіотекъ въ связи съ вопросомъ о времени образованія этихъ книгохранилищъ. М. 1916. 190+XCI стр.

Рѣдинъ Е. К., проф. Христіанская топографія Козьмы Индикоплова по греческимъ и русскимъ спискамъ. Подъ ред. Д. В. Айналова. Ч. 1. М. 1916. XV+366 стр. съ рис. I+XXXII листовъ съ рис.

Пыпинъ А. Н., Религіозныя движенія при Александрѣ I. Предисловіе и примѣчаніе Н. К. Пиксанова. Пгр. 1916. IX+483 стр. Ц. 4 р.

Стеллецкій Н., проф.-прот. Опытъ нравственнаго православнаго богословія въ апологетическомъ освѣщеніи. Въ трехъ томахъ. Томъ II. Часть 2-я. Харьковъ 1916. 672 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Сѣдыхъ Н., Очерки исторіи Пермской духовной семинаріи за 1877—84 г.г. Пермь 1915. VIII+254 стр.

Тимашевъ Н. С. Религіозныя преступленія по дѣйствующему русскому праву. Пгр. 1916. 104 стр. Ц. 1 р.

Титлиновъ Б. В. проф. Гавріилъ Петровъ, митрополитъ Новгородскій и Санктпетербургскій. Его жизнь и дѣятельность въ связи съ церковными дѣлами того времени. Пгр. 1916. V+1197 стр. Ц. 7 р.

Христіанскіе праздники. Всестороннее освѣщеніе каждаго изъ великихъ праздниковъ со всѣмъ его богослуженіемъ. Книга 4. Рождество Христово. Подъ ред. проф. М. Скабалановича. Кіевъ 1916.

Авторы и издатели, желающіе, чтобы о вновь выходящихъ книгахъ помѣщено было въ „Христіанскомъ Чтеніи“ сооб-

щеніе или отзывъ, благоволятъ присылать въ редакцію журнала (Невскій проспектъ, д. 182, кв. 10) по одному экземпляру каждой книги.

Поименованныя книги въ конторѣ журнала не продаются, и контора не принимаетъ на себя комиссіи по пріобрѣтенію ихъ въ книжныхъ магазинахъ.

СОДЕРЖАНІЕ БОГОСЛОВСКИХЪ АКАДЕМИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ:

БОГОСЛОВСКАГО ВѢСТНИКА.

МАРТЪ—АПРѢЛЬ 1916 г.

Проф. Александръ Павловичъ Шостьинъ. ***А. Т., К. М. Попова*** и ***І. І.*** (Некрологъ). Съ портретомъ и автографомъ.

Годы студенчества. (1870—1874). ***В. А. Соколова.***

Древо знанія и древо жизни. ***С. С. Глаголева***

Ученіе бл. Августина о познаніи души. ***И. В. Попова.***

Старообрядческіе „свитки брачнаго сочетанія". ***К. В. Харламповича.***

Поѣздка въ чужіе краи К. С. Аксакова. (Письма къ роднымъ). Сообщилъ ***А. А. Александровъ.***

Сотеріологія Петра Абелярда (въ связи съ антропологическими его воззрѣніями). ***А. П. Орлова.***

Профессоръ Московской Духовной Академіи П. С. Казанскій и его переписка съ Архіепископомъ Костромскимъ Платономъ. Сообщилъ ***Прот. А. А. Бѣляевъ.***

Критика: І. Н. В. Лысогорскій. Единовѣріе на Дону въ XVIII—XIX в. (по 1883 г.). Сергіевъ Посадъ. 1915. Цѣна 6 рублей. ***Протоіерея Д. В. Рождественскаго.*** ІІ. Профессоръ Н. В. Покровскій. Церковная археологія въ связи съ исторіей христіанскаго искусства. 417 рисунковъ. Петроградъ, 1916 г. Стр. 1—XV, 1—222. ***Н. Д. Протасова.***

Некрологи: І. Памяти Софіи Мартыновны Смирновой. ***П. К.*** ІІ. Памяти Ѳедора Евгеніевича Корша. ***Свящ. С. М. Соловьева.***

Журналы собраній Совѣта Императорской Московской Духовной Академіи за 1915 г.

Изъ лекцій по Священному Писанію Ветхаго Завѣта, читанныхъ доцентомъ Московской Духовной Академіи ***А. А. Ждановымъ.*** Подъ редакціей ***Іеромонаха Варсонофія.***

Изслѣдованія Апокалипсиса. ***А. М. Бухарева (Архимандрита Ѳеодора).***

ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА.

ЯНВАРЬ 1916 г.

Лютеранское ученіе по Шмалькальденскимъ членамъ (Критическій очеркъ). *І. В. Боркова.*

Философія Ницше въ ея отношеніи къ христіанству. (Опытъ богословско-философскаго изслѣдованія философіи Ницше). *И. И. Сатрапинскаго.*

Книги Екклесіастъ и Пѣснь Пѣсней въ греко-славянскомъ и русскомъ переводахъ. *П. А. Юнгерова.*

Императоръ Константинъ Великій, святой, равноапостольный. *Ѳ. А. Курганова.*

Библіографическая замѣтка. *К. В. Харламповича.*

Содержаніе: 1) Октябрь — Ноябрь—Декабрьской книжки Богословскаго Вѣстника и 2) Декабрьской книжки Христіанскаго Чтенія за 1915 г.

Объявленія.

Инородческое Обозрѣніе, приложеніе къ журналу „Православный Собесѣдникъ“ за іюнь 1915 года. Книга 11-ая.

Отчетъ о состояніи Императорской Казанской Духовной Академіи за 1914—1915 учебный годъ. (Съ 16-го августа 1914 г. по 15-е августа 1915 г.).

Протоколы засѣданій Совѣта Казанской Духовной Академіи за 1913 годъ.

ТРУДОВЪ
ИМПЕРАТОРСКОЙ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

АПРѢЛЬ 1916 г.

I. Страсти Христовы и страждущая Русь. Слово въ пятокъ первой седмицы великаго поста, при воспоминаніи страстей Христовыхъ. *Архимандрита Тихона.*

II. О бранѣ противъ князя міра сего. Слово въ пятокъ второй седьмицы великаго поста, при воспоминаніи страстей Христовыхъ. *Прот. Н. С. Гроссу.*

III. Крестъ жизни и знамя крестное. Слово въ пятокъ третьей седьмицы великаго поста, при воспоминаніи страстей Христовыхъ. *Л. А. Соколова.*

IV. Любовь—залогъ побѣды. Слово въ пятокъ четвертой седьмицы великаго поста, при воспоминаніи страстей Христовыхъ. *Н. Д. Бесѣдобова.*

V. Душевное спасеніе, какъ величайшее благо и радость жизни. ***Л. А. Соколова.***

VI. Древне-христіанскій писатель Арнобій и его апологія христіанства (Adversus nationes). ***Н. М. Дроздова.***

VII. Максимъ Ѳеодоровичъ Берлинскій, бывшій ученикъ и учитель Кіевской Академіи, и его учено-литературная дѣятельность. ***Н. Семейкина.***

VIII. Памяти митрополита Антонія. (По поводу книги М. Б. Антоній, митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій. 1915 г., стр. 290+186). ***Прот. І. Н. Корольнова.***

IX. Содержаніе академическихъ богословскихъ журналовъ.

Въ приложеніи:

X. Извлеченіе изъ журналовъ Совѣта Императорской Кіевской Дух. Академіи за 1914—1915 учебный годъ.

XI. Объявленія.

XII. Оглавленіе I-го тома „Трудовъ Императорской Кіевской Дух. Академіи“ за 1916-й годъ.

Редакторъ, профессоръ Императорской Петроградской Духовной Академіи *Николай Сагарда.*